2001 1 (18)

Гістарычная БРАМА

Гісторыка-краязнаўчы часопіс

Выдаецца штоквартальна Год заснавання 1997

Читайте в номере:

- *1831 год на Берестейском Полесье;*
- *Возникновение белорусской национальной идеи – новый взгляд;*
- *Загадки и тайны 14 декабря 1825 года;*
- *Восстание на Сенатской площади “началось” в Бресте?*

А также другие эксклюзивные материалы.

Сведения об авторе

Ильин Александр – доцент кафедры высшей математики Белорусского государственного университета транспорта, проживает в г. Бресте. Последние пять лет занимается исследованиями истории Беларуси, Украины, Полесья, а также Древней Руси. Автор более сотни газетных статей по краеведению, около 50 научных статей, печатавшихся в белорусских журналах “Нёман”, “Спадчына”, “Мастацтва”, украинских “Сіверяньский літопис”, “Сучастність”, “Пам’ять століть”, “Слово і час” и др.

Занимается поиском разгадок разнообразных исторических тайн, разоблачением литературных и исторических фальсификаций. Выдвинул свои версии авторства “Слова о полку Игореве”, “Повести временных лет”, “Истории русов”, “Записок янычара”, свою трактовку таких исторических событий как заговор Мировича, тайная миссия поэта Василия Капниста в 1791 году в Берлине о восстании в Малороссии и др.

Сейчас работает над своей версией происхождения белорусов и Руси.

К 175-летию восстания декабристов
К 170-летию ноябрьского восстания

За вашу и нашу свободу!

В бурные дни января 1831 года польские повстанцы выдвинули знаменитый лозунг “За вашу и нашу свободу!” По мнению большинства специалистов, его автором был выдающийся польский историк и политический деятель Иоахим Лелевель. На пути войск фельдмаршала Дибича постоянно попадались воткнутые в снег флажки с надписью “За вашу и нашу свободу!”

25 января 1831года в Варшаве состоялась массовая демонстрация в память пяти казнённых декабристов. Известный польский политический деятель Маврикий Мохнацкий так описывает это событие: “Настал день 25 января, день во всех отношениях памятный, когда население Варшавы чествовало память мёртвых русских республиканцев Пестеля и Рылеева, а сейм свергал с трона живого Николая. С утра рынки и площади заполнились народом, а палаты – депутатами… Члены студенческой гвардии, те именно, которые перед днём 29 ноября были заключены в тюрьме Кармелитов, несли гроб на карабинах, сложенных наперекрест. Гроб был чёрный, лежал на нём лавровый венок, переплетённый трёхцветными лентами. На пяти щитах начертаны великие имена: Рылеева, Бестужева-Рюмина, Пестеля, Муравьёва-Апостола и Каховского. Процессия двинулась с площади Казимира. На траурном изголовье вместо короны или орденов лежала впереди трёхцветная кокарда – девиз европейской свободы. Нёс её молодой капитан гвардии. Далее шли три других капитана, недавние студенты университета. То были мистры церемонии; вслед за ними со спущенными в знак траура оружием шествовал отряд студентов. Посреди них развевалось перевязанное крестом голубое знамя университета, за гробом шло несколько отрядов гвардии… Неисчислимая масса народа разных сословий и пола заполняла улицы и окна помещений, где проходила процессия. Ей сопутствовало несколько десятков офицеров национальной гвардии, а также отряд вольных стрелков... На пути к восточной каплице на Подвале, где духовенство греко-униатского обряда служило траурную обедню, процессия задержалась у колонны Зигмунта…”

И. Лелевель

Александр Одоевский

При известии о польской революции

Едва дошёл с далёких берегов
Небесный звук спадающих оков
И вздрогнули в сердцах живые струны, –
Все чувства вдруг в созвучие слились…
Нет, струны в них ещё не порвались!
Ещё, друзья, мы сердцем юны!
И в ком оно от чувств не задрожит?
Вы слышите: на Висле брань кипит!
Там с Русью лях воюет за свободу
И в шуме битв поёт за упокой
Несчастных жертв, проливших луч святой
В спасенье русскому народу…

Александр Пушкин

Клеветникам России

О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? Волнение Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? Вот вопрос.

Диалог между двумя русскими поэтами так прекрасно начался пушкинским стихом “Во глубине сибирских руд…” и ответом из Сибири Александра Одоевского. И как печально закончил его великий Пушкин.

А. ИЛЬИН

Берестейские и свислочские страницы дела №632

В первой половине XIX века большинство берестейской шляхты училось в знаменитой Свислочской гимназии, которая за короткий срок своего существования с 1806 по 1851 гг. воспитала огромное количество патриотов, да каких: Кастусь и Виктор Калиновские, Ромуальд Траугутт, Владислав Малаховский, Виктор Гельтман, братья Леон и Павел Зенкевичи, Адам Сузин, Юзеф Ковалевский, Феликс Ляхович, Наполеон Орда, Каэтан, Юзеф и Люциан Крашевские, Райнольд Суходольский, Адольф Белокоз, Кароль Немцевич, Томаш Красковский. В этом славном списке подавляющее большинство берестейцев. Попытаемся объяснить такой феномен. Тем более, до сих пор не выяснен вопрос о связях свислочских гимназистов и виленских филаретов.

Дело №632 началось 3 мая 1823 года, когда вилен-

Н.Н. Новосильцев

А.Е. Чарторыйский

ские гимназисты написали на доске "Да здравствует Конституция 3 мая!" В Вильно тотчас примчался царский клеврет Николай Новосильцев, который давно выступал против польской по духу системы образования в Виленском учебном округе (попечитель Адам Ежи Чарторыйский). Сенатору Новосильцеву очень хотелось связать выступление гимназистов с Виленским университетом, чтобы показать императору Александру I всю стройную, начиная со школы, систему подготовки польских патриотов, созданную Чарторыйским. В случае успеха задуманного расследования государственная карьера князя, старого врага сенатора, была бы закончена. Для этого Новосильцев даёт приказ арестовать близкого сотрудника князя, ректора университета Юзефа Твардовского (уроженца Пинщины), создаёт специальную комиссию для расследования дела гимназистов, но такая активность поначалу ничего не дала. Тайные студенческие общества летом ещё не были раскрыты, но на счастье сенатора в Варшаве в то время был арестован известный революционер Виктор Гельтман, который стал давать показания по организованному им в Свислочской гимназии тайному обществу. Вот что пишет Новосильцев об этой раскрытой организации великому князю Константину: "реченное общество составилось в исходе 1819 и что в образовании онаго участвовали все вообще ученики свислоцкой гимназии 6 класса, а именно 1. Дионисий Шлаевский, президент общества. 2. Григорий Ващилович, секретарь. 3. Ян Янковский. 4. Фома Красковский. 5. Людвик Малаховский. 6. Казимир Малаховский. 7. Антон Конахович. 8. Франциск Эйхлер. 9. Алоисий Керножицкий. 10. Осип Пржибыльский. 11. Северин Раюнец. 12. Осип Гельтман. 13. Эразм Покрошинский. 14. Павел Цеплинский. 15. Сигмунд Кринский.

К учреждению сего общества дал повод помянутый Виктор Гельтман, который в 1819 году написал к брату своему Осипу в 6 классе свислоцкой гимназии тогда обучавшемуся, что недовольно образовать ум свой одною теорией, но что нужно уметь излагать свои мысли и изъяснять оныя на бумаге, что до сего достичь нельзя иначе, как через чистое совместное в том упражнение и критическое рассмотрение чужих сочинений, почему и советовал предложить о сем прочим ученикам 6 класса, чтобы они для взаимного в красноречии усовершенствования и образования слога составили общество, на каковой конец обещал им прислать устав. Осип Гельтман письмо брата сообщил своим товарищам и они, согласясь на предложение, учредили под председательством Шлаевского вышеупомянутое общество. Когда же Осип Гельтман донёс о том своему брату, то сей прислал ему при другом, выше сего уже упомянутом, письме проект устава, который за сим читан был Шлаевским на заседании общества."

В ходе следствия выяснилось, что кроме Учебного или Наукового общества в гимназии действовало ещё и Моральное: "общество, составленное того же 6-го класса учениками, кои, кончив все преподаваемые в оном науки, занимались при свислоцкой гимназии должностью гувернеров или домашних наставников младших учеников. Все нижепоименованные члены общества собирались в некоторые известные дни, одетые в черные платья, а к сему обществу принадлежали именно: 1) Яков Абрамович, президент общества. 2) Игнатий Кочальский, секретарь онаго. 3) Фаддей Зелинский. 4) Николай Забелло. 5) Андрей Корганович. По сделанному мною распоряжению, доставлены из числа их в Вильну Абрамович, Кочальский и Зелинский".

11 августа 1823 года в Бресте и Кобрине получили депеши об изъятии бумаг братьев Гельтманов в Верховичах, Людвика Малаховского в Кобрине и Андрея Кургановича в Пружанах. Сенатор также просил киевского генерал-губернатора арестовать Осипа Гельтмана. Сразу это сделать не удалось, так как Осип гостил в поместье своего опекуна, графа Александра Ходкевича, в Чернобыле. Изъятие бумаг у Гельтманов ничего не дало. О чём пишет сам Новосильцев гродненскому губернатору Андржейковичу:

Милостивый Государь мой
Михайло Фаддеевич

Я имею честь получить почтенейшее отношение Вашего Превосходительства от 16-го Августа №11, 022, с препровождением бумаг Франца и Леона Гельтманов, и находя все принятые Вами в следствии моего с вами сношения меры, соответствующими цели и обещающими полной успех я не имею ничего по сему предмету к присовокуплению.

Бумаги братьев Гельтманов, как незаключающие в себе предосудительного, или непозволенного возвращаю Вашему Превосходительству, для отсылки к ним обратно, оставляя у себя расписки отца и Франца Гельтмана.

С истинным и совершенным почтением, честь имею быть.

Вашего Превосходительства покорный слуга.
№1100 *Новосильцев*
20 августа 1823
Слоним

НАРБ (Гродно) ф.1, оп.2, ед. хр. 246, л.66

Не обнаружив ничего предосудительного, полиция с целью ареста и допроса разыскивает и других членов общества.

По Секрету

Его Превосходительству Господину Статскому Советнику Гродненскому Губернатору кавалеру Михаилу Фаддеевичу Андржейковичу

Рапорт

По Секретной выправке учиненной в Деревне Войской заседателем Токаржевским Вашему Превосходительству честь имею донести, что академик Ян Янковский до сего времени еще к отцу своему не возвратился.

Исправник.
Августа 25-го 1823 года

НАРБ (Гродно) ф.1, оп.2, ед. хр. 246, л. 29

Но через несколько дней Ян Янковский всё же был арестован, поскольку уже 31 августа полиция начала поиски его друга и земляка Адама Сузина. Дальнейшие события Новосильцев описывает так: "По снятии допросов с членов вышесказанных обществ, существовавших между учениками свислоцкой гимназии, разсматривая я оныя, и затем из показаний Янковскаго, что он в объяснении найденных в его бумагах стихов, им самим сочиненных, сознаваясь токмо в неистовом искушении, которое водило его пером, когда он их писал, очевидно утаивал все прочия обстоятельства, которыя могли-бы на кого-либо навлечь подозрение, покрывая все свои показания самыми ложными и даже с здравным разсудком несовместными вымыслами, я счел нужным на самом протоколе его показаний написать против каждой статьи мои замечания и предписать комисии, чтобы она вновь его передопросила и отнюдь не довольствовалась такими ответами, которые заключают в себе или явную ложь или противоречат прежним его показаниям или известным уже обстоятельствам дела. Комиссия, приступив к сему новому допросу, убеждала его, что все его запирательства и увертки бесполезны, показывала ему мои замечания и решилась, наконец, дать ему прочесть чистосердечное показание канонара Виктора Гельтмана. На сие Янковский, смутившись, затрепетал и едва не упал в обморок, потом собравшись с силами, объяснил, что он все откроет на письме."

Ещё до этого признания виленский полицмейстер Шлыков пытается, по поручению сенатора, связать дело о свислочских студенческих тайных обществах с виленскими.

Виленский Полицмейстер №1384 августа 31-го дня 1823 года Вильно

Его Превосходительству Господину Гродненскаму Губернатору и Кавалеру Михаилу Фаддеевичу Андржейковичу

Рапорт

Отправленные от Вашего Превосходительства ко мне Бумаги, отобранные у студентов бывших в Свислоцкой гимназии Якова Абрамовича, Казимира Малаховского, Николая Забеллы и Алоизия Кернозицкого, я имею Честь получить 28-го числа сего Месяца.

Виленский Полицмейстер Статский Советник Шлыков

НАРБ (Гродно) ф.1, оп.2, ед. хр. 246, л. 36

Заводится дело №632 о студентах Виленского университета и Свислоцкой гимназии, подозреваемых в принадлежности к тайному обществу. Полицмейстер ищет для ареста виленских филаретов, имена которых назвал Янковский. Имеются всё-таки сомнения, что имя Адама Сузина назвал Янковский. У полиции было всего несколько дней, чтобы найти и арестовать Яна и выведать у него о Сузине. Однако, как видно из донесения Новосильцева, Янковский не сразу стал сотрудничать со следствием, пытался выкрутиться.

Виленский полицмейстер №1385 август 31-го дня 1823 года Вильно

Секретное
Его Превосходительству Господину Гродненскаму Гражданскому Губернатору и Кавалеру Михайло Фаддеевичу Андржейковичу

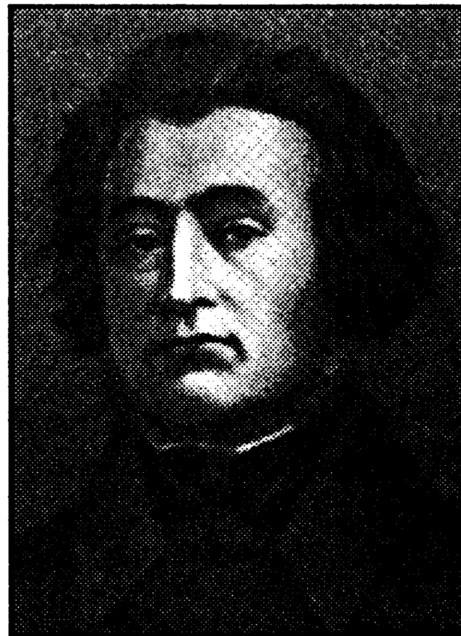
Рапорт

По обстоятельствам следствия происходимого по препоручению Господина Тайнага Советника Сенатора и Кавалера Николая Николаевича Новосильцева нужен студент Виленскаго Университета Адам Сузин, который теперь Гродненской губернии в Кобринском повете у родственников своих, и неизвестно намерен возвратиться в Вильну по окончании Вакациев, а для того я изспрашиваю Вашего Превосходительства приказания Кому следует, выслать того студента Сузина в Вильну как найскорее под присмотром дабы он не имел ни с кем предварительнаго сношения, о чем доносено Мною и Его Превосходительству Господину Сенатору.

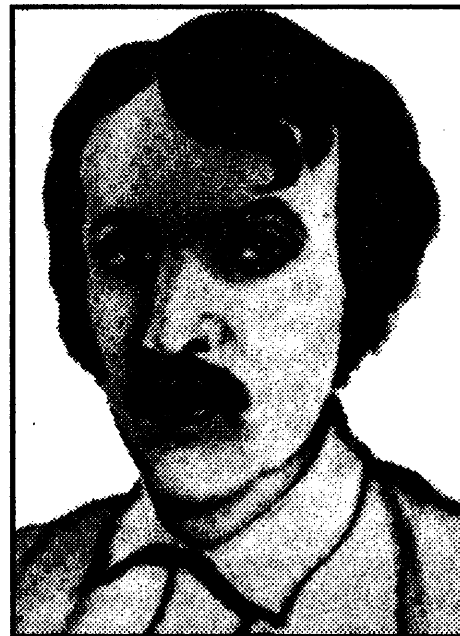
Виленский Полицмейстер Статский Советник Шлыков

НАРБ (Гродно) ф.1, оп.2, ед. хр. 246, л. 36

Наш земляк Адам Сузин (1800-1879) заслуживает отдельного разговора. Его роль в обществе филаретов недостаточно оценена историками. Несомненна заслуга Сузина в том, что малочисленный полумасонский просветительский кружок филоматов превратил-



А. Мицкевич



Я.Чечот

ся в достаточно серьёзную политическую организацию – филаретов. Поэтому он получил одно из самых суровых наказаний: полгода заключения в крепости Орск с последующей ссылкой в Уфу. Недаром великий Адам Мицкевич увековечил филарета в третьей части поэмы "Дзяды" под его собственной фамилией. Герой поэмы Сузин в тюрьме жалуется своим друзьям:

– Я без окна живу и всё равно, что в яме
Как отличишь там день от ночи, свет от тьмы.

Великая польская писательница Мария Конопницкая как-то трепетно относилась к семейству Сузиных. Соратнику Зигмунта Сераковского Павлу Сузину она посвятила целый рассказ "Как погиб Сузин". На стра-

ницах иных её произведений также часто встречается фамилия Сузин.

Ещё в 1816 году юный Адам Сузин выступает с рефератом против антинаполеоновской брошюры бывшего костюшковца Петра Богурского. Это говорит о высоком интеллектуальном уровне Свислочской гимназии. Пылкий гимназист полемизирует со взглядами автора брошюры, не избегает острых выпадов против агрессивной внешней политики России, но к Александру I ожесточения не питает. Позднее Сузин писал: “Пусть бы такой хороший монарх, это нельзя оспорить, только одной Польшей правил, пусть бы её исторические границы были возвращены, а в это время каждый поляк без всякого усилия признал бы честь отечества, считал бы себя счастливым.“ Этим одним высказыванием рушится миф о том, что в филоматской среде возникла белорусская национальная идея. Ведь филареты были ярыми польскими националистами и славянофилами. Они, как польские патриоты, даже не задумывались о развитии белорусской литературы и языка и искренне стремились использовать устнопоэтическое творчество белорусских крестьян для подпитки польского романтизма. Под влиянием идей великого слависта Зориана Доленги-Ходаковского члены общества Михаил Рукевич и Франтишек Малевский составили и тайно напечатали “Инструкцию для составления описания N-ского прихода N-ского уезда N-ской губернии”, которое поручалось составлять филоматам в родных местах во время каникул. Наряду со сбором географических, демографических, экономических сведений предлагалось собирать сведения о моральных качествах различных общественных групп, изучать белорусский фольклор, быт и прошлое народа. Филоматы считали белорусскую культуру частью народной польской культуры. Ян Чечот обращается к белорусскому языку только во время филоматских ритуалов: белорусскоязычные сценки для именин Юзефа Ежовского и Франтишека Малевского, знаменитая песня “Да пакіньце ж горла драць” (написана к именинам Дионисия Хлевинского) и т.д. Использование белорусского языка было, на наш взгляд, как бы мистическим прикосновением к духовным началам своего народа. В пользу предложенной версии говорит и тот факт, что позднее Чечот, собирая народные песни, не издавал их на белорусском языке (что совершенно неестественно), а переводил на польский язык. Интересно, что Ян Янковский тоже писал поэтические приветствия к именинам филаретов, которые, к сожалению, не сохранились. Возможно, он их писал на подлясском диалекте украинского языка. Похоже, что в будущем и его родной брат, известный писатель Плакид Янковский сделает попытку писать на родном языке.

В общем именном списке филаретов, составленном Новосильцевым, находим 15 берестейцев (быть может, их там и больше, но не у всех указано точное место рождения):

3. Адам Сузин, кандидат философии, 23 лет, Гродненской губ., Брестский уез.; за отцом его имение Залешаны; секретарь Зеленого союза.

10. Фома Павлович, кандидат юриспруденции, 27 лет, Гродненской губ., Брестского уез., сын униатского священника.

15. Оттон Слизень, 17 лет, Гродненской губ., Новогродского уез., где родители его имеют имение Бортники.

24. Иван Янковский, студент философии, 20 лет, Гродненской губ., Брестскага уез., сын ксендза прелата униатскаго исповедания. Он же был и в обществе Науковом, существовавшем между учениками 6 класса Свислоцкой гимназии.

44. Иван Юндзилл, кандидат юриспруденции, 21 лет, Гродненской губ., Слонимскаго уез., где имеет имение Добромысль.

45. Михаил Ширма, кандидат юриспруденции, 22 лет, Гродненской губ., Слонимскаго уез., где имеет имение Споров.

49. Северин Корсак, кандидат юриспруденции, 24 лет, Минской губ., Пинскаго уез., где состоит за отцом его имение Гошаны.

51. Руфин Юндзилл, студент юриспруденции, 22 лет, Гродненской губ., Слонимскаго уезда, где состоит за родителями его имение.

73. Урбан Грудзинский, 22 лет, Гродненской губ., Пружанскаго уез., сын ксендза униатскаго вероисповедания.

104. Викентий Бобинский, кандидат юриспруденции, 26 лет, Гродненской губ., Кобринскаго уез., где состоит имение за родителями его.

106. Бруно Шемиот, кандидат философии, юнкер лейб-гвардии конной артиллерийской роты, 22 лет.

107. Игнатий Шемиот, кандидат философии, юнкер лейб-гвардии конной артиллерийской роты, 20 лет, Гродненской губ., Кобринскаго уез., где состоит за родителями их имение Илоск.

113. Адам Коцевич, 23 лет, Гродненской губ., Пружанский уез., сын ксендза униатскаго исповедания.

114. Рафаил Слизень, 19 лет, Гродненской губ., Новогродскаго уез., где родители его имеют имение Бортники.

127. Игнатий Терлецкий, кандидат юриспруденции, 25 лет, Минской губ., Пинскаго уез., где состоит за ним имение.

Виленский университет

Следует отметить, что Рафаил Слизень (1804-1881) был выдающимся архитектором и скульптором, автор медальонов и памятников-бюстов Т. Зану, А. Мицкевичу, И. Домейко и др., а его брат Оттон известен своими мемуарами. Братья Слизени были ближайшими друзьями Томаша Зана: вместе снимали квартиру в Вильно. Томаш часто приезжал к ним в имение Бортники, где влюбился в их сестру Зосю. После возвращения Яна Чечота из ссылки его на некоторое время приютили на Берестейщине братья Слизени. Ян Юндзилл (1802-1878) известен как владелец богатой усадьбы в Ивацевичах.

Представляет интерес и следующий документ:

Имянной Список

Бывшим ученикам Виленскаго университета отпущенным по приказанию Господина Действительнаго Тайного Советника, Сенатора и Кавалера Николая

Николаевича Новосильцева в места прежнего их жительства

№	Имена и прозвания	Куда отправлен
1	Антоний Гейдатель	Слонимскаго повета в имение Пески Господина Пусловскаго
2	Викентий Завадский	Волковыскаго уез. в имение Репле
3	Два братья Бруно и	Кобринский повет в имение их родителей
4	Игнатий Шемиоты	
5.	Ян Кашуба	Волковыский повет в имение Репельки
6.	Ксаверий Турский	Лидскаго уезда в имение Породы
7.	Игнатий Домейко	Новогрудскаго уезда в имение Сачивки
8.	Михаил Ширма	Слонимский уезд в имение Споров называемое
9.	Викентий Бабинский	Кобринский уезд к родственникам
10.	Люциян Ейсмонт	Гродненский уезд имение Яблонов
11.	Иосиф Заржецкий	Лидский уезд в имение президента тамошнего Гродскаго Суда Криделя
12.	Ян Юндзилл	Слонимский уезд к отцу в имение Добромысль
13.	Руфин Юндзилл	Слонимский уезд в имение родителей Рогалин
14.	Северин Корсак	Кобринский уезд в университетское имение Бездеж
15.	Игнатий Кочальский	Кобринский уезд в имение его Камень Шляхетский называемое
16.	Иосиф Гельтман	Брестский уезд в имение Верховичи

Статский советник Шлыков

НАРБ (Гродно) ф.1, оп.2, ед. хр. 246, л. 123

Уместны некоторые комментарии к этому списку.

Наличие в данном списке белосточанина Антония Гейдателя означает, что он работал домашним врачом или учителем детей известного промышленника Войцеха Пусловского. Следует отметить, что брат Антония – филарет Ян Гейдатель – стал в будущем генералом российской армии, известным военным инженером, реконструировавшим канал Огинского, Днепро-Бугскую водную систему.

Пинчук Северин Корсак, работал, вероятно, учителем в Бездежском училище, которое опекал Виленский университет.

Игнатий Домейко на короткий срок стал берестейцем. Сейчас село Сачивки, которое принадлежало его матери, находится на территории Барановичского района.

Викентий Бобинский до ареста служил в канцелярии петербургского генерал-губернатора Милорадовича. Потом молодой юрист будет часто встречаться в столице с Адамом Мицкевичем.

Через несколько лет Михаила Ширму выберут мировым судьёй Слонимского уезда, но гродненский губернатор не утвердил его. Тогда "подобревший" Новосильцев стал просить губернатора снять полицейский надзор с Михаила Ширмы и Игнатия Кочальского. Это очень помогло Кочальскому, поскольку полиция не разрешала ему работать адвокатом в Гродно.

Т.Зан

В селе Сигневичи (сейчас Берёзовский район) сохранилась могила Игнатия Шемиота (1802-26.11.1882). В документе неправильно названо имение Юголин, которое принадлежало родителям Руфина Юндзилла.

С волнением читается в деле №632 следующий документ:

Имянной Список
Бывших Членов тайных обществ филоматов и филаретов кои предполагаются по сношению с Г-м Министерством Духовных дел и Народного просвещения к распоряжению в дальних от Польши Губерниях в звания соответственно приобретенных ими способностей по выдержению из них Зана чрез один год, а Чечота и Сузина чрез шесть месяцев в крепости.

№	Имяна и фамилий		Где который находился и чем занимался
1.	Фома Зан кандидат философий	Филоматы Кроме распределения их в дальних от Польши губерниях предполагается выдержать ещё в крепости Зана чрез 1 год а Чечота и Сузина 6 месяцев	Приготовлял себя в университете к занятию места учителя в публичном училище занимаясь между тем в Вильно преподаванием наук партикулярно
2.	Иван Чечот		Служитель канцелярии Радзивиловской прокуратории
3.	Адам Сузин кандидат философий		Обучался в Виленском университете
4.	Франциск Малевский магистр юриспруденции		Был выслан иждивением университета на вояж за границу для дальнейшего усовершенствования в науках к занятию потом в университете должности профессора, а ныне находится в Вильно
5.	Осип Ежовский старший кандидат философии		Занимались в Вильно партикулярно преподаванием наук
6.	Федор Лозинский кандидат философий		
7.	Адам Мицкевич кандидат философий		Бывший учитель Ковенского училища
8.	Иван Соболевский кандидат философий		Бывший учитель Крожского училища

9.	*Осип Ковалевский кандидат философий*	*Казенный воспитанник педагогического Института*
10.	*Онуфрий Петрашкевич кандидат философий*	*Находится Вильно прокуратории Радзивилловской*
11.	*Виккентий Будревич кандидат философий*	*Занимался в Вильно партикулярно преподаванием наук*
12.	*Филареты Николай Козловский кандидат философий*	*Учитель Житомирского училища*
13.	*Иван Гейдатель кандидат философий*	*Казенные воспитанники педагогического института .*
14.	*Иван Криницкий кандидат философий*	
15.	*Феликс Колаковский кандидат философий*	
16.	*Иван Верниковский кандидат философий*	
17.	*Цеприян Дашкевич кандидат юриспруденции*	*Обучаются еще в Виленском ун-те*
18.	*Гилярий Лукашевский кандидат юриспруденции*	
19.	*Иван Михалевич кандидат юриспруденции*	*Служитель Канцелярии Виленскаго Университета*
20.	*Иван Янковский студент философий*	*Обучение еще в Виленском ун-те*

Кроме вышеперечисленных филоматов и филаретов, бывших учителями, занимали учительские места в Полоцком пиярском училище филареты ксендзы пияры Колесантий Львович и Матвей Бродович кои предполагаются к удалению навсегда от учительской должности.

На подлиннике подписано Новосильцев

Высочайше утверждено в Царском Селе

14 августа 1824 года

НАРБ (Гродно) ф.1, оп.2, ед. хр. 246, л. 219-220

Отметим, что ксендзы-филареты Колесантий Львович и Матвей Бродович потом были связаны с Берестейщиной. Герой поэмы "Дзяды" ксёндз Львович в 1815, 1824-1834 годах находился в пиарском монастыре в местечке Любешов Пинского уезда. Мацей Бродович после уничтожения ордена пиаров был викарием в Брашевичах Кобринского уезда, а в 1865-1877 годах администрировал кобринскую парафию. Здесь он в третий раз написал "Историю полоцкого княжества", которая, к сожалению, не сохранилась. К концу жизни Бродович предал своё филаретское прошлое: стал первым в Российской империи отправлять службу в костёле на русском языке.

В конце несколько слов в защиту Яна Янковского, которого польские историки фактически вычеркнули из истории. Практически все декабристы на допросах сотрудничали с властями, но они в России остаются национальными героями. Всё-таки не с Янковского начинались аресты филаретов, а со слабости Виктора Гельтмана. Складывается впечатление, что Новосильцев специально затуманивает обстоятельства раскрытия общества филаретов, чью-то фигуру хочет умолчать и скрыть. Сам сенатор считал Янковского чуть ли не главным преступником: "Между прочим, филарет Янковский понося в своих стихах нынешнее Правительство, выставляя Зана, как будущего спасителя отечества. Стихи сие Янковским хотя и затерены, но он сам сознается, что оные были в таком, как выше сказано смысле. Тот же Янковский и на имянинах проводников Осипа Ковалевского и Николая Малиновского произносил также поносительные против Правительства стихи в оныя различныя мечтания о возстановлении Польши."

Ян написал также оду в честь филаретов, в которой, мечтая о будущем счастье и освобождении Польши из бедствия, изъяснял, что уже соединяются юноши, каждый из них привержен отечеству, может последовать восстание и Польша освободится.

Англоман и бывший либерал Новосильцев разработал теорию о трёх степенях виновности филаретов:

"Первая вина заключается в самом учреждении тайных обществ. Оно последовало в противность строгого запрещения со стороны университетского начальства заводить какие либо тайные общества и противу данного в том торжественного обещания всем студентам, при записывании имен своих в университетский список, или так называемый Альбум.

Вторая вина состоит в противозаконном присвоении себе, без воли и ведома своего начальства, и через хитрые и сокровенные средства, самопроизвольного влияния над образованием юношества, в намерении переменить способ учения, цель оного и направления умов. Сверх того, в явном обнаружении намерений противным видам и намерениям Правительства.

Третья вина – в чтении на собраниях филаретов дерзких и ругательством против россиян наполненных стихов и в произнесении приветствий и речей, противных верности к Российскому Престолу.

... Третья вина падает именно на членов общества: Ивана Чечота, Адама Сузина и Ивана Янковского."

Как видим, среди главных преступников есть два берестейца – выпускника Свислочской гимназии. Да и жизнь Яна Чечота тесно связана с Берестейщиной: Новая Мышь, Вольна, Тугановичи, Бортники...

А. ИЛЬИН

Огонь патриотизма в Свислочской гимназии никогда не затухал

Ещё не закончился погром, учинённый сатрапом Новосильцевым в учебных заведениях Литвы, как в конце 1823 года Феликс Ляхович организует в Свислочской гимназии новое тайное общество "Согласные братья". Его члены выступали на собраниях с пламенными речами, читали запрещённые стихи. Им не терпелось перейти к действию.

Белорусский историк Борис Клейн в своей книге "Найдено в архиве" пишет: "В конце 1824 года в местечке Свислочь произошло событие, которое встревожило должностных лиц Российской империи... В помещение 5-го класса гимназии вошёл учитель русского языка Невиль. Как и полагалось, ученики были выстроены на молитву. Ничто не предвещало грозы – может быть, только необычный блеск в глазах, устремлённый на доску, где были наклеены печатные

Здание Свислочского поветового училища. С рис. XIX в.

тексты молитв. Поле господа Бога предстояло воздать хвалу его наместнику на земле – государю императору. И в этот момент все увидели, что слово "государю же" прочитать нельзя – оно зачёркнуто!

Расследованием обстоятельств этого неслыханного "преступления" занялась комиссия во главе с известным реакционером, доверенным лицом Александра I, сенатором Новосильцевым. Было установлено, что слово "государю же" перечеркнул карандашом ученик 5-го класса Антон Глазер, "а ученик Зенкевич слово ещё более зачернил."

По распоряжению цесаревича Константина, одобренному императором, оба гимназиста были подвергнуты телесному наказанию, после этого Глазер был сдан рядовым в Брестский пехотный полк, а Зенкевич отправлен солдатом в Гродно, в 48-й егерский полк, где над ним был учреждён строжайший надзор. Было также предписано держать в Свислочи полицейских; кроме того, в местечко переводилась рота во главе со штаб-офицером, который должен был доносить в Варшаву о каждом "предосудительном предприятии" гимназистов. Иначе говоря, гимназия была взята под личный надзор цесаревичем Константином.

Неужели всё это произошло из-за одного зачёркнутого слова?

... Ключ к этой разгадке можно подобрать, изучив и проанализировав меры, принятые властями в отношении группы учителей. Виновными в "слабом за учениками смотрении" оказались учитель русского языка Невиль, а также Пушкаревич и Микульский, взятые под арест на гауптвахту. Относительно Пушкаревича, учителя красноречия, указывалось, что и раньше был замечен "в назначении ученикам неприличным тем для упражнения", а об учителе древней словесности Микульском прямо говорилось, что он "принадлежит к тайному обществу филаретов..."

Действительно, в новосильцевском списке филаретов находим: "122. Карл Микульский, кандидат философии, Волынской губ., нет за ним никакого имения." В конце 20-х гг. у Адама Мицкевича в Петербурге был хороший знакомый Кароль Микульский, которого поэт называл коллегой (учителем) из Слонима. Очень вероятно, что им был бывший преподаватель Свислочской гимназии. Следует отметить, что тогда селом Здитово Слонимского уезда владели помещики Микульские. Возможно, Кароль Микульский был связующим звеном между виленскими филаретами и кременецкими лицеистами. Новосильцев приложил много усилий, чтобы докопаться до этих связей, но так и не смог ничего доказать.

Учителя рисования и русского языка Ж. де Невиля гимназистам даже удалось втянуть в тайное общество. В списке филаретов среди неотысканных под номером 139 значился Леваль. Очень вероятно, что это свислочский учитель Невиль.

Учитель риторики Пушкаревич ещё в конце 1810-х – начале 1820-х гг. задавал своим ученикам сочинения на темы славных деяний польских королей и славных мужей, таких как гетманы Ян Тарновский и Станислав Жолкевский, канцлеры Ян Замойский и Лев Сапега, деятели революции 1794 г. Гуго Коллонтай и Юзеф Понятовский и др. В бумагах бывшего гимназиста Игнатия Кочальского в 1823 г. нашли похвальную оду на князя Юзефа Понятовского. В ней, превознося знаменитого полководца, секретарь Морального общества писал: "Не однажды испытал мужественную десницу твою москвитянин, когда зрел тебя на берегах Волги, когда разрушил ты великолепную его столицу, или когда под Можайском молил тебя о мире."

В 1823 году Пушкаревич сумел оправдаться перед новосильцевскими следователями.

Но на следующий год свислочских учителей ждало суровое наказание: их отправили на гауптвахту сроком на два месяца – Пушкаревича в Белосток, Невиля в Гродно, а Микульского в Брест-Литовск.

Командира Брестского пехотного полка Полковника Пинабеля №516 марта 2, дня 1825 г. г. Брест-Литовск

7 марта Гродненскому Господину Гражданскому Губернатору

Согласно Повелению Его Императорскаго Высочества Цесаревича препровожденнаго ко мне в копии при повелении бригадного командира Господина Генерал Майора Рейбница от 31-го Декабря прошлого 1824 года за №904-м Присланный приотношением Правящего должность Гродненского Гражданского Губернатора, Вице Губернатор Максимович, Учитель Свислоцкой Гимназии Микульский; по Выдержании Его двух месячного Срока на брестской гауптвахте, отправлен мною к здешнему городничему Подполковнику Конопацкому, которою испросил в пред до вашего разрешения обязать из города не отлучаться О чем Сим Вашего Превосходительство уведомить честь имею.

Полковник Пинабель

НАРБ (Гродно) ф.1, оп.2, ед.хр. 24б, л.180

Следует отметить, что полковник Пинабель являлся отнюдь не рядовым масоном в Литве.

9 июня 1825 года мать Павла Зенкевича, помещица Пружанского уезда, написала прошение цесаревичу Константину об облегчении участи своего сына. Великий князь ответил ей грубо и к тому же ещё оштрафовал, чтобы неповадно было отвлекать его от государственных дел. Отбыв солдатчину, Павел Зенкевич вернулся в родные места, обзавёлся семьёй, воспитал сына Феликса – героя восстания 1863 года.

Но свислочские гимназисты никак не хотели успокоиться: вскоре создаётся новое тайное общество "Зоряне", впоследствии ставшее филиалом белостокских "Военных друзей". После подавления выступления Литовского пионерного батальона были раз-

громлены и "Зоряне". Над тайным обществом состоялся в Вильно отдельный суд. Феликса Ляховича приговорили к шести годам работ в крепости, семь человек отправили в солдаты на Кавказ, а основную массу – на прежние места жительства под полицейский надзор. В Национальном историческом архиве в г. Гродно сохранились документы по этому делу. Первый называется так:

Список лиц прикосновенных к делу разыскиваемому Комиссиею о некоторых тайных обществах, с показанием места жительства тех же лиц:

1. Богурский Адольф в Кобринском уезде
2. Булгаровский Игнатий в Волковыском уезде
3. Гловацкий Иван в Гродненском уезде
4. Гельтман Лев в Брестском уезде
5. Гувальт Станислав в Гродненском уезде
6. Ейсьмонт Аурелиан в Гродненском уезде
7. Козминский Иван в Волковыском уезде
8. Кунахович Теодосий в Брестском уезде у помещика Чарнецкого
9. Орда Наполеон в Кобринском уезде
10. Стравинский Адам в Слонимском уезде
11. Окенчиц Феликс землемер в имение князя Сапеги в Деречин
12. Парчевский Константин в Гродно
13. Задарновский в Гродно

НАРБ (Гродно) ф.1, оп.2, ед.хр. 1482, л.13

Второй документ касается выдающегося художника и композитора Наполеона Орды:

3 июля

Список повеления Его Императорского Высочества Цесаревича Гродненскому гражданскому губернатору от 25 июня 1827 года №1459

На присланное ко мне от помещицы Кобринскаго Повета Иозефины Орда прошение об освобождении на поручительство сына ея, содержащегося под стражею по делу тайного студенческого общества, имеете Ваше Превосходительство объявить просительнице, что ей следует ожидать решение сына ея поразсмотрении производящегося онем дела, невходя с просьбами, которые не могут быть принимаемы во уважение, ичто затем помянутое прошение ея оставлено мною без действия, причем взыскать с нея за употребленную по канцелярии моей вместо гербовой простую четвере листа бумагу деньги для причисления к казенным доходам.

НАРБ (Гродно) ф.1, оп.2, ед.хр. 1823, л.1

Великий князь Константин Павлович

Из документа видно, что Цесаревич Константин был не только грубым человеком, но и бездушным. Даже Новосильцев часто откликался на различные прошения.

Но и после разгрома зорян кузница патриотических кадров – Свислочская гимназия – продолжала работу до 1851 года, успев воспитать ещё К. и В.Калиновских, В.Малаховского, Р.Траугутта, А.Белокоза, Ю. и К.Крашевских и др. Этому не помешала и рота солдат, расквартированных в Свислочи.

Становится очевидным, что назрела необходимость создания польскими и белорусскими учёными полной истории Свислочской гимназии, которую окончили к тому же известные деятели культуры: медик и природовед С.Горский и один из лучших переводчиков Шекспира на польский язык Ю.Пашковский... Да и в известной нам когорте выпускников-патриотов видим писателя, историка и художника Ю.Крашевского, писателя и композитора К.Крашевского, художника Л.Крашевского, художника и композитора Н.Орду, поэта Р.Суходольского, писателя и литературоведа Л.Зенкевича, монголоведа Ю.Ковалевского, мыслителя, публициста и поэта К.Калиновского, археографа В.Калиновского, публициста В.Гельтмана....

А. ИЛЬИН

Восстание на Сенатской площади "началось" в Бресте?

Император Александр I

Великий князь Константин давно хотел показать императору Александру I силу и выучку войск Польского королевства и отдельного Литовского корпуса, находящихся под его командованием. С этой целью в сентябре 1823 года в Бресте устроили грандиозные манёвры 80-тысячного войска, на которые пригласили прусского принца Вильгельма, будущего короля Фридриха Вильгельма IV.

Константин остановился в очень маленькой квартире одного брестского еврея. Была там всего одна комната, которая одновременно служила и гостиной, и спальней супруги великого князя Иоанны Грудзинской. Для императора пришлось отвести довольно плохой дом, считавшийся, однако, лучшим в городе. Всё это свидетельствует о том: к началу XIX века Брест так захирел, что в нём не было и приличного дома.

Во время смотра войск польской армии и Литовского корпуса лошадь одного полковника, который близко подъехал к императору для доклада, неожиданно взлягнула. Удар копытом пришёлся по ноге императора, но Александр I не подал виду и не сошёл с лошади до окончания смотра. Ушибленное место оказалось настолько распухшим, что лейб-медику Джеймсу Виллие пришлось разрезать сапог, чтобы осмотреть рану и приложить примочку.

Случай в Бресте показался императору дурным знаком. Прежнее мистическое настроение вновь нахлынуло на него. Зимой 1824 года Александр I занемог горячкою и рожистым воспалением на ушибленной ноге. Врачи стали даже поговаривать об ампутации ноги. Окончательно поправиться после этого победитель Наполеона уже не смог: 19 ноября 1825 года император умирает в Таганроге.

Вскоре, 14 декабря, те, кого назовут декабристами, выйдут на Сенатскую площадь.

А. ИЛЬИН

Декабристы и Берестейщина

Нет точных сведений о том, чтобы кто-либо из декабристов родился в Берестейском крае. Хотя в биографиях некоторых участников выступления в Литовском пионерном батальоне под Белостоком – у Ивана Высоцкого, Эдуарда Петровского – написано: "Родился в Гродненской губернии". Уроженцами Гродненской губернии были также участники восстания Черниговского полка на Украине Виктор Сизневский и Антон Войнилович. Последний предположительно родился в Савичах под теперешними Барановичами, где было родовое гнездо известного белорусско-польского рода Войниловичей. Возможно, кто-то из перечисленных людей – наш земляк. Современные историки к декабристам причисляют и членов "Общества военных друзей", которое действовало в Белостоке, но в него входило, как составная часть, тайное общество "Зоряне". Тогда логично к декабристам отнести и полешуков Феликса Ляховича, Леона Гельтмана, Наполеона Орду, Теодосия Кунаховича, Феликса Окинчица, Адольфа Богурского...

На Берестейщине многие известные декабристы воевали, служили и были проездом. Во время войны 1812 года на нашей земле довольно успешно сражались против французов и австрийцев армии генерала Тормасова и адмирала Чичагова. Так историк Лия Павлова в книге "Декабристы – участники войн 1805-1814 гг." пишет: "3-я западная армия под командованием генерала А.Г. Тормасова вела наступление в направлении на Брест-Литовск. 24 июля русские войска овладели Брест-Литовском, 27-го взяли г. Кобрин, а 12 августа состоялось сражение под Городечном. Армия с боями двигалась в направлении Березины, где во второй половине ноября разыгрались сражения. 3-я западная армия участвовала во взятии Вильны 11 декабря. В составе отряда генерала Щербатова сражался штабс-капитан Ф.Г. Кальм. Он был награждён орденом Владимира 4-й степени. За сражение на реке Березине – орденом Анны 2-й степени.

Прапорщик по квартирмейстерской части П.И. Фаленберг "при вступлении в город Вильну... вёл колонны под сильным ружейным огнём" и далее находился всё время в авангардных боях. За отличие в сражениях был пожалован чином подпоручика.

Майор Владимирского пехотного полка И.В. Хотяинцев за отличие в этих сражениях был удостоен орденов Анны 4-й степени и Владимира 4-й степени с бантом.

Дунайская армия под командованием адмирала П.В.Чичагова после заключения Бухарестского мира получила задание двигаться в пределы России на соединение с 3-й западной армией генерала Тормасова. Она имела против себя австрийские, саксонские и польские войска, входившие в армию Наполеона. С боями армия двигалась на Брест-Литовск и далее к Березине.

В 13-й артиллерийской бригаде армии с сентября 1812 года служил поручик А.К. Берстель. Он сражался 23 сентября при деревне Павловке, 25 – "при местечке Любомле против австрийских, саксонских и польских войск." Далее был "при преследовании французских войск от города Борисова до реки Нёман. Того же года, декабря с 17-го через Пруссию, Царство Польское до реки Вислы к крепости Торно".

К главнокомандующему генералу Чичагову был прикомандирован прапорщик А.З. Муравьёв. Он участвовал во всех боевых делах. С 22 сентября "при пре-

А.З. Муравьёв

П.В. Чичагов

следовании австрийских и саксонских войск через м. Люблин до Брест-Литовска, 29 при ретираде оных и в сражении при деревне Клейники на реке Лесной, потом по выступлении из Брест-Литовска следовал с армией на Ковеш (по всей видимости, Кобрин. -А.И.) и Минск до Борисова."

Весь ноябрь до 26 декабря он провёл в боях с французами в районе Березины. За отличие в сражениях Чичагов командировал А.З. Муравьёва с картами в Петербург.

Штабс-капитан 32-го егерского полка А.Т. Непенин 24 июля 1812 года принимал участие в занятии Брест-Литовска. 27 июля "при овладении городом Кобрин и за отличие получил высочайшее благоволение." 12 августа сражался под Городечно и за отличие был награждён орденом Анны 4-й степени. 28 октября за участие в битве на реке Березине у деревни Стахово был награждён орденом Анны 2-й степени.

В 37-м егерском полку служил подпрапорщик К.А. Охотников. После заключения Бухарестского мира полк из Молдавии был двинут в пределы России. Охотников участвовал в сражении против австрийских войск при селении Кошарах, 12 октября при местечке Белое, где был ранен.

Капитан Мингрельского пехотного полка, входившего в состав 4-го корпуса, В.К. Тизенгаузен с 22 сентября участвовал в делах при преследовании неприятельской армии "от реки Стыри до Брест-Литовска." С 17 октября сражался за рекой Буг в Варшавском герцогстве при местечке Белое. В середине ноября он находился в боях при городе Волковыске и 18-го при местечке Свислочь. В том же Мингрельском полку сражался Я.Н.Толстой.

Член Общества соединённых славян Иван Сухинов в составе 3-й армии сражался при Городечно, Стыре, Брест-Литовске и Волковыске. Он участвовал в восстании Черниговского полка, затем в возмущении каторжно-ссыльных. За последнее приговорён к расстрелу, но в 1828 году перед приведением приговора в исполнение совершил самоубийство. Так что, казнённых декабристов было не пять, как принято считать, а шесть.

Будущему члену Южного общества Петру Фаленбергу пришлось побывать в Брест-Литовске и после войны: в 1814 году он служил в резервной армии генерала Меллер-Закомельского. В то время тут служил и знаменитый писатель Александр Грибоедов и его ближайший друг, член Союза Благоденствия Степан Бегичев. Грибоедов, по показанию ряда декабристов (Оболенский, Трубецкой, Рылеев, Бриген, Оржицкий)

был членом Северного общества. Сам писатель это решительно отвергал на допросах. Но столь многочисленные и авторитетные свидетельства говорят о том, что Грибоедов всё-таки был членом Северного общества, но его спасли от каторги влиятельные родственники и друзья, как и многих других членов декабристских организаций (М. Орлова, Ф. Толстого, братьев Перовских...). Отметим, что в то же время поэт-декабрист Кондратий Рылеев служил в местечке Столовичи (теперь Барановичский район).

Наверное, тогда Рылеев познакомился с произведениями знаменитого поэта Юлиана Урсын-Немцевича, родившегося и жившего тогда в деревне Скоки под Брестом. Он называл Немцевича "Нестором польской поэзии". Литературовед С.Букчин отмечает: "Исполненные высокого патриотического чувства "Исторические песни" Немцевича вдохновят Рылеева на создание знаменитых "Дум"." Поэт-декабрист перевёл с польского языка одну из песен Немцевича – "Глинский".

После восстания на Сенатской площади бежал за границу через территорию Берестейщины поэт Вильгельм Кюхельбекер, а в Брест-Литовске был задержан на месяц с багажом запрещённых книг член Союза Благоденствия и знаменитый философ Пётр Чаадаев.

Один из руководителей Союза Благоденствия, поэт Фёдор Глинка, возвращаясь летом 1813 года из заграничного похода так описал наш город: "Брест очень разорён: всё представляет в нём вид бедности. Здесь застава. Проезжающих из-за границы и за границу останавливают для узаконенного обыска. Но, верно, ни один из проезжающих не пожалуется на сверхзаконную строгость или прижимки, которые обыкновенно в таких местах случаются. Директор Брест-Литовской таможни так честен, добр и учтив, что всякий за удовольствие почтёт открыть ему не только чемоданы, но даже сердце своё. Здесь зашли мы в старинный русский монастырь и насладились удовольствием, которое почти целый год не имели, удовольствие молиться в русской церкви. Прискорбно видеть русский монастырь в развалинах среди великолепных католицких костёлов." Наверное, русским монастырём поэт называет униатский монастырь (униаты называли себя рускими или русинами).

Многие декабристы тогда увлечённо изучали экономику и статистику. Фёдор Глинка даёт экономическую оценку Полесья и рассуждает о его экономических возможностях: "Нельзя не пожалеть, подумав, чем бы Пинск мог быть и чем он есть теперь. Он бы мог быть прекрасным городом, иметь красивые дома, богатых граждан, трактиры, постоялые дома, магазины и проч., и проч. Всё бы это могло быть, потому что Пинск может быть средоточием важной торговли. В окрестностях Пинска льются и сливаются до десяти рек: Пина, Стырь, Щара, Припять, Горень и проч., и проч.

Из Кременчуга, Киева и разных мест Волыни можно плыть сюда, а отсюда пробираются даже до Немана и Вислы. Лесистые окрестности Пинска могли бы дарить приднепровские степи лесом; те отдарились бы солью и другими произведениями, а наипаче пшеницею, которую довольно удобно спроваживать отсюда даже в Данциг. Таким образом произведения отдалённых стран обменивались бы в Пинске. Что же он теперь? Простой уездный городок, как и все такого разбора. Однако и теперь приходят сюда по нескольку сот байдаков с солью. Проезжая Пинск, непременно надобно посмотреть русский Собор, недавно сделанный из польского костёла. Художник, имевший, конечно, самый изящный вкус, прикоснулся к обгорелым развалинам древнего польского костёла и – явился прелестный новый фасад. Извне понравится всем прекрасный вид и мастерская отделка; внутри готическая огромность невольно располагает к благовению – это в полном смысле храм!" К сожалению, слова и оценки Глинки сохранили актуальность и сейчас.

Ф. Глинка

Берестейцы сыграли не только положительную роль в событиях на Сенатской площади. Историки считают, что Николая Павловича надоумил применить артиллерию против восставших генерал Стефан Грабовский, владевший имением Теревень под Брестом.

Напоследок приведём выдержку из письма Рылеева к своему кумиру Немцевичу: "... славные имена Костюшки, Малаховского, Колонтая, Понятовского, Немцевича, Потоцкого и других знаменитых патриотов, несмотря на то, что успех не увенчал их благородные усилия, никогда не перестанут повторяться благовением, а деяния мужей сих будут всегда служить для юношества достойными образцами. Семена добра и света уже посеяны в отечестве вашем. Скоро созреют прекрасные плоды их." Интересно, что в этом списке патриотов три уроженца Берестейщины (хотя, возможно, Рылеев имел ввиду не Станислава Понятовского, а его племянника Юзефа), два уроженца Волыни и только один – коронных земель, да и то относительно, поскольку Игнатий Потоцкий родился в Радзыне-Подляском под Белой, а это местечко можно отнести к исторической Берестейщине. В рылеевский список можно смело включить ещё двух берестейцев – маршала Великого Сейма Казимира Нестора Сапегу и известного депутата-патриота, министра финансов Королевства Польского Тадеуша Матушевича.

Удивительный патриотизм берестейской шляхты, её самоотверженность и подвиги вдохновляли декабристов на борьбу.

А. ИЛЬИН

Рылееў сталаваўся ў ... Сталовічах

Святую справу рабілі дзекабрысты, але мы не павінны забываць і тое адмоўнае, што было ў іх руху. І тут дастаткова ўспомніць змову Паўла Іванавіча Песцеля (аднаго з кіраўнікоў дзекабрыстаў) з палякамі.Па яго з імі задуме ўся Гродзенская губернія і Беластоцкая вобласць, а таксама часткі Віленскай, Мінскай і Валынскай губерній павінны былі адысці пасля паўстання на карысць новастворанай Польскай дзяржавы.

У 1824 годзе Песцель будзе палка ўгаворваць Мікіту Мураўёва ў ажыццяўленні такой акцыі.

Але ў той час знайшоўся сапраўдны абаронца за

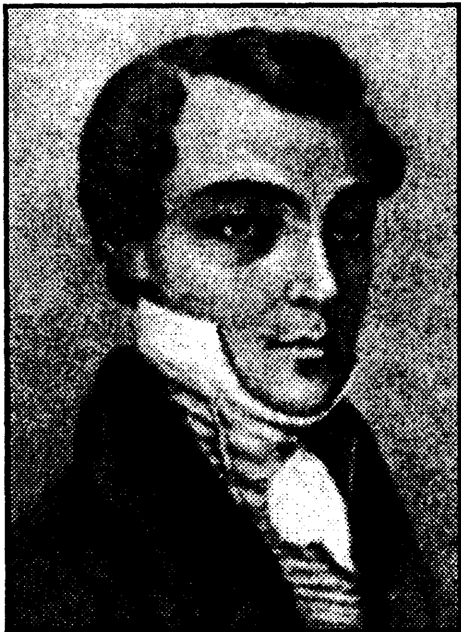
правы Беларусі – гэта быў Кандрацій Рылееў. Вось што адзначыў пісьменнік-даследчык Сямён Букчын у сваёй кнізе "...Народ, издревле нам родной" (даецца ў перакладзе):

"Але як ускінецца, як люта паўстане супраць праекта Песцеля Рылееў! Трасучы картай, увесь дрыжачы ад крыўды і абурэння, ён заявіць на нарадзе ў Пецярбурзе:

Мы гатовы садзейнічаць палякам у іх барацьбе за свабоду. Але мы не маем права зацвярджаць падобныя ўмовы. Гэта можа быць вырашана толькі на Вялікім Саборы! Ад сябе ж скажу, што межы Польшчы пачынаюцца там, дзе канчаюцца дыялекты маларасійскі і рускі ці па-польску – хлопскі. Дзе ж большая частка народа гаворыць згаданымі дыялектамі і спавядаюць грэка-рускую альбо ўніяцкую рэлігію, там Русь, старажытная спадчына наша!"

Далей С.Букчын піша: "Дыялект па-польску хлопскі... Так абазначыў Рылееў беларускую мову. Ён помніў пра Беларусь, пра яе народ, кроўна звязаны з рускім народам."

Але вось тут пагадзіцца з шаноўным Сямёнам Букчыным я не магу. Хлопскую польскую мову вызначылі яшчэ ў Рэчы Паспалітай, дзе беларускіх мужыкоў ганебна звалі быдлам, і гэта па традыцыі перайшло і да расійскіх чыноўнікаў, пакуль цар Мікалай Палкин не ўвайшоў у справу, ён жа ў 1840 годзе забараніў нават і само слова "Беларусь". Так польскія і расійскія вярхі заўсёды знаходзілі дамоўленасць, каб рваць па-жывому наш народ. Ці не пра гэта гаворыць і Рыжская дамова, падчас якой Пілсудскі дамовіўся з Леніным праз сваіх прадстаўнікоў аб падзеле Беларусі на Заходнюю і Ўсходнюю, нават тады Менск хацелі падараваць палякам... Вось праз колькі гадоў выплылі дамоўленасці дзекабрыстаў з палякамі, якія ў Рызе былі б ужо замацаваны на паперах. Але ў гэты час ужо не знайшлося такога чалавека, як Рылееў...



К.Ф. Рылеев

П.И. Пестель

Кандрацій Фёдаравіч Рылееў! Вялікі грамадзянін сваёй краіны! А яшчэ ваяр, паэт, камерсант, палітычны дзеяч! Так здарылася, што яго імя навекі паяднался з нашай зямлёй – Берасцейшчынай (Гродзенскай губерніяй. – М.М.) і Міншчынай. Ён некалькі разоў праязджаў праз Брэст-Літоўск (палякі пасля Рыжскай дамовы назавуць яго Брэст-над-Бугам. – М.М.), калі накіроўваўся ў замежны паход расейскай арміі і вяртаўся з яго.

А месца службы Кандрацій Рылеева выпала на старажытнае беларускае мястэчка Сталовічы, якія сёння знаходзяцца амаль побач з маімі Баранавічамі (у тыя часы – Слонімскі павет Гродзенскай губерніі). Я некалькі разоў быў у ім, шукаў месцы, звязаныя з імёнамі Аляксандра Суворава, Міхала Казіміра Агінскага, нашчадка славутага арапа, пятроўскага паплечніка – Ісаака Ганібала, а таксама з імем ваяра-афіцэра Рылеева, але ці суродзіч ён Кандрацій Рылеева – пакуль не выяўлена. Не дапамаглі мне і мае апытанні, "допыты" мясцовых жыхароў, аказалася – у іх памяць вельмі кароткая, не збераглі яны нічога і пра камандорства Мальтыйскага ордэна, якое некалькі стагоддзяў было тутака. Пачаўшы з роспытаў пра XVI-XVII стагоддзі, перайшоў затым да больш бліжэйшых часоў – канец XVIII і пачатак XIX стст., нават – пра падзеі першай сусветнай вайны. Як аказалася – сталавічане нават не ведалі, што ў часы першай сусветнай імперыялістычнай вайны каля іх мястэчка, на заходнім напрамку, былі выкарыстаны атручальныя газы... Не ведалі яны, што ў 1889 годзе маёнткам у Сталовічах валодаў князь Антон Вільгельмавіч Радзівіл, які меў 981 дзесяціну зямлі: у Цюкантавічах –216, Малероўшчыне – 42, Бараўцах – 331, Маргах – 31, Заполлі – 12...

Верасень 1814 года ў Сталовічах быў досыць напружаны. Артылерыйская батарэя, у якой служыў Кандрацій Рылееў, прымала новых людзей, рыштунак, конскі састаў. І ўсё гэта патрабавала пільнага вока, вучобы, вучобы і вучобы... Але, як аказалася, Рылееў не любіў службу, саслужбоўцаў, не любіў, калі яму давалі нейкія парады. Што ж, бываюць і такія людзі, але адначасова ён знаходзіў час чытаць тым, з кім служыў, вершы, празаічныя творы. Акрамя ўспамінаў сябра па службе, А.І. Касоўскага, пра тую службу Рылеева, ніякіх звестак не захавалася, нават яго лістоў дадому да маці Анастасіі Мацвееўны. Вось што занатаваў яго сябра і саслужбовец: "... Рылеева можна было бачыць па большай частцы ў мужыцкай хаце з паўсвятлом, за простым рабочым сталом, на якім былі нагрувашчаны розныя кнігі, нават на лаўках займаемага ім пакоя, мноства раскіданых папер, сшыткаў, скруткаў, рознага хламу і ў асаблівасці пылу. Сам жа ён пастаянна насіў арыгінальны двухбортны сурдут светла-карычневага сукна, пад назвай паэтычнага, самым ім прыдуманага, даўжыня якога да кален, з шырокімі рукавамі, з двумя кішэнямі на грудзях, з некалькімі шнуркамі і кітасямі, а каўнер маленькі, адкладны, так што ўся шыя адкрыта; штаны светла-шэрага сукна, але без чырвонага канта і без штрыф, у якіх па рассеянасці адзін раз выехаў ва фрунт, за што і быў арыштаваны. Шапка ці картуз чорнага сукна асобага крою; боты насіў без падборкаў, але большай часткай стаптаныя, часцяком парваныя, нячышчаныя; туфляў і галош ён не меў..."

Як бачна з гэтай вытрымкі, вельмі непрывабна выглядаў баявы афіцэр Рылееў, той, хто ў гады вучобы ў Першым кадэцкім корпусе прасіў у бацькі выслаць грошы на пакупку кнігі пра жыццяпіс Аляксандра Суворава. І тым болей не зразумелы мне неахайны выгляд яго, таму што гэта адбывалася ў тым самым мястэчку, дзе будучы генералісімус (нікому тады не вядомы) адолеў вялікага гетмана Літвы Міхала Агінскага. 11 (22) верасня 1771 года Аляксандр Сувораў са сваім атрадам набліжаецца да Крашына, які сёння на польскі лад гучыць і называецца Крошын. Так-так, у той славуты Крашын, які адзначаны такімі прозвішчамі, як Мелік-баша, Дамейка, Адынец, Зан, Паўлюк Багрым – прыдуманы і міфалагізаваны паэт з народа, які, нібыта, напісаў верш "Зайграй, зайграй, хлопчэ малы..."

Як мяркуе вучоны-літаратуразнаўца Сямён Букчын, Кандрацій Рылееў напісаў у Беларусі (акрамя Сталовічаў ён служыў у Нясвіжы) два творы: "Вясна" і "Людміла", але гэта не адпавядае ісціне, бо пер-

шы твор адзначаны датамі 1816 ці 1817, а другі – 1817 альбо 1818.

Але вернемся да Сталовічаў, якія звязаны яшчэ і з такой асобай, як будучы ваенны міністр Іван Ануфрыевіч Сухазанет (1788-1861, выхаванец славутай слуцкай гімназіі). У 1814 годзе ён быў начальнікам штаба артылерыі 1-й арміі і па ўспамінах таго ж Касоўскага, "сур'ёзна прыняўся вучыць камандзіра батарэі падпалкоўніка Сухазанета (брата свайго роднага), пераведзенага з першай брыгады, роўна і ўсіх п. афіцэраў." Чаму я столькі ўвагі аддаю яму будзе бачна далей. Вось што я знайшоў у Аляксандра Пушкіна: "Тры рэчы асуджаюцца наогул – і па справядлівасці: 1) Выбар Сухазанета, чалавека запляменнага, выйшаўшага ў людзі цераз Яшвілі – педэраста і заўзятага гульца..."

А вось што піша Сямён Букчын: "14 снежня 1825 года яны зноў сустрэнуцца тварам да твару, Рылееў і генерал Сухазанет, ужо начальнік усёй гвардзейскай артылерыі. Сухазанет быў пасланы Мікалаем Першым аб'явіць паўстаўшым, "што калі зараз не пакладуць зброю" – дык у іх пачнуць паліць карцечам. Але генералу "гучнагалосна пракрычалі падлюгу, і ён вярнуўся да цара без султана на капялюшы."

Невялікая па часе службовая эпапея ў Беларусі (Сталовічы, Нясвіж) усё ж пакінула вялікі і адметны след у жыцці, у паэтычнай дзейнасці Кандрація Рылеева, асабліва гэта відавочна ў адной з творчых вяршынь – у думе "Рогнеда", якая з незвычайнай прыгажосцю апісвае гераічны ўчынак патрыёткі Бацькаўшчыны Рагнеды, славу і веліч Полацка, адкуль мы, беларусы, разам з Наваградкам пайшлі:

Воздвигая Полоцк, Рогволод
Приветливо и кротко правил
И, привязав к себе народ,
Власть князя полюбить заставил...
При Рогволоде кривичи
Томились жаждой дел великих;
Сверкали в дебрях их мечи,
Литовцев поражая диких.
Иноплеменные цари
Союза с Полоцком искали,
И чуждые богатыри
Ему служить за честь вменяли.

Выдатнейшы ірландскі гісторык Патрык О'Мара прысвяціў нашаму былому сталовіцкаму прапаршчыку вялікую кнігу "К.Ф. Рылееў. Паэтычная біяграфія паэта-дзекабрыста", дзе ў ліку яго вяршынных здабыткаў разглядае і твор, прысвечаны славутай гераіні з Полацка: "Нават у "Рогнеду" – думу, заснаваную на сямейнай трагедыі у княжацкім доме X ст., – Рылееву ўдаецца ўвесці элементы, што адлюстроўваюць яго "грамадзянскую" патрыятычную афарбоўку."

У гэтых нататках мы амаль што зусім не закранаем дзекабрысцкі рух. Святую справу К. Рылееў з паплечнікамі рабіў, разам з ім на шыбеніцы загінулі Пётр Кахоўскі (ураджэнец Беларускай Смаленшчыны), Сяргей Мураўёў-Апостал (нёс службу ў Бабруйскай цытадэлі), Міхаіл Бестужаў-Румін (служыў тамсама) і дзяліцель з палякамі Беларусі – П.І. Песцель.

Адбылася гэтая жудасная падзея 13 ліпеня 1826 года. Святая зямля прыняла ў свае абдымкі святых вісельнікаў. Месца іх пахавання дасюль невядома... Гавораць зараз і пішуць, што трупы вісельнікаў-дзекабрыстаў былі закапаны на востраве Галадай, мо гэта і было так!..

М.МАЛІНОЎСКІ,
правадзейны член Геаграфічнага таварыства
г. Баранавічы

Рэдакцыйная заўвага. Праз некалькі год пасля знаходжання ў Сталовічах Кандрація Рылеева мястэчка наведаў Адам Міцкевіч.

У лістце да Юзэфа Яжэўскага (26 жніўня/7 верасня 1818 г.) вялікі польскі паэт піша: "Быў нядаўна на кірмашы ў Сталовічах, у шасці мілях ад сталіцы (Навагрудка)." Адзначым, што Сталовічы славіліся тады конскім кірмашом, які адбываўся 15 жніўня.

Загадки и тайны 14 декабря 1825 года

Восстание на Сенатской площади ставит множество вопросов, на которые до сих пор нет ясных ответов:

1) Почему император Александр I скрывал своё завещание о наследнике престола?

2) Почему Александр I, зная о существовании декабристских организаций, ничего не предпринял для их разгрома?

3) Почему военное руководство: Сергей Трубецкой и Александр Булатов предало восстание?

4) Почему 14 декабря восставшие действовали так нерешительно?

5) Зачем граф Милорадович заставил великого князя Николая Павловича присягнуть своему брату Константину?

6) С какой целью Яков Ростовцев 13 декабря фактически выдвигает Николаю Павловичу ультиматум – "отказ от престола или восстание"?

7) Зачем после этого Ростовцев сообщает декабристам о своём "предательстве"?

8) Случайно ли то, что первые декабристы были ярыми русскими националистами, близкими к окружению императрицы Марии Фёдоровны?

9) Случайно ли то, что многие работники Российско-американской компании были декабристами?

10) Почему такое суровое наказание (20 лет одиночки в крепости) получил не самый видный (но близкий к Аракчееву) декабрист Гавриил Батеньков?

11) Как смог неуклюжий Вильгельм Кюхельбекер (только он один из всех декабристов) бежать и проехать почти через всю Россию?

12) Зачем отчеканили константиновский рубль, когда уже становилось очевидно, что императором будет Николай?

13) Почему Пётр Каховский отказался убивать Николая, а застрелил его недруга Милорадовича?

Этот список вопросов можно продолжать и продолжать. Наиболее близко к ответам на вопросы подошли российские историки Михаил Сафонов[1] и Виталий Бартошевич[2]. Сафонов[3] пишет: "При этом важнейшую роль в создании межцарствования сыграла вдова Павла, стремившаяся завести династическую ситуацию в тупик, единственным выходом из которой могло бы стать провозглашение её императрицей...

Выступление декабристов на Сенатской площади было допущено и в определённой степени спровоци-

Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. С картины Р.Р. Френца.

ровано сторонниками Марии Фёдоровны, стремившимися любыми способами воспрепятствовать воцарению Николая." Действительно, многое свидетельствует об этом, хотя нельзя полностью отбрасывать возможность того, что императрица хотела возвести на престол своего младшего сына Михаила.

Главное заключается в том, чтобы всё-таки выяснить, какие политические силы стояли за Марией Фёдоровной. Её поддерживали всесильный Алексей Аракчеев, министр путей сообщения Александр Вюртембергский (брат императрицы), петербургский генерал-губернатор Михаил Милорадович, председатель Государственного Совета Пётр Лопухин, министр финансов Егор Канкрин и др. Историк М.Сафонов[4] отмечает: "Марию Фёдоровну поддерживали финансовые и купеческие круги, объединённые Российско-американской компанией, которая стремилась направить русские экспедиции в Северную Америку, в Калифорнию, на Гаити." В самом деле, царская семья была главным пайщиком компании. Так, Александр I и Мария Фёдоровна стали её акционерами в 1802 году. Огромные средства вкладывал в компанию на цели исследования Русской Америки бывший канцлер, граф Николай Румянцев. Для этого граф распродавал свои многочисленные поместья, в том числе и Пружанское. Интересно, что как только Николай I пришёл к власти, то сразу же прекратил финансирование этих исследований.

Вокруг Марии Фёдоровны ещё в начале XIX века объединились русские националисты, хотевшие сменить вектор внешней политики России с Запада на Восток и Юг. Российский историк В. Сироткин в книге "Дуэль двух дипломатий" отмечает, что Николай Румянцев, Николай Мордвинов и Александр Куракин хотели повернуть внешнюю политику Российской державы с запада на восток. К.Валишевский писал: "... салон бывшей государыни часто становился центром оппозиции." Швейцарский историк А.Валлотон[5] согласен с коллегой: "Центром этой неистовой оппозиции становится Павловский дворец, в котором жила вдовствующая императрица. Она иногда набрасывалась на сына как волчица." Историки давно изучают деятельность оппозиционной группировки (великая княжна Екатерина Павловна, писатель Карамзин, граф Растопчин, адмирал Шишков и др.), которая выступила перед войной 1812 года против либеральной политики Александра I и добилась отставки и ссылки реформатора Михаила Сперанского. Учёные лишь спорят о том, кто стоял во главе оппозиции: Екатерина Павловна или Карамзин. Но всё указывает на то, что лидерами были императрица Мария Фёдоровна и канцлер Румянцев. Историк-беллетрист Георгий Чулков писал: "Во главе оппозиции стала мать-императрица".[6]

Ещё в прошлом веке был создан миф, что русский патриот-меценат Николай Румянцев был франкофилом. Историк А.Предтеченский оспорил это: "Приближение к Александру Румянцева в тот момент, когда русский император готовился нанести решительный удар Наполеону, может вызвать недоумение, если считать Румянцева, как это делали современники и историки, франкофилом. На самом деле ничего франкофильского в нём не было. Как показало ближайшее будущее, Румянцев на посту министра иностранных дел никаких симпатий по отношению к Наполеону не обнаружил"[7]. Как раз в борьбе с Румянцевым потерпел поражение Сперанский, пытаясь выведать сведения о сношениях канцлера с французами. Отметим огромный вклад Румянцева в дело изучения истории Беларуси[8]. Ещё предстоит выяснить роль графа в возникновении белорусской национальной идеи.

Удивительно, но первые декабристские общества представляли собой националистические, даже шовинистические, организации. Так, в конституционном проекте "Ордена русских рыцарей" требовалось: "конечное и всегдашнее истребление имени "Польша" и Королевства Польского и обращение всей Польши, как Прусской, так и Австрийской, в губернии российские." Декабристы решительно выступили против намерения Александра I отдать белорусские, украинские и литовские земли Польше. А Иван Якушкин вызвался на немедленное убийство императора. Польский вопрос (особенно принадлежность белорусских и украинских земель) был в начале XIX века кра-

еугольным камнем внутренней и внешней политики Российской империи. Даже Наполеон побоялся тронуть этот вопрос: после занятия Вильно он не решился присоединить земли бывшего ВКЛ к Варшавскому герцогству. Известна нелюбовь Марии Фёдоровны к полякам, а особенно к князю Адаму Чарторыйскому – главному идеологу политики воссоздания Речи Посполитой в прежних границах.

Выдвинем свою версию событий 1825 года, поскольку суть движения декабристов до сих пор до конца не выяснена. Похоже, что создание новых декабристских организаций было ещё одной попыткой выработки третьего пути развития России – соединения русского национализма и европейского конституционализма. Первых декабристов можно назвать внуками Никиты Панина, который в своё время пытался ограничить самодержавие, оставаясь русским националистом. Вначале они критиковали Александра I с правых позиций: за недостаточный патриотизм. Конечно, потом произошла значительная эволюция взглядов декабристов. Яркий пример этому – руководитель "Южного общества" Павел Пестель: выступал уже за республику и за передачу значительной части западнобелорусских и западноукраинских земель Польше. Но даже такой демократ как Пестель предлагал при реформе военной одежды принять за образец древнерусское платье, а свой конституционный проект назвал "Русская правда".

Российский историк Е.Рудницкая[9] отмечает: "Парадоксальное сочетание консервативно-националистических идей Шишкова с самым левым направлением в декабризме отразила "Русская Правда" П.И. Пестеля, её национальная программа".

Исследователи не обращают внимания на такой факт: большинство первых декабристов или их ближайшие родственники были близки к окружению Марии Фёдоровны и Павла I. Декабристами являлись сыновья самых близких к императрице людей – её личных секретарей Григория Вилламова и Юрия Нелединского-Мелецкого, чтеца Александра Плещеева, президента Академии художеств Алексея Оленина и др. Руководитель восстания князь Сергей Трубецкой – член кружка Оленина. Поэтому Александр I не арестовывал декабристов, так как знал, кто стоит за ними. Окружение императрицы не было однородным: вокруг неё мы видим как умеренных националистов, так и радикальных. К последним относился и знаменитый историк Николай Карамзин – ярый противник либеральных реформ Александра I. Незадолго перед восстанием учёный сказал о Марии Фёдоровне: "Вот кто мог бы теперь быть из многих лучшим министром просвещения, и также министром финансов, судя по ея умной деятельности для воспитания юношества и управления финансами опекунского совета"[10]. Эти слова говорят о том, что Карамзин считал: Мария Фёдоровна способна управлять, и неплохо, империей.

"Неопубликование Александром I манифеста было столь алогичным и странным, что, по мнению В.О. Ключевского, "ничем разумным нельзя объяснить таинственность, в какую облечено было распоряжение о престолонаследии", а А.Е. Пресняков, анализировавший проблематику междуцарствия, заявил о своём отказе "как-нибудь осмыслить то, что было явно иррациональным"[11]. Возможно только одно объяснение этому театру абсурда: Мария Фёдоровна заставила Александра I сохранить манифест в тайне, поскольку это было главным оружием в руках заговорщиков. Известно, что с мнением матери всегда считался Александр I. Императрица не стеснялась вмешиваться в государственные дела в такой степени, что "Александр I писал матери, что её непродуманное вмешательство во внешние дела недопустимо..."[12].

В.К. Кюхельбекер

Г.С. Батеньков

После смерти Александра I генерал Милорадович (сын племянника князя Александра Безбородко – канцлера при императоре Павле I) фактически заставляет великого князя Николая и Государственный Совет присягать Константину. К слову, его председатель, князь Пётр Лопухин – отец последней фаворитки Павла I Анны Гагариной и генерал-прокурор при несчастном императоре. Подручный Аракчеева (любимца Павла I), министр финансов Е.Канкрин (один из первых краеведов Беларуси, изучавший по поручению Н. Румянцева Борисовы камни) чеканит рубль с изображением императора Константина, чтобы ещё более запутать династический клубок. Когда все средства были исчерпаны, то "... члены Дома Романовых пытались в своей борьбе за власть использовать энергию тайного общества, а декабристы, в свою очередь, надеялись совершить революцию, рассчитывая использовать в этом деле противостояние членов августейшего семейства."[13].

Яков Ростовцев едет во дворец к Николаю Павловичу и фактически требует отказаться от престола, угрожая восстанием 14 декабря. Ростовцев сразу-же после этой встречи едет на совещание декабристов и передаёт свой разговор с Николаем. Делается это для того, чтобы предотвратить кровопролитие. Марии Фёдоровне нужно было не восстание, а его имитация. Тогда становится понятным, почему Пётр Каховский и Александр Якубович отказываются убивать Николая, а военные руководители восстания Сергей Трубецкой и Александр Булатов не являются на Сенатскую площадь. Только три тысячи солдат и офицеров из самых благородных побуждений вышли на площадь, не зная, что во многом являются марионетками в довольно грязной игре русских националистов из окружения Марии Фёдоровны.

Теперь становится понятным и суровое наказание Батенькова: помощник Аракчеева слишком много знал о тайных пружинах восстания и должен был надолго замолчать. Много, наверное, знал и Вильгельм Кюхельбекер – известный славянофил, поклонник творчества адмирала Шишкова. Его отец Карл Кюхельбекер – директор Павловска – к концу жизни Павла I стал очень близким ему человеком. Мать декабриста была кормилицей великого князя Михаила, а муж сестры – Григорий Глинка – его воспитателем. Только покровительством великих князей можно объяснить почти удавшийся побег Кюхельбекера. Его путь лежал и через Берестейщину: Пружаны, Каменец-Литовский, Высоко-Литовск, а дальше – на Варшаву. Логично было ему из Каменца направиться в Брест, а дальше к австро-российской границе, но Кюхельбекер едет в Варшаву, кишащую шпиками. Декабрист сам объясняет это: "Намерение моё было

упасть к ногам Великого Князя (Константина. – А.И.)[14]. Таким образом, Кюхельбекер ищет защиту у великих князей, и не зря: вскоре Михаил Павлович ходатайствует о смягчении ему приговора. Это была благодарность за преданность императорской семье, за готовность скрыть семейные тайны. Наверное, с этой целью Кюхельбекер на Сенатской площади стреляет из незаряженного пистолета в своего молочного брата, великого князя Михаила. Интересно, что через много лет великий князь попытается спасти умирающего от туберкулёза Николая Штейнгеля – сына декабриста-каторжанина Владимира Штейнгеля, служившего когда-то в Российско-американской компании, как и Кондратий Рылеев.

В истории русского национального масонства и декабристского движения видное место занимает ложа “Избранного Михаила”. Советский историк М.Нечкина писала: “Назвать ложу “Избранного Михаила” прямо “филиалом” Союза Благоденствия или “завоёванным” вольным обществом, как предлагает В.Базанов, на наш взгляд, нельзя. Но сказать, что ложа “Избранного Михаила” явилась ареной деятельности Союза Благоденствия, несомненно, можно[15]. Автору статьи всё-таки ближе позиция известного литературоведа и декабристоведа В.Базанова. В ложе “Избранного Михаила” мы видим почти всех самых загадочных участников декабрьских событий или людей, близких к ним: Г.Батенькова, В.Кюхельбекера, Н.Кусова – родного дядю Я.Ростовцева, директора знакомой нам Российско-американской компании... Помощником мастера ложи был поэт Фёдор Глинка – один из руководителей Союза Благоденствия и правая рука генерала Милорадовича. Его брат Сергей Глинка – известный русский националист, близкий к окружению Марии Фёдоровны. А Сергей Трубецкой – секретарь “Общества учреждения училищ взаимного обучения”, находившегося под патронажем ложи и лично руководимого Фёдором Глинкой. Членом ложи был адмирал Пётр Рикорд – наместник Камчатской области и исследователь Русской Америки. Архангел Михаил является покровителем дома Романовых. Сейчас можно только гадать, что означает название ложи: состоявшееся в начале XVII века избрание на московское царство Михаила Фёдоровича или предполагаемое избрание Михаила Павловича. Княгиня Екатерина Дашкова в своих “Записках” писала: “Павел утверждал, что только этот сын (Михаил. – А.И.) являлся действительным императорским высочеством, так как он родился после восшествия его на престол; он, казалось, любил его больше других детей.” Стоит подумать и над тем, что Павел I назвал свою любимую резиденцию Михайловский замок, на стене которого художник Угрюмов написал фреску “Избрание Михаила Фёдоровича на царство 14 марта 1613 года.”

Ещё не скоро восстание на Сенатской площади приоткроет все свои тайны. Так, не исследован вопрос о влиянии иезуитов на декабристов. Русский историк В. Семевский[16] выдвинул предположение, что именно бывшие участники иезуитского пансиона являлись основой декабристской организации “Орден русских рыцарей”. Действительно, список декабристов, воспитанных иезуитами, довольно внушительный: М.Орлов, С.Волконский, В.Мусин-Пушкин, В.Давыдов, Ф.Толстой, М.Лунин, А.Корнилович, А.Гангеблов, М.Лапа, А.Баратянский, В.Голицын, Д.Искрицкий, А.Суворов, П.Свистунов, братья Вадковские, братья Поджио и др.

Из вышесказанного не нужно делать вывод, что восстание декабристов – дело рук иезуитов и масонов, которые, к слову, были ярыми врагами. Ответ на многие поставленные вопросы может дать исследование на тему: “Роль иезуитов и масонов в возникновении русского национализма и современного панславизма.” Можно только удивляться, что один из вождей и идеологов русского национализма граф Алексей Мусин-Пушкин отдал своего сына Владимира на учёбу к иезуитам. Хотя удивляться не стоит, поскольку, иезуиты в России были проводниками русской идеи и воспитывали молодёжь в духе русского патриотизма. Очевиден также вклад иезуитов в возникновение и развитие белорусской национальной идеи, но этот вопрос требует глубоких исследований.

Много загадок оставил и стык XVIII и XIX вв.Как дореволюционные, так и современные историки не оценили должным образом личность графа Александра Воронцова: назначение его на пост канцлера в начале царствования Александра I они считали уступкой консерваторам екатерининских времён. Однако, известный поэт и славянофил Гавриил Державин (очень информированный деятель той эпохи) называл престарелого графа А. Воронцова “атаманом” молодых друзей-реформаторов Александра I.

Канцлер как раз и был главой русских либералов, учителем и Александра Радищева, и великого князя Александра Павловича. В Воронцове органично соединился русский национализм с преклонением перед английским конституционализмом. Следует отметить, что граф был непосредственным учеником Никиты Панина, т.е. дуэт А. Воронцов и А. Радищев был тем основным звеном, которое связывало Никиту Панина и декабристов.

Ещё в 1822 г. генерал Бенкендорф доносил царю о существовании Союза Благоденствия. Были даже перечислены имена заговорщиков. Но разве мог Александр I арестовать своих “молочных” братьев (детей Воронцова). Император сказал тогда своему генерал-адъютанту Васильчикову: “Вы были у меня на службе с самого начала моего царствования. Вы знаете, что я разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения... Но мне подобает их карать...”

А. ИЛЬИН

Літаратура:

1. Сафонов М. Константиновский рубль?//Родина. - 1999. - №4. -с.54-57.
2. Бартошевич В. По поводу одной публикации. - В кн.: Константиновский рубль. - М., 1991. - с. 137-166.
3. Сафонов М. Указ. работа. - с. 55.
4. Там же. - с. 57.
5. Валлотон А. Александр I. - М., 1991. - с. 192.
6. Чулков Г. Императоры. - М., 1993. - с.124.
7. Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. - М.-Л., 1957. - с. 234.
8. См.: Козлов В.П. Колумбы российских древностей. - М., 1982.
9. Рудницкая Е.Л. Русская мысль пушкинского периода /Отечественная история.- 1999.- №3.- с.4.
10. Сербинович К. Николай Михайлович Карамзин / Русская старина. - 1874. - октябрь. - с. 238.
11. Бартошевич В. Указ. работа. - с. 151.
12. Казаков Н.И. Послесловие. - В кн.: А. Валлотон. Александр I. - М., 1991. - с. 390.
13. Сафонов М. Указ. работа. - с. 54.
14. Цит.: Швед В. Беларускія старонкі гісторыі дзекабрыстаў. - Мн., 1998. - с. 64.
15. Нечкина М.В. А.С. Грибоедов и декабристы. - М., 1952. - с. 267.
16. Семевский В.И. Общественные и политические идеи декабристов. - Спб., 1909. - с. 258.

1831 год на Берестейском Полесье

Повстанцы.

В советской историографии ноябрьского восстания как бы не существовало. В независимой Беларуси интерес к нему возрос, но вопрос о восстании на Полесье слабо изучен. Значительных боевых действий тут не было, однако, на это были свои весомые причины. Местная шляхта рвалась в бой, но в крупных населённых пунктах стояли усиленные гарнизоны войск Литовского корпуса. Его командир, генерал-адъютант Розен, охранявший в Тересполе мосты через Буг, зорко следил, чтобы повстанческие отряды не проникали с территории Польского королевства. Также проводились профилактические меры для предотвращения восстания местного населения: патриотически настроенная шляхта под всякими благовидными предлогами удалялась отсюда. Это отражает следующая переписка:

Список с предписания Господина Корпусного Командира 6-го пехотного корпуса Генерал-Адьютанта и кавалера барона Розена 1-го Господину Гродненскому Гражданскому губернатору от 12 апреля 1831 г.

По дошедшим до меня сведениям, с Кобринского повета заметно некоторое беспокойство и говорят о возмущении долженствующем вспыхнуть через несколько дней. Уездного Маршала, Капитана Исправника исправляющего должность и Городничего и почти всех чиновников и дворян считают весьма не благонадёжными, в особенности же Исправника. Имея повеление Господина Главнокомандующего принимать меры для обеспечения спокойствия, действуя на праве командира отдельного корпуса в Уездах, коих сообщение прервано с Военным Губернатором, а по сему извещая о сем Господина Генерал-Адъютанта Храповицкого, я прошу его о назначении какого либо другого в должность Городничаго, на всякий же случай командирован мною в Кобрин эскадрон Литовского Уланского Полка, которым там и останется на некоторое время о чем считаю нужным уведомить и Ваше Превосходительство прося о содействии Вашем в смене.

НАРБ (Гродно) ф.4, оп.1, ед.хр. 6, л.6

17 апреля 1831 г. Тересполь	*Виленскому и Гродненскому временному Военному Губернатору, Господину и Кавалеру Храповицкому*

На рапорт Вашего Превосходительства за №478-м, честь имею Уведомить, что если Ваше Превосходительство только по отношению моему к Вам за №383 просит меня сделать распоряжение о захвате Кобринского Уезда Предводителя и Исправника, то полагаю, что одних слухов до меня дошедших недостаточно к принятию сей меры, могущей прежде времянно произвести беспокойства и тем более, что схвачение предводителя Ягмина огорчит всех Ягминых, до сих пор полагающихся благонадёжными. Если Ваше Превосходительство имеет другие важные причины к схвачению оных лиц, то полагаю по мнению моему как пред-

водитель равно и Исправник могли бы отозваться под каким предлогом в Губернский Город и получить там, или в Вильне какое особенное местное поручение, а должности их занять другими благонадёжными, то прошу сообщить мне, и тогда желание Ваше я прошу исполнить.

Генерал-Адъютант Розен

НАРБ (Гродно) ф.4, оп.1, ед. хр.6, л.7

29 апреля 1831 г.
м. Тересполь

Гродненскому и Виленскому Военному Губернатору, Господину Генерал-Адъютанту и кавалеру Храповицкому

По разным сведениям Господина Главнокомандующим Действующею Армиею полученным о сборе Оружия и Злонамеренных замыслах некоторых жителей в Беловежжской Пуще и Пружанском уезде. Его Сиятельство изволит приказать мне, немедленно отправить туда самым тайным образом для открытия всего на месте и для захвата Главных Зачинщиков, достаточную Квалерийскую Команду, в исполнение чего и Командирован мною вчерашняго числа по направлению к Шерешеву Генерального Штабу Подполковника Горский с двумя Эскадронами Волынского Уланского полка и несколькими казаками, которого и снабдил я нужными сведениями для исполнения сего поручения по вновь полученным мною известиям. Многие Пружанские чиновники и помещики под видом предосторожности от Холеры никого не пускают к себе в имении. Кроме принадлежащих к Шайкам. Теже самые слухи дошли до меня и о Кобрине где как говорят даже почти все Чиновники и должностные Дворяне разъехались также под видом спасения от Холеры и действительно посторонних к себе не допускают и сами к должностям в город не являются.

Очень Ваше Превосходительство извещая, считая нужным особенно просить Вас о назначение в Кобрин надежного Чиновника в должность Городничего равно и том ж, что бы вытребованный в Гродно Исправник Новомейский, не был возвращён к своей должности Исправника, как человек подавшего на себя поводы к сомнению. Между тем в теперешних обстоятельствах доверие двух должностей, т.е. исправника и городничего одному лицу предоставляет большие неудобства, о каковом моём мнении основанном на самих примерах, считаю Моею обязанностью сообщить Вашему Превосходительству.

Генерал-Адъютант Розен

НАРБ (Гродно) ф.4, оп.1, ед.хр.6, л.9

Не всё удавалось сатрапам в этих хитроумных планах. Так, ещё до этой переписки 13 (25) декабря 1830 года в Гродно был доставлен брестский уездный предводитель дворянства Кароль Урсын-Немцевич (племянник знаменитого поэта). Находясь в Гродно 4 месяца под секретным надзором, он сумел бежать в Беловежскую пущу, где вместе с пружанским лесничим Евгением Ронко возглавил отряд повстанцев численностью более 500 человек. 16 мая 1831 года отряд был разбит и отошёл под Беловежу, а к концу мая окончательно рассеян.

В Беловежскую пущу в отряды Немцевича и Ронко бежало много помещиков и шляхты Брестского уезда. Об этом свидетельствует следующий документ:

Ведомость

О Помещиках и Шляхте, отлучившихся с Брестского уезда в Беловежскую пущу и участвовавших в Мятеже

№	Имя и название бежавших	С какого имения и какого числа бежали
1.	Бывший Брестский предводитель дворянства Карл Немцевич	Отлучился с города Гродно
2.	Феликс, Иосиф, Александр — Сыновья Брестского уездного хорунжия помещика Понихвицкого	С имения Щитники помещика Понихвицкого 29 числа мая ночью бежали С имения Щитники 24 августа
5.	Болеслав сын помещика Александра Бухавецкого	Отлучился из города Гродно
6.	Стемковский эконом	Из имения Пелище помещика Лясковского 4 марта
7.	Яков Стржижевский, эконом с братами	С имения Бабичи помещика Керножицкого 5 мая
8.	Юльян Матушевич сын помещика Проспера Матушевича	С имения Ступичево
9.	Феликс Кринежи, эконом	С имения Свищёво Клокоцкого 11 июня
10.	Селезий Гарчинский, ксендз Мариянского Расноснского Монастыря	С местечка Раснай с Монастыря Апреля месяца 1831 и неизвестно находиться.

Исправник

НАРБ (Гродно) ф.1, оп.27, ед.хр.65, л.2

И в других районах Берестейщины всё-таки делались попытки поднять восстание, например, в Кобринском уезде помещики Антон Скродский и Ян Долубовский попытались создать партизанский отряд. Также в районе местечка Картуз-Березы действовал небольшой отряд Сильвестра Малаховского (до 50 человек). Его отряду активно помогали монахи местного картезианского монастыря. Польский историк Пётр Гах пишет: "У паўстанцкіх аддзелах на Літве два картузы (а. Ламберт Плюшчэўскі і а. Ян Мрашкоўскі) выконвалі функцыю капеланаў. Астатнія разам з прыёрам забяспечвалі паўстанцаў харчаваннем альбо змагаліся са зброяй у руках. Адзін з удзельнікаў – клерык Дыянісій Камінскі – памёр ад ран, 6 было арыштавана і пэўны час утрымлівалася ў вязніцы ў Гродна."

Но самым ярким эпизодом восстания на Полесье является смелый рейд отряда Тита Пусловского, в биографии которого читаем: "У час выбуху лістападавага паўстання Пуслоўскі не ўключыўся адразу ў збройную барацьбу, а чакаў шырокага ўдзелу суседніх паветаў, што, дарэчы, прывяло да змарнавання найлепшай пары для пачатку ваенных аперацый. Пінскія ўдзельнікі на чале з Пуслоўскім не дачакаліся прыбыцця з Валыні атрада Нарцыза Алізара, які па заняццю Пінскага павета меў намер злучыцца з Каралем Пшэздзецкім, начальнікам сілы збройнай Ашмянскага павета. Дарэчы, паўстанцкі рух у паветах Мозырскім і Рэчыцкім, а затым у Лідскім, Навагрудскім і Слонімскім быў хутка падаўлены. Толькі весткі аб падыходзячым корпусе генерала Генрыка Дэмбінскага, які 9.VII. 1831 г. з-пад Куршан павярнуў на Каралеўства Польскае і рухаўся спачатку ў накірунку

Рис. Л.М. Янчук

Міншчызны, схілілі, нарэшце, Пуслоўскага да ўзброенага выступлення Пінскага павета. Ген. Г.Дэмбінскі абмінуў Міншчызну, змяніўшы 24.VII кірунак рушання на паўднёвы захад. А пасланы з Варшавы ў дапамогу Пінскаму павету аддзел палкоўніка Самуэла Ружыцкага дайшоў толькі да Нарэўкі ў аколіцах Белавежскай Пушчы і, сустрэўшы 28.VII корпус ген. Дэмбінскага, злучыўся з ім. Затым яны супольна рушылі ў кірунку Варшавы. Нягледзячы на ўсё гэта, Пуслоўскі ў канцы ліпеня даў у сваёй Плянце безнадзейны і самотны бой. З уласна створаным атрадам, які складаўся са шляхты, у большасці дробнай, слуг і сялян, у тым ліку ўдзельнікаў ранейшых паўстанняў у суседніх паветах, Пуслоўскі рушыў у накірунку верагоднага наступлення рэгулярных польскіх атрадаў. У ноч з 2 на 3 жніўня ўвайшоў у межы Кобрынскага павета, аднак у той самы дзень аддзелы ген. Г.Дэмбінскага і палкоўніка С.Ружыцкага ўжо прыбылі ў Варшаву. Пуслоўскі пачаў павялічваць свой атрад (між іншым, да яго далучылася 20 рабочых з належачай яго бацьку суконнай фабрыкі ў Хомску). Урэшце атрад налічваў 1000 узброеных людзей. Ён павярнуў з Драгічына на поўдзень у кірунку палескіх балот, затым змяніў кірунак на ўсход і зноў увайшоў у Пінскі павет."

Из рапорта Кобринского земского суда Виленскому губернатору о повстанцах в Кобринском уезде Гродненской губернии:

27 июля 1831 г.

С 21-го на 22-е число сего течения ночью Титус Пусловский, вторгнувшись из Слонимского в пределы Кобринского у. с шайкой мятежников, в которой, быть может, кавалерии и пехоты по 300 человек, первоначально снял на Дрогичинской почтовой станции 10 лошадей с упряжью, а потом, следуя скорым маршем по тракту на имения Попину, Гнилые Лаловичи и Осовцы, состоящие при границе Ковельского у. Волынской губ., в окружающих имениях насильно забрал 54 дворовых и другого звания людей, одного клирика францисканского дрогичинского монастыря и униатского попинской церкви священника, из числа коих некоторые по большей части добровольно к нему присоединились, сверх того, взяв 32 лошади, как о том получены уже верные сведения, а о прочих производится разыскание, в каких же имениях сделано таковое насилие и сколько счетом людей и лошадей.

Суд сей в.в.-п. почтеннейше представляет именной список с донесением, что означенную шайку мятежников преследует с отрядом кавалерии и пехоты Лубенского гусарского полка полковник Ильинский.

Белоруссия в эпоху феодализма. Мн., 1979. Т.4 с.285

"Супраць аддзела Пуслоўскага выступіў палкоўнік Ільінскі, камендант кобрынскага аддзелу расійскай конніцы. Пуслоўскі, пазбягаючы сустрэчы з перавышаючымі сіламі непрыяцеля, пераправіўся на паўднёвы бераг Піны. Палкоўнік Ільінскі, аднак, атрымаўшы падмогу з Пінска, таксама пераправіўся праз раку і 8.VIII у сутычцы пад Кончыцамі вымусіў Пуслоўскага павярнуць на поўдзень у кірунку Прыпяці.

З-за няўдалай спробы ўтрымацца ў бліжэйшых лясах, Пуслоўскі вярнуўся назад да Нэвеля над Прыпяццю, дзе адбылася бітва з пераважаючымі сіламі Ільінскага. Пасля ўпартай і крывавай сутычкі аддзел Пуслоўскага быў разбіты; ён сам, паранены ў бітве, пакінуў поле бою з групай таварышаў і, адарваўшыся ад пагоні, падаўся на Валынь." ("Гістарычная Брама", №2(6), 1998 г.)

Действия Пусловского вписываются в стратегический план польского командования, которое в первой половине 1831 года, стремясь перехватить инициативу, расширить театр боевых действий и ослабить тылы русских войск, послало в Литву корпусы генералов Генрика Дембинского, Дезидерия Хлаповского и Антония Гелгуда, а на Волынь – генерала Юзефа Дверницкого. Кроме того, была предпринята неудачная попытка прорыва на Полесье войск под командованием полковника Самуэля Ружицкого, о которой белорусские историки почти не пишут. 3 мая Ружицкий составил проект партизанского рейда по Полесью, который предусматривал: разбивать небольшие отряды противника, перехватывать курьеров, перерезать коммуникации. Однако, главной целью было создание на Полесье новых подразделений пехоты и кавалерии для поднятия восстания. Наверное, планировались совместные действия с Пусловским. Сначала проект был отвергнут, а потом принят.

6 июля Ружицкий получил приказ выступить с отрядом в 1000 штыков и сабель. 11 июля отряд двинулся из Варшавы в направлении Дрогичина над Бугом и Семятич, которые были взяты 22 и 23 июля соответственно. Там захватили большое количество оружия и обмундирования, но это был последний крупный успех экспедиции. Можно предположить, что навстречу повстанцам из Бреста и Тересполя двинулись русские войска, перерезая им путь в направлении Кобрина. В Высоко-Литовске и Бельске стояли сильные гарнизоны царских войск. Поэтому отряд Ружицкого вынужден был идти в Беловежскую пущу, где 26 июля ему удалось оторваться от настигающего противника. Интересен документ, касающийся этих событий:

Его высокопревосходительству Господину Генерал адъютанту Виленскому и Гродненскому Губернатору и Кавалеру Храповицкому Брестского Нижнего Земского Суда

Рапорт

В Сем Суде получены из уезда следующие донесения:

1-ое что 14-го числа сего месяца во время прохода польских войск через имение Половцы графа Ожаровского из имения Зубач помещика Пусловского бежало к тем же войскам трёх дворовых мальчиков.

2-ое. Из Высоко-Литовской почтовой Конной Станции возвращающихся семь почтовых лошадей с двумя бричками и ямщиками, которые отвозили до Клещелей один письменную Почту, а другой Господина Генерал Майора Панютвина на дороге около Половцев, там же Польскими войсками забраны.

3-е. При нашествии означенных войск того ж числа под командою генерала Рожицкого под корчму Волгоставец томошняго фольварка помещика Чачковского Економ Ишковский узнав в тех войсках какаго-то Брата Своего офицера присоединился к ним, которыми забран приследовании до М. Клещель.

С каковых Проишествиях сей Суд Вашему Высокопревосходительству честь имеем донести.

№2086
Ююля 23 дня
1831 год
г. Брест

НАРБ (Гродно), ф. 4, оп 1, ед. хр. 55

28 июля в Наревке отряд Ружицкого соединяется с корпусом генерала Дембинского, который отступил в пущу из Литвы. 4 августа объединённый корпус вернулся в Варшаву. За этот поход Самуэль Ружицкий получил звание бригадного генерала. В Варшаве в его войска влился отряд под командованием однофамильца Кароля Ружицкого, совершившего перед этим героический рейд по южному Полесью – от Житомира до Замостья. В ходе его полковник одержал несколько побед в столкновениях с царскими войсками, не потерпев ни одного поражения. Подвиг Кароля Ружицкого, также как и Тита Пусловского, воспел полесский поэт Франц Савич в стихотворении “Там блізко Пиньска…”

Последний всплеск восстания на Полесье отражает следующий документ:

Его Превосходительству господину Тайному Советнику Гродненскому Гражданскому Губернатору и кавалеру Михайло Трофимовичу Бобятинскому

Брестского Городничего

Раппорт

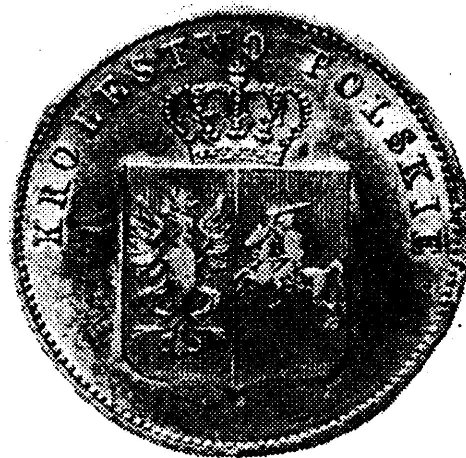
Сего августа 19 числа с прибытием из-за границы Царства Польского 6-го пехотного корпуса и при наступлении к границе мятежных войск по приказанию командира оного корпуса Господина Генерал Адъютанта барона Розена сверх прежде сломанных при оборонительных укреплениях обывательских в г. Бресте домов 83 сломано однаковых же по волынскому форштату 8 аль 21 против 22. Ночью при покушении на город мятежников и начатии потому военных действий сожжено в сем же городе на форштате против границы Царства Польского 14 домов. Из мостов же на реке Буг и Тереспольской плотины состоящих сожжены один.

За границею при пограничной рогатке вместе с оною и будкою прикараульной а другой на Тереспольской плотине, за сим по удалению от границ мятежников 6-й пехотный корпус выступил из подведомственного мне города обратно за границу – очень Вашему Превосходительству доносить честь имею.

Августа 24 Городничий
1831 г.

НАРБ (Гродно), ф 1, оп. 3. ед. хр. 1111, л.1

Польское командование для того, чтобы спасти Варшаву от голода и отвлечь силы армии Паскевича, наступавшей на левом берегу Вислы, послало на правый берег корпус генерала Раморино (по слухам, сына маршала Ланна). Он нанёс несколько чувствительных ударов Литовскому корпусу генерала Розена. Командование приказало Раморино идти на спасение Варшавы от Паскевича, но генерал повёл свой корпус на Тересполь. Польские историки считают, что барон Розен просто купил за деньги Раморино. Многие из них думают, что, если бы Раморино вернулся к Варшаве, то битва за неё приняла бы совершенно другой оборот. А так повстанцы постреляли по крепости, напугали жителей Бреста, а Варшава пала через несколько дней.



Монета Народного Правительства 1831 г.

А. ИЛЬИН

Повстанцы-берестейцы

В историческом архиве в Гродно (ф.4, оп.1, ед.хр.192) хранится алфавитный список 474-х участников восстания 1831 года, проживавших в Гродненской губернии. Повстанцы-берестейцы заслужили того, чтобы об их судьбах вспомнили неблагодарные потомки, которые уже забыли, сколько крови пролито за нашу свободу.

1. Андрушкевич Антон, крестьянин Кобринского у., помещика Стравинского, двукратно в рядах мятежников, находясь с ними в сражениях, не явился с расскаянием, отдан в солдаты.

2. Антусевич Александр, бывший письмоводитель Пружанской Городской Полиции, был в шайке образовавшейся в Беловежской пуще, находится в неизвестной отлучке, дом в Гродно продан.

3. Байковский Лука, крестьянин Брестского у. деревни Подлесье помещика Карчевского, по исключению из таможенного ведомства за дурное поведение содержал корчму, показывал, что был захвачен мятежниками в проводники, оказался был в Царстве Польском и прислан из г. Остроленки, отдан в солдаты в Архангельскую губернию.

4. Беренченко Сымон, крестьянин Кобринского у. имения Хомск помещика Пусловского, был в шайке Пусловского 4 дня, взят в числе прочих польских пленных и отправлен в Динабургскую крепость, по неоткрытию никаких особых преступлений водворён на прежнее жительство.

5. Блондович Брестского у., участник шайки в Беловежской пуще и по разбитию в неизвестной отлучке, имения не оказалось.

6. Борейша Наполеон, помещик Пружанского у.

7. Борейша Игнатий, родной брат, служивший ранее в уланском герцога Нассауского полку унтер-офицером, уволен с чином 14 класса, добровольно присоединились к Пусловскому, где Наполеон неизвестно, Игнатий пришёл в свой полк, где когда-то служил, заявил, что был в плену.

8. Бутковский Томаш, крестьянин Кобринского у. деревни Бронно помещицы Жуковой, присоединился к Пусловскому, по разбитию отправлен в Динабургскую крепость, водворён на прежнее жительство.

9. Буховецкий Александр, сын помещика Брестского у., деятель мятежников в Беловежской пуще, потом присоединился к Тышкевичу и Хлаповскому и ушёл с ними в Виленскую губернию, бежал за границу, имения нет.

10. Бушук Иохим, крестьянин Кобринского у. помещицы Оржешки, по показанию взят в проводники к Пусловскому, взят в плен, отправлен в Динабургскую крепость и водворён на прежнее жительство.

11. Вербуш, вахмистр Пусловского, местонахождение неизвестно, имения нет.

12. Высоцкий Александр, житель Бреста, участвовал в сражениях, отдан в солдаты Кавказского корпуса.

13. Вольский Игнатий, официянт Пусловского, местонахождение неизвестно, имения нет.

14. Гарчинский Селезий, священник Марианского ордена Брестского у., присоединился к шайке в Беловежской пуще, местонахождение неизвестно, имения нет.

15. Голембеёвский Иосиф, шляхтич Брестского у., соединился с отрядом Дембинского в Виленской губ., отдан в солдаты Кавказского корпуса.

16. Грик Карл, крестьянин Пружанского у., Беловежский лесничий, присоединился к шайке и потом в отряде Дембинского (брал в плен офицера Бардаковского), отдан в солдаты Кавказского корпуса.

17. Долубовский Иван, помещик Кобринского у., хотел присоединиться к шайке Антона Скродского, находится под полицейским надзором.

18. Дорогощук Гарусий, крестьянин Кобринского у. деревни Подземенье ксендза Городецкого, разбит в рядах мятежников под Невмянами, пленён и отправлен в Динабургскую крепость, водворён на прежнее жительство.

19. Еремабчик Иван, крестьянин Кобринского у. деревни Нагорье помещика Вислоуха, насильно вовлечён в шайку, пленён и отправлен в Динабургскую крепость, водворён на прежнее жительство.

20. Жарчинский Емельян, крестьянин Кобринского у. деревни Песок помещика Пусловского, служил в Виленском уланском полку, имел полковое вооружение, отдан в солдаты в Сибирь.

21. Завадский Павел, крестьянин Пружанского у. деревни Новики помещика Окулича, был в шайках всё время революции, отдан в солдаты Кавказского корпуса.

22. Завитневич Бонифаций, ксендз Кобринского у., присоединился к шайке, находится за границей, имения нет.

23. Зычулевич Иван, крестьянин Пружанского у. помещицы Замойской, бежал из Динабургской крепости, но пойман в Пружанском у.

24. Каминский Франц, монах Березского картузианского монастыря, участвовал в уговоре людей к мятежу, действовал к приумножению картузианской шайки, которую снабжал оружием, по доставке в Гродно предан Военному Суду, лишён духовного звания и отправлен как солдат в Кавказский корпус.

25. Карпович Пётр, крестьянин Пружанского у. помещицы Анджейковичевой, в шайке Пусловского, пленён и отправлен в Динабургскую крепость, водворён на прежнее жительство.

26. Керчукевич Ярмуш, крестьянин Кобринского у. помещика Богурского, взят насильно, взят под Невмянами в плен, отправлен в Динабургскую крепость, водворён на прежнее жительство.

27. Ковальчук Янко, крестьянин Кобринского у. имения Ляховичи помещика Шемиёта, взят насильно, пленён под Невмянами, отправлен в Динабургскую крепость, водворён на прежнее жительство.

28. Козак Якуб, крестьянин Кобринского у. деревни Буты помещика Орды, взят насильно в шайку Пусловского, пленён под Невмянами, отправлен в Динабургскую крепость, водворён на прежнее жительство.

29. Козловский Семён, крестьянин Пружанского у. деревни Малеч помещика Жуковского, по уговору писаря Липницкого присоединился к Пусловскому, пленён под Невмянами, водворён на прежнее жительство.

30. Кондрат Иван, крестьянин помещика Пусловского, после разбития перешёл в Пруссию, пойман как бродяга, отдан в солдаты Кавказского корпуса.

31. Кот Павел, крестьянин Пружанского уезда, добровольно ушёл в Беловежскую пущу, но, не найдя мятежников, пошёл в Варшаву, вступил в 5-й линейный полк, отдан в солдаты Кавказского корпуса.

32. Крживоблоцкий Игнатий, помещик Пружанского у., бывший уездный судья, присоединился к мятежникам, не возвратился.

33. Кунахович Теодосий, сын униатского священника Брестского у. из селения Пашуки, присоединился к шайке мятежников, действуя с онными, по разбитию укрылся неизвестно куда, внесён во 2-й разряд, имения не оказалось.

34. Кунцевич, писарь имения Дубой помещицы Корженевской, у Пусловского и скрылся с ним.

35. Кунцевич Викентий, крестьянин Пружанского у., добровольно присоединился к мятежникам, служил в 1-м уланском полку, неоднократно был в сражениях, перешёл в Пруссию, бежал в Царство Польское, снова сражался, отдан в солдаты Кавказского корпуса.

36. Ламберт Ксендз Картузианский, участвовал в составе шайки под Берёзой, бежал, неизвестно где находится, имения нет.

37. Липчик Николай, крестьянин Кобринского у. м. Хомск помещика Пусловского, пленён под Невмянами, водворён на прежнее жительство.

38. Лишевский Антон, шляхтич Брестского у., служил в Литовско-Волынском конном полку, пленён, отдан в солдаты Кавказского корпуса.

39. Матушевич Юлиан, помещик Брестского у., находился в мятеже и в отлучке, прощён и водворён.

40. Матушевич Роман, Брестского уезда уроженец, в 1830 г. отлучился в Царство Польское, местонахождение неизвестно, имения нет.

41. Миотенник Марко, крестьянин Брестского у. помещика Носаржевского, по уговору присоединился к Хлоповскому, попал в плен, бежал из Динабургской крепости.

42. Мрочковский Иван, ксендз Картузианского монастыря, взят по подозрению в участие, прощён.

43. Муравский Антон, крестьянин Брестского у. деревни Домбровки, служил во 2-м уланском и 4-м пехотном полку, отдан в солдаты Кавказского корпуса.

44. Немцевич Карл, разсылал агентов по помещикам, 1-й разряд преступников, имения конфискованы.

45. Окинчиц, шляхтич Брестского у., писарь имения графа Грабовского, в шайках, местонахождения неизвестно, имения нет.

46. Орда Наполеон, помещик Кобринского у., служил в мятежницких рядах, подпоручик 4-го конноегерского полка, из которого был командирован в Главный штаб мятежных Войск, в коем находился через всю кампанию, нынче в неизвестной отлучке. По определению Комиссии 26 октября 1831 г. утверждённому Господином генерал-Губернатор 16 ноября того же года №3542 внесён в 2-й разряд преступников – имение Вороцевичи по указу Правительствующего Сената 22 марта 1838 г. №269 оставлено в пожизненное владение Ордовой матери мятежника.

47. Петрикевич Семён, Кобринский уезд местечко Янов, участвовал в мятеже, местонахождение неизвестно.

48. Печиский, камердинер графа Грабовского Брестского у., присоединился к шайке, местонахождение неизвестно.

49. Пилипович Павел, крестьянин Кобринского у. имения Островок помещика Фрича, присоединился к Пусловскому, пленён под Невмянами, отправлен в Динабургскую крепость, водворён на прежнее жительство.

50. Понихвицкий Феликс, сын помещика Брестского у., прощён.

51. Поповский Адальбер, шляхтич Кобринского у., находился в шайке, не возвратился, имения нет.

52. Пусловский Тит, разбит под Невмянами, бежал через Волынь в Австрию.

53. Пусловский Феликс, сын помещика Пружанского у., состоял в Виленском училище, присоединился к мятежникам, находится за границей.

54. Пуховский Венантий, шляхтич Пружанского у., укрылся в Пруссии, имения нет.

55. Ронко Евгений, окружной лесничий Пружанского у., организовал шайку в Беловежской пуще, местонахождение неизвестно.

56. Скродский, официянт помещика Пусловского, местонахождение неизвестно, имения нет.

57. Скродский Антон, помещик Пружанского у., бывший уездный судья, сносился с мятежниками в Беловежской пуще, хотел организовать такой же отряд в Кобринском уезде, воспрещено отлучаться из имения.

58. Смецюх Иосиф, крестьянин Пружанского у., бежал в Царство Польское, присоединился к мятежникам, попал в плен, бежал в Беловежскую пущу, схвачен, отдан в солдаты Кавказского корпуса.

59. Старкевич Пётр, крестьянин Кобринского у. деревни Сорацны Беждежского имения, насильно вовлечён в шайку.

60. Стемковский, шляхтич, эконом имения Пелище графа Бнинского Брестского у., местонахождение неизвестно, имения нет.

61. Федорович Трофим, крестьянин Пружанского у. деревни Потцыничи.

62. Хомич Василий, крестьянин Кобринского у. помещика Богурского имения Ровины, присоединился к Пусловскому во 2-й эскадрон кавалерии, пленён и отправлен в Динабургскую крепость, водворён на прежнее жительство.

63. Шретер Богуслав, шляхтич Пружанского у., бежал в Беловежскую пущу, местонахождение неизвестно, имения нет.

64. Шретер Антон

65. Шретер Пётр

66. Шретер Иосиф

67. Шретер Иван бежал в Беловежскую пущу.

68. Юзефович Казимир, из г. Пружаны, местонахождеие неизвестно, имения нет.

69. Юшкевич Иван, эконом францисканского монастыря в Дрогичине, присоединился к Пусловскому, местонахождение неизвестно.

70. Яблоновский Симон, крестьянин Брестского у. имения Горошин помещика Шаплинского, бежал в Беловежскую пущу, отдан в солдаты Кавказского корпуса.

71. Якубовский Михайло, крестьянин Пружанского у. помещика Влодека, в шайке Ромарино, отдан в солдаты Кавказского корпуса.

Если по этому списку рассмотреть социальный состав участников восстания, то получим следующие цифры: крестьяне - 29 чел. (40,8%), помещики и шляхтичи - 26 чел. (36,6%), духовного звания - 6 чел.(8,5%), мещане - 3 чел. (4,25 %), неизвестного происхождения - 7 чел. (9,9%). В советской историографии сложилось мнение, что восстание 1831 года было дворянским, которое простой народ не поддержал. Полученные цифры не подтверждают такой вывод.

Конечно, приведённый список не является полным, так как о многих участниках у полиции просто не было сведений, нет в нём и погибших, а также тех, кто добровольно вернулся домой после кратковременного пребывания в повстанческих отрядах. А последних было довольно много. Об этом говорит следующий документ:

Список шляхты и крестьян отлучившихся из своих жилищ и находившихся в шайках мятежников, а потом добровольно возвратившихся

Имя и прозвание возвратившихся лиц, находившихся было в отлучке	*Число людей*
С имения Блудни помещика Здзеховского возвратились из отлучки дворовые люди Станислав Бродский, Франц Бродский и Адам Самойлович	*3*
С имения Кабаки помещика Влодека возвратился дворовый человек Григорий Макаревич	*1*
С имения Здзитов помещика Микульского возвратился дворовый человек Якуб Чих	*1*
С имения Березы ксендзов Картузов возвратились люди Викентий Белевич, Иосиф Товпик, Фёдор Касперович, Михайл Попко, Андрей Товпик и Андрей Кожухович	*6*
С имения Сельца графини Замойской возвратился шляхтич Иосиф Богушевич	*1*
С имения Яскевичи возвратился шляхтич Иван Чеховский	*1*
Кобринского уезда с имения Городца помещика Врейта возвратился человек Якуб Илюкевич	*1*
С имения Ключ Пружанский помещика Швейковского возвратился ткач Охрим Гиль	*1*
Итого	*15*

НАРБ (Гродно) ф.1, оп.27, ед.хр.65, л.60

А. ИЛЬИН

Портретная галерея

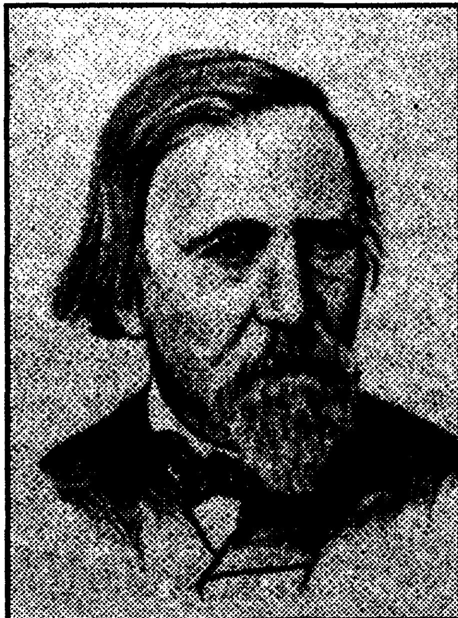
Краткие биографии некоторых лиц, упомянутых в статье “1831 год на Полесье”.

Немцевич Кароль (1797-1867) – руководитель восстания на Гродненщине в 1831 году, деятель эмиграции. Сын Яна Урсын-Немцевича – брестского маршалка и Текли Выгоновской, племянник поэта Юлиана Немцевича. В 1812 году, отступающими русскими, вместе с отцом был взят в заложники и вывезен вглубь России. После возвращения из России закончил Свислочскую гимназию и поступил в Виленский университет. Рано участвовал в местном самоуправлении, уже в 1824 году на губернских сеймиках выступил с предложением о создании в Петербурге в Сенате отдела по польским делам, “который наши дела рассматривал на польском языке”, но его предложение не было принято. Через 3 года участвовал в комиссии по восстановлению дворца в Белостоке и написал рапорт о злоупотреблениях российских чиновников (1827); как брестский маршалок вступил в спор с генералом Энгельманом о строительстве бараков и лагеря для военных под Брестом. Только вмешательство гродненского губернатора М.Бобятинского (1828) уладило спор. В 1830 году официально приветствовал императора Николая I, проезжавшего через Брест на варшавский сейм. Перед самым восстанием был выбран заместителем маршалка шляхты Гродненской губернии Константина Четвертинского. Когда великий князь Константин квартировался в его усадьбе Адамково после бегства из Варшавы, то приказал направить Кароля в Гродно под домашний арест за сотрудничество со своим дядей Юлианом Немцевичем. Много внимания и благосклонности оказала тогда Каролю жена великого князя Иоанна Грудзинская. Несмотря на интернирование, Немцевич имел близкие контакты с польскими офицерами Гвардии и Литовского корпуса, с которыми разработал план захвата Гродно и ареста губернатора Бобятинского. Но Немцевича предал один из бывших офицеров. Несмотря на это, его не арестовали.

После начала восстания в Литве (март 1831 г.) Немцевич, пребывая постоянно в Гродно, стал во главе заговора. По мнению Станислава Бажыковского, в марте был выбран руководителем восстания на Гродненщине, на это он согласился при условии предоставления военной помощи. В середине апреля направил гонцов в Беловежу, Новогрудок и Слоним со своим планом акций против российских гарнизонов. 18 апреля убежал из Гродно в окрестности Королевского Моста около Белостока, где стал во главе небольшого повстанческого отряда. Однако в первом бою 16 мая был разбит и двинулся с отрядом к Беловеже, чтобы снова под Королевским Мостом уже победоносно встретиться с русскими. Вскоре его отряд был распущен, а Немцевич 6 недель прятался на каком-то подворье. После чего в Калюшине присоединился к дивизии генерала Мацея Рыбиньского. За свою деятельность получил от генерала Яна Скжынецкого орден Virtuti Militari. В начале августа работал в Сейме как депутат от Гродненщины. После капитуляции Варшавы выехал в эмиграцию. В апреле 1834 года из Дрездена просил дядю Юлиана в Париже о французском паспорте, поскольку в России Кароля осудили на каторгу в Сибирь, и российское правительство оказывало давление на саксонские власти о его выдаче. 1 августа 1834 года появился в Париже у дяди Юлиана, который уже раньше (16 февраля 1833 года) назначил его исполнителем своего завещания. О деятельности Кароля в Париже мало известно: между 1841 и 1848 годами писал в местный “Dziennik Narodowy” и собирал материалы для мемуаров. В 1848 году выдал в Париже “Воспоминания моего времени” Ю.Урсын-Немцевича. Подписал вместе с другими инструкцию к делегатам Славянского конгресса в Праге (6 июня 1848 г.). С этих пор самостоятельно в эмиграционной жизни не выступал. В 1855 году оказывал давление на А.Чарторыйского, чтобы “организовать власть, придать ей приличный характер, и стать во главе её” (письмо 17. IX). Среди эмигрантов проповедовал культ бонапартизма. Умер в Париже 9 февраля 1867 года – погребён на кладбище Монмартр. Семьи не было. Оставил после себя “Воспоминания с 1831 г.” (Париж, 1863) и “Воспоминания о восстании в Брест-Литовске” (Париж, 1869), ценные как источники о бегстве из Варшавы великого князя Константина.

Орда Наполеон (11.2.1807 – 26.4.1883) – композитор, пианист, педагог, писатель, художник, творчество которого тесно связано с Беларусью, Украиной, Лит-

вой и Польшей. Родился в с. Вороцевичи Пинского уезда Минской губ. (теперь Ивановский р-н) в семье инженера-фортификатора. Начальное образование получил у родителей. В 1823 году окончил Свислочскую гимназию и поступил в Виленский университет. В 1827 году исключён за участие в тайном студенческом обществе "Зоряне". Активный участник восстания 1830-31 гг. После его подавления эмигрировал. Жил в Австрии, Швейцарии, Италии, Франции. С 1833 года в Париже, совершенствовал там своё мастерство игры на фортепиано, обучаясь у Ф.Шопена; дружил с А.Мицкевичем. В 1838 году издал "Альбом произведений польских композиторов", вырученные деньги от продажи которого пожертвовал на помощь бедным соотечественникам. Издал свои произведения для фортепиано (полонезы, вальсы, мазурки, серенады), одобренные Шопеном и Листом, а также романсы и песни на слова С.Витницкого и А.Плуга. Там получил художественное образование в студии П.Жерара. В середине 1840-х гг. был директором Итальянской оперы в Париже.



Наполеон Орда

В 1856 г. вернулся на родину, жил в Вороцевичах, в Гродно (1862-63), потом перебрался на Волынь, был домашним учителем. Написал и в 1873 г. издал "Грамматику музыки", высоко оценённую С.Монюшко.

Умер в Варшаве.

Как художник, наиболее известен своими зарисовками архитектурных памятников и местностей, связанных с жизнью и деятельностью знаменитых людей на территории Беларуси, Украины, Литвы и Польши. Для их написания ему пришлось много путешествовать. Архитектурные зарисовки Орды выделяются строгой документальностью, что имеет немаловажное значение для истории архитектуры. Только в Беларуси Н.Орда сделал более 200 таких рисунков. Историческую ценность сейчас представляют зарисовки памятников, которые не сохранились до нашего времени, частично разрушены или перестроены: замки в Пинске, Креве, Ольшанах, Геранёнах, Новогрудке, Каменецкая вежа, дом-крепость в Гайтюнишках, усадьбы и дворцы в Полонечке, Тугановичах, Пружанах, Скоках, Закозели, Молодове, Ружанах, Высоком, монастыри: Лещинский под Пинском, картезианский в Берёзе, и т.д.

Пусловский Адам Титус (1803-1854 гг.) – начальник восстания на Берестейском Полесье в 1831 году, эмигрант. Родился в д.Пески Слонимского уезда (крещён 24.12.1803 г. в Слониме), сын Войцеха Пусловского (1762-1833, депутат Четырёхлетнего Сейма, маршалок шляхты Слонимского уезда, хозяйственный деятель) и княжны Жозефы Друцкой-Любецкой (1776-1830, сестра министра финансов Королевства Польского, князя Ксаверия Друцкого-Любецкого).

Пусловский служил в Александрийском гусарском полку российской армии; в звании корнета вышел в отставку. Поселился в оставленном ему отцом владении Плянта в Пинском уезде. Зимой наведывался в Вильно и считался среди "золотой молодёжи виленской самым богатым" (Г.Пузынина). Поддерживал связи с Антонием Горецким (до его ареста в 1828 г.). Организовывал в своей виленской квартире литературные встречи с участием поэтов.

После начала ноябрьского восстания Пусловский сразу не включился в вооружённую борьбу. В своём имении Плянта среди телеханских болот, вдали от уездных центров он, незаметно от российских властей, накапливал силы и ждал дня начала своего выступления – появления на Полесье польских войск. Очевидно, Пусловский поддерживал контакты с польским командованием, в планах которого значилось и его выступление. Когда отряд Самуэля Ружицкого, посланный Пусловскому на помощь, повернул обратно на Варшаву, и стало ясно, что он не появится на Полесье, владельцу Плянты, прекрасно понимавшему безнадёжность своего положения, ничего не оставалось, как выступить. Возможно, выступить его заставило нападение на Плянту отряда российских войск, разгромленного им.

У Титуса Пусловского был свой, наиболее реальный, план действий: сделать марш по многочисленным полесским поместьям Пусловских, пополняя в них свои продовольственные припасы и увеличивая численность отряда. С большой долей вероятности можно предположить, что отряд Пусловского направился из Плянты на запад, в поместье Пески Слонимского уезда, т.к. дорогу на юг преграждали обширные болота. Причём первый марш был сделан быстро и незаметно, поскольку он не отмечен в реляциях российских войск. Из Песок Пусловский направляется в другое родовое поместье Хомск, где увеличивает численность отряда до 1000 человек. Из Хомска отряд следует через Дрогичин, Попину и Осовцы в третье родовое поместье Пясечна (Посеничи) под самым Пинском. Но тут его начал преследовать отряд российской конницы под командованием полковника Ильинского, вышедший из Кобрина. Очевидно, что навстречу Пусловскому вышел из Пинска ещё один отряд российских войск. Будучи зажатым с двух сторон и имея на севере болота, Пусловскому ничего не оставалось как повернуть на юг и идти к четвёртому родовому поместью Завище. При переправе через реку Пина его настиг отряд Илинского и под Кончицами между ними произошло столкновение. Отряду Пусловского на некоторое время удалось оторваться, но под Невелем (Невмянами) его ожидало решающее сражение. После упорного и кровавого боя отряд Пусловского был разбит (в этом сражении потери отряда составили около 400 человек убитыми и ранеными); сам он, раненый, с группой товарищей, покинул поле битвы и, оторвавшись от погони, подался на Волынь. По некоторым сведениям они присоединились затем к отряду Кароля Ружицкого, совершавшего свой героический рейд Житомир-Замостье.

После поражения восстания в Королевстве Польском Титус Пусловский проживал в Восточной Пруссии. Оттуда, после безрезультатных попыток вернуться на родину, летом 1832 г. выехал во Францию и осел в Париже. В эмиграции Пусловский не занимался политической деятельностью. Умер 5 марта 1854 года в Париже и похоронен на кладбище Пер Лашез. Своей семьи Пусловский не имел.

Раморино Гироламо (1792-1849) – польский и итальянский генерал, участник восстания 1830/31 гг., командир корпуса, насчитывавшего 20000 солдат. В сентябре 1831 г. пересёк австрийскую границу и выехал во Францию; в 1848/49 гг. участвовал в освободительной войне Италии против Австрии. Был расстрелян за несоблюдение субординации.

Розен Григорий Владимирович (1781-1841) – барон, генерал-адьютант, участвовал в подавлении польско-

го восстания и воевал на Кавказе. С 1805 года в течение 10 лет постоянно находился в действующей армии. В 1830-31 гг., командуя Литовским корпусом, принимал деятельное участие в усмирении польского восстания. В 1831-37 гг. состоял командиром отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющим гражданской частью и пограничными делами. Главным делом его на Кавказе было улучшение путей сообщения с военными целями и снаряжение экспедиций против горцев, из которых в двух (1831г. и 1837г.) он командовал сам и покорил возмутившиеся племена: галагаевское, карабулаков, чеченцев и цебельду. Последние годы жил в Москве, был сенатором.

Ронко Евгений (1790-1875) происходил из швейцарской семьи, осевшей в России. В 1820 году окончил лесной институт в Петербурге и направлен в Беловежскую пущу старшим лесничим. Женился на польке и сполонизировался. В 1831 году вступил в организацию повстанцев, которую создали в Гродно секретарь губернатора Томаш Красковский (член свислочского Наукового общества, филарет, швагр Ронко) и ординатор военного госпиталя доктор Юзеф Щапинский. Ронко организовал отряд стрельцов (около 300 человек) из лесной стражи под командованием Якуба Шреттера, подчинённого ему лесничего. Воевали они в пуще с переменным успехом, превосходящими силами российских войск вытеснялись из пущи. В конце мая 1831 года Ронко часть своих стрельцов присоединил к корпусу генерала Хлаповского, а часть повстанцев (100 человек) под командованием Шреттера осталась в пуще и в июле присоединилась к корпусу генерала Дембинского.

Ружицкий Самуэль (1781-1834) – бригадный генерал польской армии, командир корпуса в ноябрьском восстании, эмигрант. Родился 19 июня 1781 г. в Задожыцах (Вислицкий уезд). Происходил из среднезажиточной шляхетской семьи, был сыном Михаила Ружицкого – черниговского подстолия, королевского шамбеляна и Анны Волк-Ляневской, был в родственных отношениях с Яном Генриком Домбровским. Учился в средней школе в Кракове. С 27 октября 1802г. начал учёбу на отделении права Главной школы в Кракове. Во время победоносного прихода наполеоновских войск в Польшу вступил в народное ополчение Краковского воеводства. Храбро воевал с прусскими войсками. Получил в 1807 году звание капитана, а 6 марта 1808 г. награждён золотым крестом Virtuti Militari. Участвовал в польско-австрийской войне 1809 г. Получил звание подполковника и Кавалерский крест Virtuti Militari. Участвовал в походе на Москву в составе бригады генерала Зайончека, сражался под Смоленском, Можайском, Чириковым. 11 октября стал кавалером ордена Почётного Легиона. Под командованием князя Юзефа Понятовского принимал участие в битве под Лейпцигом, где и попал в плен.

Самуэль Ружицкий

В 1814 году Ружицкий вернулся на родину и вступил в создаваемую армию Королевства Польского в звании подполковника. Не согласившись с “константиновской школой” ломки характеров, в 1816 году подал в отставку. После этого жил в своём имении Журовнины. Был членом национального масонства и Патриотического общества.

После начала ноябрьского восстания Ружицкий организовал 1-й пехотный полк Краковского воеводства. В начале 1831 г. прибыл с полком в Варшаву, где находился до начала похода на Полесье, который, однако, закончился в Беловежской пуще. Польский историк Ксаверий Зданьский в своей книге “Лекции по истории Брестско-Литовского уезда” (1936) так описывает действия корпуса С.Ружицкого в Беловежской пуще: “24 июля Ружицкий перерезал коммуникации между Брестом и Гродно и взял в плен генерала Панютина, ехавшего занять место начальника штаба армии Паскевича вместо генерала Толля. Русская пехота и кавалерия (драгунский полк, прибывший из Высоко-Литовска) старались отбросить повстанцев за Буг, но это им не удалось и Ружицкий добрался до Беловежской пущи. По неустановленной дате, правдоподобно 24 или 25 июля, состоялось сражение в пуще под селом Лесное. Позиции повстанцев находились на горе и отделялись от русских рекой Лесная. Силы корпуса Ружицкого составляли в общем 900 человек, состав их был следующий: один эскадрон Калишского резерва, так называемый офицерский эскадрон, собранный из офицеров-резервистов в Ловиче, татарский отряд, имевший 40 коней, отряд 250 стрелков Кушла, пеший отряд офицеров и унтерофицеров полковника Обуховича, а также батарея капитана Киназа с двумя трёхфунтовыми пушечками. Русские силы, которыми командовал генералБоглен (Bohlen), были значительно больше, после нескольккочасового боя Ружицкий оставил занимаемые позиции и двинулся в северном направлении, где неожиданно встретился с корпусом генерала Дембинского.”

4 августа, по возвращении со своим отрядом из этого похода, С.Ружицкий получил звание бригадного генерала и был назначен военным руководителем Краковского, Сандомирского и Калишского воеводств. Получил задание вести партизанскую войну в тылах войск генерал-фельдмаршала Паскевича, шедшего на Варшаву с запада, и генерала Рюдигера, действовавшего в Люблинском воеводстве. Ружицкий имел всего 3000 слабообученных солдат, с которыми, конечно же, не мог помешать Рюдигеру переправиться через Вислу, хотя на тот момент над русскими войсками и был одержан ряд локальных побед.

После падения Варшавы, 12 сентября, Ружицкий вместе с 1400 солдатами перешёл границу вольного города Кракова, где сложил оружие. Вскоре он эмигрировал во Францию. Политической деятельностью там не занимался. В 1833 г. подал прошение об амнистии, но император Николай I его отклонил. Умер 2 марта 1834 г. в Швейцарии в Берне, где и похоронен. Успел напечатать свои воспоминания о восстании.

Храповицкий Матвей Евграфович (1783-1847) начинал службу в итальянской армии Суворова, участник всех войн императора Александра I с Наполеоном, в сражениях при Бородино и Кульме был ранен. Был виленским и гродненским военным губернатором (1830-1831). Член Государственного Совета, председатель комитета о призрении раненных, а с 1846 года Петербургский военный губернатор.

Мы видим: Розен и Храповицкий, активно сотрудничавшие между собой при подавлении восстания 1831 года, почти ровесники и имеют схожие биографии. Очевидно, Храповицкого специально назначили генерал-губернатором для подавления восстания.

ПОДГОТОВИЛ А. ИЛЬИН

Полицейский надзор в Брестском и Пружанском уездах после восстания 1831 года

В Национальном историческом архиве в г. Гродно (ф.1, оп.27, ед.хр.101) хранятся журналы полицейского надзора за жителями Гродненской губернии, начиная с 1832 года. Среди людей, находившихся тогда под наблюдением, практически не было участников недавно разгромленного восстания, которые находились или в Сибири, или за границей в эмиграции. Поднадзорные – это предполагаемые и действительные члены тайных обществ в 20-х годах, а то просто подозрительные личности. Так, помещики Михаил Булгарин и Иосиф Лей вызвали подозрения властей своими частыми поездками на охоту в Царство Польское. Возник вопрос – а может молодёжь под видом охоты устраивает собрания тайных обществ?

На каждого поднадзорного вносились записи по таким графам: чин, имя, возраст, по какому распоряжению взят под надзор, где живёт и чем занимается, получает ли от казны содержание, имеет ли семейство, что по надзору открылось. Большинство записей ежегодно обновлялось, последняя графа почти у всех оставалась неизменной, так как ничего интересного и противоправного не обнаруживалось. Приведём неполные данные за 1832 год по Брестскому и Пружанскому уездам со своими комментариями.

Брестский уезд

1. Помещик Карл Немцевич, 33 года, по предписанию гродненского губернатора Андржейковича от 11 декабря 1823 года, живёт в имении своём Адамково, холост.

Интересно, что в списках по Гродненскому уезду за тот же год мы снова находим запись о нём: бывший Брестский уездный предводитель дворянства Немцевич, по предписанию начальника Гродненской губернии по подозрению принадлежности к тайному обществу и по повелению цесаревича от 13 декабря 1820 года, имеет отлучки из Гродно, неизвестно где сейчас находится.

Это уже какой-то полицейский маразм: Немцевич в это время находился за границей, а в Российской империи в двух разных местах ведут полицейский надзор за его тенью. Тут не кажется таким уж фантастическим сказание о подпоручике Киже.

2. Его брат Фаддей Немцевич, 29 лет живёт в имение Запимаетка (так прочитано. – А.И.), *женат.*

3. Помещик Феликс Влодек, 31 год, живёт в имении Мотыкалы, холост.

4. Отставной Польского Войска капитан Франц Сержпутовский, 51 год, прислан из Варшавы по повелению цесаревича от 21 апреля 1820 г. за фальшивые доносы и вздорный характер, живёт в имении Капустичи, занимается хозяйством, женат.

Возможно, что капитан, защищая своё достоинство, смело осадил знаменитого грубияна цесаревича Константина. Отметим, что брат капитана, гродненский адвокат Ян Сержпутовский, был близок к "Обществу военных друзей".

5. Теодосий Яковлевич Кунахович, попович, 33 года, по высочайшему повелению о лицах, принадлежавших к тайному обществу "Зорян" и по распоряжению гродненского губернатора от 2 декабря 1827 года, живёт в имении Туррай Занималеева (так прочитано. – А.И.), *обучает детей, холост.*

Теодосий Кунахович был сыном униатского священника Брестского уезда. Весьма вероятно, что его братом был член Наукового общества в Свислочи Антоний Кунахович. Когда летом 1823 года Новосильцев громил Свислочскую гимназию, то по месту жительства Антония Кунаховича в Брестском уезде был произведён обыск в поисках компромата на виленских студентов.

Теодосий Кунахович был членом тайной организации "Зоряне", также действующей в свислочской гимназии. После разгрома этого общества его отправили учительствовать в Брестский уезд к помещику Чарнецкому. 9 сентября 1830 года Теодосий Кунахович пишет прошение Гродненскому губернатору М.Т.Бобятинскому о снятии с него полицейского надзора и о разрешении поступления на гражданскую службу. Его прошение не было удовлетворено.

Во время восстания 1831 года Теодосий Кунахович уходит из села Пашуки Брестского уезда в повстанческий отряд. Решением суда он был причислен ко 2-му разряду преступников. Можно только удивляться, что после такого решения суда его отправили на жительство в родной уезд под полицейский надзор, а не на каторгу или в солдаты.

Пружанский уезд

1. Помещик, бывший Пружанский Земско-Поветовый судья Алоизий Керножицкий, 31 год, по распоряжению начальника губернии 19 августа 1823 г., живёт в собственном имении Ровбицк, занимается хозяйством, семейства не имеет.

Член Наукового общества, действовавшего в Свислочской гимназии.(На католическом кладбище Шерешево сохранилась могила Алоизия Керножицкого (22.06.1802-5.12.1871). - А.И.).

2. Помещик, бывший председатель Пружанского Земско-Поветового Суда Михаил Булгарин, 34 года, по распоряжению начальника губернии от 11 декабря 1823 г., часто ездит в Царство Польское и устраивает сборища с прочей молодёжью под предлогом охоты, имеет жительство в имении своём Чахец, занимается хозяйством, имеет семейство, которое при нём.

3. Помещик Иосиф Лей, 30 лет, имеет жительство в имении Михновичах, занимается хозяйством, семейства не имеет.

4. Бывший ученик Свислочской гимназии, а ныне священник Городечненской Приходской Церкви Андрей Курганович, 30 лет по предложению начальника Гродненской губернии 30 сентября 1824 г., имеет жительство в имении Городечной Гуть и состоит при приходской церкви, семейство имеет и оное при нём.

Андрей Курганович являлся членом тайного Морального общества, которое действовало в Свислочской гимназии в начале 20-х годов. Похоже, он был братом известного польского филолога Томаша Кургановича, родившегося в Бресте.

5. Помещик Людвик Малаховский, 29 лет, по распоряжению начальника Гродненской губернии 19 ноября 1823 г., живёт в собственном имении Мацях, семейства не имеет.

Он – друг Андрея Кургановича, член Наукового общества. Людвик – дядя Владислава Малаховского – известного соратника Кастуся Калиновского.

Жёсткие полицейские меры с тотальной слежкой не смогли полностью подавить патриотические настроения берестейской шляхты, которая приняла затем активное участие в восстании 1863 года.

А. ИЛЬИН

Павел Гениюш – учёный, патриот и духовный подвижник

Картезианский монастырь в Берёзе Картузской. С рисунка Н. Орды. 19 в.

Костёл святой Анны в бенедиктском монастыре в Городище. С рисунка Н. Орды. 19 в.

Выдающийся собиратель и исследователь фольклора Полесья Ромуальд Зенькевич (1811-1868) оставил ценные воспоминания (Atheneum, 1850, №4) о своём друге и помощнике Павле Гениюше (1805-1848). Приведём фрагмент из этих воспоминаний, которые представляют собой запоздалый некролог: "Подъём в полночь на хора на утреннюю молитву, власяница, отсутствие мясной пищи, молчание, продолжительная работа, убожество и покорность подносило его душу к Богу, к которому пылало невинное и чистое сердце. Новициат провёл под руководством ксендза Иннокентия Кжышковского – доктора теологии, капеллана полного достоинства и высокой науки. По окончанию учёбы ксёндз Павел и сам стал учителем такого же новициата. Вскоре его посвятили в капелланы. Имея всего двадцать с небольшим лет был выбран братьями-картезианцами приором, которым оставался до роспуска ордена. Оставшиеся в живых братья по ордену вспоминают о нём с уважением и любовью. В свободное время приор занимался токарскими работами, работал в саду возле цветов и деревьев, читал книжки с монастырской библиотеки, или по духовному закону своего ордена раздавал с монастырских сокровищ подаяния бедным прохожим."

Дополним образ этого святого человека. Павел Гениюш родился в шляхетской семье в окрестностях Гродно. Историк Пётр Павел Гах пишет: "У дваццатых гадах картузія ўмацавалася новымі членамі, узрасла лічба законнікаў, адукацыяй якіх заняўся доктар тэалогіі а. Інацэнты Кжышкоўскі з закону трынітарыяў. Пад час гэтых падзей, па сканчэнні школы ў Гродна ў 1823 г. да навіцыяту паступіў Павел Геніюш. Прыняўшы пасвяшчэнне ў святары ў 1827 г., ён пачаў выкладаць у навіцыяце, а ў 1830 г. стаў у Бярозе прыёрам. Аб гэтым перыядзе можна гаварыць як аб часе адраджэння законнага жыцця і ўзрастання грамадска-культурнай ролі картузіі. Сістэматычна закупляліся кніжкі для бібліятэкі, якая ў 1830 г. налічвала 2314 тамоў. З захапленнем вяліся навуковая праца і агароднiцтва."

Приор вместе с монахами обеспечивал повстанцев продуктами питания. За это монастырь царским указом от 28.07.1831 г. был ликвидирован. А 10 октября Павел Гениюш вместе с тремя монахами был вывезен в бенедиктский монастырь в Городище под Пинском. Князь Героним Друцкий-Любецкой пригласил его занять должность капеллана в селе Лунин. В это время в Лунине жил фольклорист Ромуальд Зенькевич, обучавший детей князя. Историк Геннадий Кохановский писал: "У зборы песень, асабліва ў запісах легенд і абрадаў пінчукоў, дапамагаў Р.С. Зянькевічу Павел Геніюш, які тут, на Палессі, збіраў зельнік, запісваў усё, што звязана з народным выкарыстаннем раслін для лекаў і ежы, абрадаў і варажбы і інш. Разам з батанічнай характарыстыкай раслін П. Геніюш запісваў мясцовыя легенды і паданні пра іх. Такая супольная праца была на карысць абодвум даследчыкам, паколькі яны дапаўнялі і ўдакладнялі адзін аднаго."

Прожив в Лунине 6 лет, Павел Гениюш был назначен приором бенедиктинского монастыря в Тракае. Тут продолжал ботанические исследования, собирал материал по истории бенедиктского монастыря, переводил Святое Писание и сочинения Святого Августина с латинского языка на польский, писал стихи. В своей поэзии, в основном религиозного содержания, обращался и к образцам народного песенного творчества. Когда в 1844 году монастырь закрыли, Павел Гениюш вернулся в Лунин, где жил до смерти. Ромуальд Зенькевич заканчивает свои воспоминания: "Умер в 1848 году в возрасте 40 с небольшим лет, похоронен в Бенедиктском монастыре." Следует полагать, что это монастырь в Городище.

Может стоит поставить перед католической церковью вопрос о причислении духовного подвижника Павла Гениюша к лику святых?

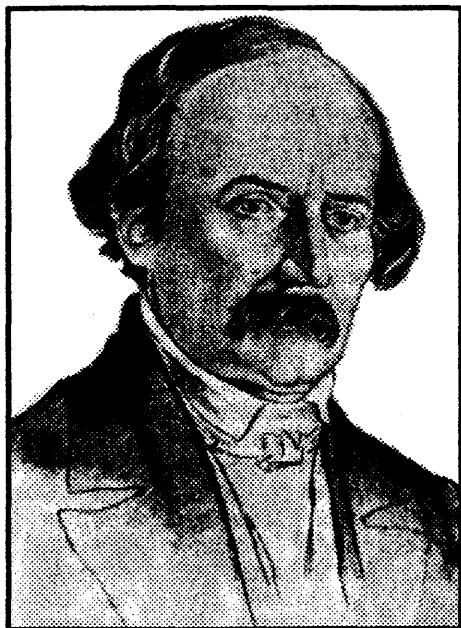
А. ИЛЬИН

Примечание редактора.

Участвовал ли Павел Гениюш непосредственоы в востании? Новак Эд. в книге "Rys dziejow duszpasterstwa wojskowego w Polsce."Варшава, 1932. - с. 157, пишет: "Гениюш Павел, преор картузии берёзовской, арестован 3.X.1831 и отдан под полевой суд за участие в повстанческом отряде Кароля Запольского." Вот как комментирует это утверждение польская исследовательница М.Поповска: "По моему мнению сообщённая здесь информация ошибочна. Не скрывается ли, однако, за этим новая, неведомая нам, точка зрения, отвечающая действительности? Ни в коем случае не могу согласиться с отождествлением точки зрения, помещённой у кс. Новака с личностью преора Гениюша Павла."

Так что вопрос об степени участия П.Гениюша в восстании пока остаётся открытым.

Александр Ходкевич и Виктор Гельтман


В. Гельтман

А. Ходкевич

Генерала, писателя и учёного-химика Александра Ходкевича (1776-1838) можно смело назвать совестью нации. Хотя граф большую часть жизни провёл на волынском Полесье, но был тесно связан с Берестейщиной: его крупное имение находилось в селе Верховичи Брестского уезда. Известный драматург и поэт являлся также членом литературно-философского кружка знаменитого поэта Франтишка Карпинского, жившего в начале XIX века на Пружанщине.

В молодости Ходкевич, не скрывая своего якобинства, дружил с выдающимся польским политическим деятелем и философом Гуго Коллонтаем. Будучи совсем юным, граф участвовал в восстании под руководством Тадеуша Костюшко, дослужившись до должности заместителя командира батальона. В 1812 году Ходкевич был в составе военного командования Великого Княжества Литовского, попытку восстановления которого предпринял Наполеон. Кроме того, граф за свой счёт снарядил и возглавил 18-ый Виленский пехотный полк. Свой боевой путь полк закончил в крепости Модлин, которая была взята после длительной осады будущим палачом Варшавы – Иваном Паскевичем. Следует отметить, что в руководстве ВКЛ было очень много берестейцев: Юзеф Сераковский, Франтишек Ельский, Стефан Грабовский, Ян Горайн и другие. Это всё люди, близкие к князю Адаму Казимиру Чарторыйскому.

В 1815 году помилованный Ходкевич получил звание полковника штаба корпуса гвардии, и, одновременно, российские власти вернули ему всё конфискованное имущество. В 1818 году он получил звание бригадного генерала, но сразу ушёл в отставку, не выдержав грубых методов командования войсками великого князя Константина. В следующем году Ходкевича назначили сенатором. Но вскоре великий князь грубо оскорбил его, и граф на сессии Сената резко выступил против Константина. Ходкевич дорого заплатил за свою смелость: декретом Александра I был лишён звания сенатора.

В 1821 году в Польше возникло Патриотическое общество во главе с Валерьяном Лукасинским. Хотя вскоре Лукасинский был арестован, так и не успев ничего толком сделать, но ему пришлось отсидеть около 50 лет в одиночной камере Петропавловской крепости. Это – одна из многих загадок российской истории. Можно только предположить, что создатель польского национального масонства Лукасинский поддерживал контакты с виднейшими российскими деятелями-масонами и много знал о тайнах российской политики.

Хотя формально Александр Ходкевич не являлся членом Патриотического общества, но через него осуществлялись основные контакты между обществом и декабристами. После восстания на Сенатской площади граф был арестован и некоторое время провёл в Петропавловской крепости, но его вину не смогли доказать. Ходкевич попал в русскую историю, оказавшись в знаменитом "Алфавите декабристов".

Только в ноябрьском восстании 1830 г. не принял активного участия, возможно потому, что оно не докатилось до Житомира, где тогда жил немолодой граф под надзором полиции, хотя его сыновья Ян Кароль и Мечислав храбро сражались в польских войсках. Ян Кароль, будучи в ссылке в Оренбургском крае, очень подружился с Адамом Сузином и Томашом Заном. После отбытия ссылки Сузин жил некоторое время в имении графа, учил его племянников. В 1838 году Адам был арестован в Млынове по подозрению в принадлежности к Демократическому обществу. После подавления восстания 1831 года имение Верховичи (1637 душ), принадлежавшее Мечиславу Ходкевичу, было конфисковано. Интересная деталь: первая жена графа Александра Ходкевича, Каролина, вышла второй раз замуж за друга императора Александра I, министра просвещения, князя Александра Голицына. Министерство, возглавляемое князем, сыграло немаловажную роль в деле возникновения белорусской национальной идеи.

Александр Ходкевич был известным учёным-химиком. Известно, что алхимия – один из краеугольных камней масонства. Наибольшей известностью пользовался его семитомный учебник "Химия", который не потерял своего научного значения даже сейчас. Граф помогал материально многим учёным и художникам: ботанику Антонию Анджеевскому, медику Николаю Мяковскому, живописцу Юзефу Олешкевичу, публицистам Юзефу Завадскому и Виктору Гельтману...

Известный международный революционер Виктор Гельтман родился 23 декабря 1796 года в селе Верховичи под Высоко-Литовском, где его отец служил администратором имения Александра Ходкевича. Граф не только финансово помог молодому Виктору закончить Свислочскую гимназию, но и взял его к себе на работу библиотекарем и хранителем минералогического и нумизматического кабинетов. Уместно выдвинуть гипотезу, что богатые польские масоны обязались выучить хотя бы одного бедного шляхтича из своего окружения. Так, известный масон Войцех Пусловский выучил в это же время будущего издателя "Tygodnika Petersburskiego" Юзефа Пжеславского.

В 1817 году Гельтман основал тайное общество среди варшавской молодёжи, целью которого была борьба против деспотизма и за независимость Польши. А в 1820 году он вступил в "Союз свободных поляков" и стал редактором его печатного органа – "Dekade Polska", на материалах которого воспитывалась студенческая молодёжь. Виктор был одним из инициаторов создания в Свислочской гимназии тайного общества, пересылал туда через брата Юзефа созданный им устав общества.

В 1823 году Виктора Гельтмана арестовали в Варшаве. В наказание за издания "Dekady" и Конституции 3-го мая его отправили служить рядовым в Ше-

решево в 1-ю артиллерийскую бригаду Отдельного Литовского корпуса. В 1827 году он дослужился до звания офицера и руководил военной школой для неграмотных солдат. В начале ноябрьского восстания Гельтману пришлось воевать в составе Литовского корпуса против повстанцев, пока в марте 1831 года не попал в польский плен. Только в сентябре он вступил добровольцем в корпус генерала Ружицкого, а вскоре, после разгрома восстания, эмигрировал во Францию, где стал членом известной революционной организации Польское Демократическое Общество. В 1834 году его арестовали в Тулузе за контакты с карбонариями. Вообще, вся последующая деятельность Виктора Гельтмана говорит о том, что он был видным карбонарием. С 1836 года Гельтман становится главным идеологом Демократического Общества: пишет Манифест ПДО и многочисленные статьи. В 1846 году вместе с Леоном Зенкевичем написал книжечку "Божеское слово для польского народа", которую перевели на украинский и литовский языки. Отметим, что его друг и земляк с Пружанщины Леон Зенкевич (1808-1870) был также одним из руководителей Демократического Общества,

Виктор Гельтман также непосредственно занимался подготовкой будущей общеевропейской революции: в 1845 году со знаменитым польским революционером Эдвардом Дембовским ездил на инспекцию в Галицию. Вместе с Людвиком Мерославским послал в Литву для подготовки революции Яна Рера (1816-1877), который в 1846 году объездил и Берестейщину с целью создания конспиративной сети. Когда в феврале 1847 года Рера арестовали, то вместе с ним по его делу проходили берестейцы Аполлин Гофмейстер, Винсент Матушевич, Юзеф Богуславский, пинчук Аницентий Рениер и др.

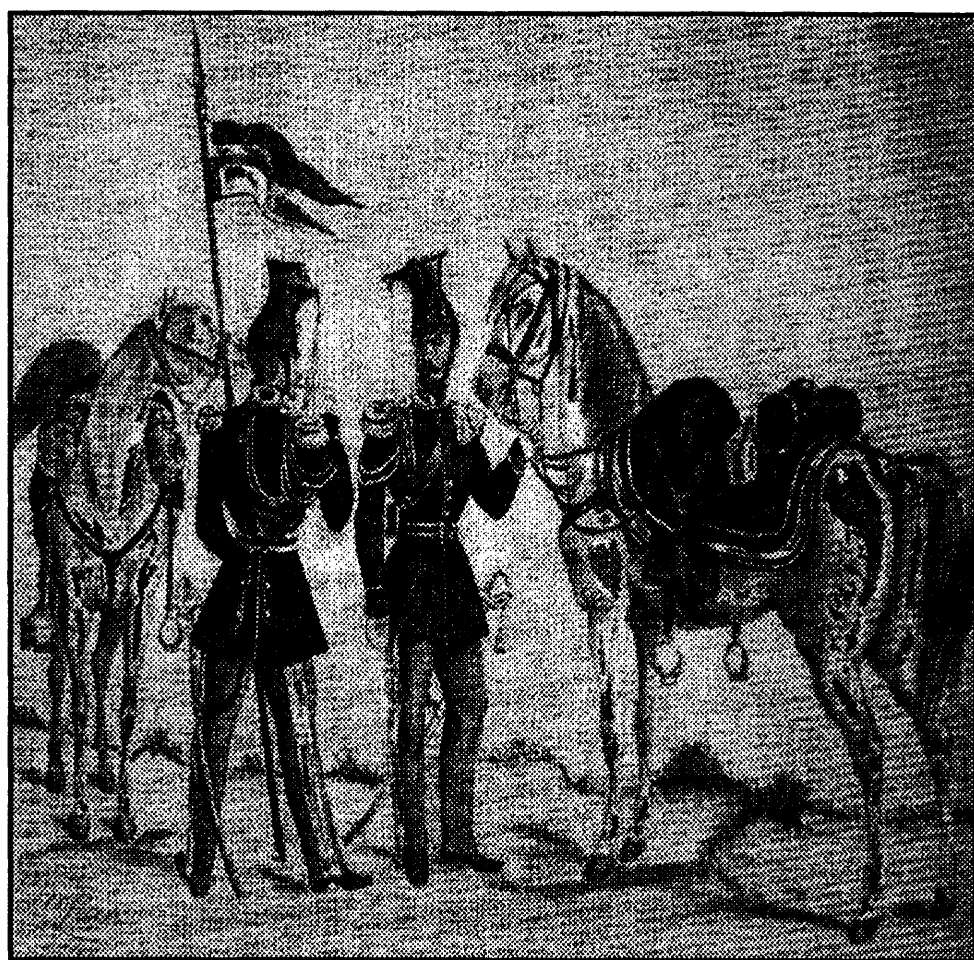
После начала французской революции В.Гельтман, Л.Зенкевич и Ю.Высоцкий прибыли в Краков в первых числах апреля. Они вошли в состав Народного Комитета, от имени которого опубликовали воззвание об отмене крепостного права и начали создавать отряды национальной гвардии.

13 апреля В.Гельтман, В.Дараш и М.Домагальский прибыли в Галицию, где развернули активную пропаганду среди городских низов, выдавали газету "Dziennik Stanislawowski", создали национальную гвардию.

После октябрьского восстания 1848 года в Вене среди львовских горожан распространялись призывы последовать примеру венских повстанцев. 1 ноября австрийские солдаты напали на двух национальных гвардейцев, что вызвало во Львове восстание. Два дня Гельтман вместе с повстанцами героически сражался на баррикадах, австрийские войска жестоко подавили восстание (55 человек было убито и несколько сот арестовано).

В январе 1849 года Гельтман уже в Дрездене, где встречается с Михаилом Бакуниным. В мае Виктор активно участвует в революции, вспыхнувшей в Дрездене. Некоторые историки пишут, что он даже возглавлял оборону города. Перед этим Гельтман вёл переговоры с революционным правительством Баденского княжества о создании там польского легиона. В июне 1849 года он уже сражается во Франкфурте-на-Майне в рядах польского легиона. Интересно, что там, в польском легионе, сражался и Фридрих Энгельс.

После поражения "Весны народов" Виктор Гельтман несколько отошёл от политики: работал чертёжником, но не прекращал своей публицистической деятельности. В 1858 году он поселился в Брюсселе, где



Два гвардейца с конями. С картины Ю. Коссака.

помогал Иохиму Лелевелю. Там же, в 1874 году, Виктор Гельтман умирает.

Дополнительные штрихи к биографии знаменитого революционера даёт документ, хранящийся в Национальном историческом архиве Беларуси в городе Гродно:

25 ноября 1848 г.

Господину Военному Губернатору города Гродно и Гродненскому гражданскому губернатору

Из дел управления моего известно, что задержанный в 1846 году в Брестском уезде эмиссар Иоганн Рер при разъездах своих по Гродненской губернии, ночевал в имении Дейлидах близ г. Белостока, у дворянина Гельтмана, арендовавшего означенное имение или часть оного.

Хотя по обстоятельствам произведенного исследования по делу Рера, упомянутый Гельтман не оказался ни в чём прикосновенным к оному и поэтому оставлен свободным от всякого взыскания за приём к себе Рера, а по удостоверению местной земской полиции в его благонадёжности не подвергнут даже надзору. – За всем тем имея в виду сообщенные мною Вашему Превосходительству от 12 сего ноября №2846, известия, что четыре из главнейших зачинщиков Краковских беспорядков, бежали из Лемберга и два из них Гельтман и Дараш скрываются будто бы в Литве у помещиков и священников – я считаю не излишним, в дополнение к этому просить Вас Милостивый Государь, обратя внимание на проживающего в Дейлидах Гельтмана, поручить Белостокскому исправнику разведывать самым секретным и осторожным образом о лицах, посещающих сего дворянина, для обнаружения, не у него ли скрываются как означенный беглец, его однофамилец, который быть может состоит с ним в родстве, так и сам Дараш – и о последующем меня уведомить.

Генерал Губернатор

НАРБ (Гродно)ф.1, оп. 29, ед.хр. 80

Из письма Виленского генерал-губернатора Фёдора Мирковича видно, что Виктор Гельтман и его друзья принимали активное участие в знаменитом Краковском восстании в 1846 г. Ранее было неизвестно, что после подавления Львовского восстания Гельтман был арестован и вскоре бежал. Отметим страх царских чиновников перед Виктором Гельтманом, за

которым, наверное, утвердилась заслуженная репутация – творца революций. Они не знают, что делать. Длительная слежка за имением Дейлиды ничего не дала: знаменитый революционер там не появился. Полиция искала его повсюду: на улицах Петербурга, в Кронштадтской крепости, в Нарве, Гатчине и т.д. Возможно, Виктор Гельтман действительно проводил революционную работу в России.

А. ИЛЬИН

"Чаму не з'явіўся беларускі "Кабзар" у сярэдзіне XIX стагоддзя?"

у каментарыі Міхася Маліноўскага

Гэтая праца двух нашых аўтараў – Аляксандра Ільіна і Міхася Маліноўскага – паказвае, што ў XIX стагоддзі існаваў саюз беларускага і польскага народаў супраць Расійскай імперыі не толькі на полі бітвы, але і на культурнай ніве. Яшчэ ў пачатку 90-х гадоў баранавіцкі краязнаўца Міхась Маліноўскі выказаў меркаванне, што Паўлюк Багрым не мог быць аўтарам верша "Зайграй, зайграй, хлопчэ малы..." За гэта ён быў абражаны некаторымі літаратарамі, для якіх палітычная і нацыянальная мэтазгоднасць вышэй за ісціну. Берасцейкі даследчык Аляксандр Ільін напісаў большую частку свайго артыкула "Чаму не з'явіўся беларускі "Кабзар" у сярэдзіне XIX стагоддзя?" (Сіверянський літопис. -2000.-№2), не ведаючы прац Міхася Маліноўскага па гэтай тэме. Баранавіцкі краязнаўца выпрашыў пасля знаёмства з артыкулам берасцейца перакласці яго на беларускую мову і пракаменціраваць.

Новая беларуская літаратура нараджалася цяжка, павольна і пакутліва. Яе крокі – вершы "Дзеванька" (1809) Яна Баршчэўскага і "Да пакіньце горла драць!" (1819) Яна Чачота, ананімная паэма "Энеіда навыварат" (1836?) і г.д. На пачатку XIX стагоддзя склаліся спрыяльныя палітычныя ўмовы для ўзнікнення беларускай літаратуры, але амаль не было культурных, паколькі адукаваныя людзі Беларусі былі пад поўным уплывам польскай культуры. Таму працэс адраджэння адбываўся так цяжка.

І раптам у 1828 годзе пастушок-прыгонны Багрым напісаў верш "Зайграй, зайграй, хлопчэ малы…" (*У сучасным напісанні "Зайграй, зайграй, хлопча малы…"* – М.М.). Здаецца нерэальным, каб 15-гадовы хлопчык з глухога сяла Крошын стварыў нелітаратурнаю моваю верш, што мае, як адзначаюць беларускія літаратуразнаўцы, "мускулісты радок пушкінскага, міцкевіцкага гарту". Ды і гісторыя з'яўлення верша ў друку 1854 года досыць таямнічая.

Прапануем сваю версію гэтай літаратурнай падзеі. Свядома і адносна вынікова беларуская нацыянальная ідэя ствараецца толькі на пачатку 40-х гадоў XIX ст. у пецярбурскіх гуртках Нестара Кукальніка і Яна Баршчэўскага.

Адзначым, што члены гуртка Кукальніка і рэдакцыі часопіса "Маяк" падтрымалі сялянскіх паэтаў М.Суханава, Е.Аліпанава, Ф.Слепушкіна, а таксама народнага паэта Тараса Шаўчэнку на пачатковым этапе яго творчасці.

Блізкім да абодвух гурткоў быў колішні рэктар Віленскага універсітэта Венцаслаў Пелікан, які ў той час жыў у сталіцы. Ён, мабыць, і распавёў гісторыю пра сялянскага хлопчыка П.Багрыма, які ў 1828 годзе меў пакуты за чытанне верша Яна Баршчэўскага "Размова хлопаў". Пелікана тады далучылі да расследавання гэтай справы. Пэўна, трагічная гісторыя зацікавіла Яна Баршчэўскага. Ад яго яе мог пачуць гісторык Адам Кіркор, які ў сярэдзіне 40-х гадоў жыў у Пецярбурзе і быў блізкі да гуртка Баршчэўскага. Адзначым, што ў 1854 годзе не толькі з'явіўся ў друку верш "Зайграй, зайграй, хлопчэ малы…", але і дасягнула пары свайго росквіту дзейнасць беларускага гуртка Адама Кіркора ў Вільні.

У. Сыракомля

В. Пелікан

Можна дапусціць, што тады маладой беларускай літаратуры патрэбны былі свае Тарас Шаўчэнка і Роберт Бернс.

І вось у віленскім гуртку ўзгадваюць аповедПелікана. Усіх драбніц не памятаюць, а таму хлопчык стаў Петраком Багрымам і чытае ўжо свой верш беларускаю моваю самому графу Мікалаю Навасільцаву і яго памочніку Пелікану. Калі прачытаць гэты нібыта аўтабіяграфічны верш, дык перад намі паўстае трагічная доля Тараса Шаўчэнкі. Таленавітага пастушкапрыгоннага, які так багата мучыўся ў дзяцінстве (*На самой справе сапраўдны Павел Багрым (Бахрым) ніякіх мукаў, згрызот у дзяцінстве ніколі не меў, ён быў сынам свабоднага ад панскай нядолі слесара Іосіфа Багрыма (Бахрыма), які служыў у памешчыка, кавальства яму потым прыпісалі, хлопчык ніколі не быў ні пастушком, ні парабкам, а прыслужваў ксяндзу-пробашчу Войцэху Магнушэўскаму.* – М.М.), прымушаюць ісці салдатам у царскую армію. (*Ізноў, як сведчаць дакументы, ніхто не аддаваў Паўла Багрыма (Бахрыма) ні ў рэкруты, ні ў салдаты. Тыя ж паперы гавораць, што пасля 1828 года ён сялянстваваў, а потым стаў мяшчанінам, г. зн. з яго не адбылося ніякай трагічнай асобы. Больш за тое, у свае сталыя гады ён шчасліва ажаніўся на шляхцянцы-памешчыцы, г. зн. ні ў дзяцінстве, ні ў юнацтве, ні ў сталасці ён ніколі не бедаваў, жыў радасна і шчасліва, ды так, што нават мясцовы памешчык быў вінен яму 700 (семсот!) рублёў срэбрам. Як сведчаць архівы, гэты чалавек ніколі не пісаў ніякіх вершаў, а толькі прачытаў адзіны верш "Размова хлопаў",*

што стаў падставай для царскіх уладаў – узяць пад варту падтрымоўцу … сялян ксяндза В.Магнушэўскага і на гэтым хутка скончыць увесь бунт у Крошыне. – М.М.). Дарэчы, нарадзіўся Багрым у 1813 годзе – амаль адначасова з Тарасам (*Калі нарадзіўся Багрым, дагэтуль невядома, на гэты конт ёсць шмат версій. У Менску ў 1993 г. у выдавецтве "Навука і тэхніка" выдадзена кніга Я.Найдзюка і І.Касяка "Беларусь учора і сяньня", дык там на стар. 122 сцвярджаецца, што Павел Бахрым нарадзіўся каля 1805 г.* – М.М.), але вершы нібыта стаў пісаць значна раней, чым Шаўчэнка.

Аднак, мала верыцца ў выпадковасць збегаў жыццяпісаў пачынальнікаў дзвюх братніх літаратур. Аўтары легенды не думалі, што цераз 100 гадоў нястомны беларускі літаратуразнаўца Ісідар Бас знойдзе сапраўдныя дакументы пра крошынскія падзеі 1828 года. Высветлілася, што хлопчыка звалі Паўлюк Багрым, і верш ён чытаў польскаю мовай гродзенскаму губернатару Бабяцінскаму. Акрамя таго, хлопчык не мог быць прыгонным, рэкрутам і г.д. Але гэта не збянтэжыла сучасных беларускіх літаратуразнаўцаў, паколькі, як яны пераконвалі, верш не ёсць аўтабіяграфічны, а ў яго аснове ляжыць мастацкая тыпізацыя. (Для тых, хто любіць праўду і дакладнасць, напішу, што аўтар ананімна выдадзенай кнігі "Аповесць з майго часу, ці Літоўскія прыгоды", напісаў, што верш "Зайграй, зайграй, хлопчэ малы…" напісаў Пётрак, "які меў усяго дзесятак з нечым год…", адсюль мы можам адразу сказаць, што гэты твор мог быць створаны ні хлопчыкам Пётракам у дзесяцігадовым узросце, ні дастасаваным пасля гэтага да гэтага верша Паўлюком Багрымам (Бахрымам), якому ў 1828 годзе было, на мой погляд, 15-16 гадоў, а толькі сталым чалавекам, які і мог усё тыпізаваць… - М.М.).

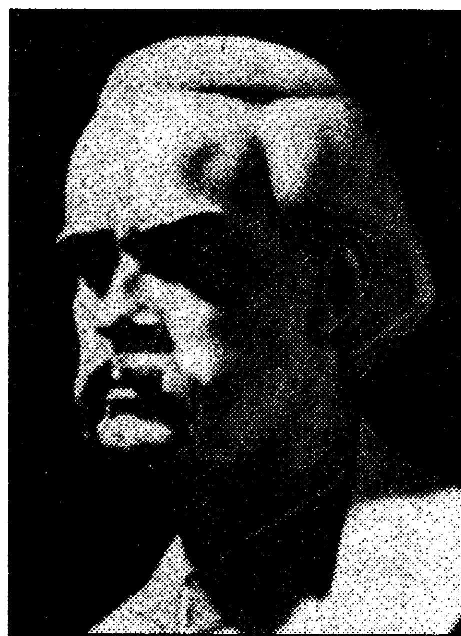
А зараз галоўнае пытанне – хто ж сапраўды напісаў гэты высокамастацкі твор? (*Дадам, што ў кнізе "Аповесць з майго часу, ці Літоўскія прыгоды" верш "Зайграй, зайграй, хлопчэ малы…" надрукаваны на дзвюх мовах: на лацінцы па-беларуску і на польскай, калі ж пры гэтым прафесійна даследаваць іх і параўнаць, дык высвятліцца, што беларускі варыянт прайграе польскаму; так, гэты верш па-беларуску – не вельмі добры пераклад польскага твору.* – М.М.).

На нашу думку, тады на гэта былі здатныя толькі два паэты: Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч і Уладзіслаў Сыракомля – абодва, дарэчы, члены гуртка Кіркора. У XIX стагоддзі Сыракомлю параўноўвалі з Шаўчэнкам і Бернсам, бо асноўная тэма творчасці польскага і беларускага паэтаў – жыццё простых сялян. Нездарма ён называў сябе сельскім лірнікам, які "грае ад сэрца, грае многа".

Цікава, што Сыракомля з пачатку 1854 года стаў пастаянным наведвальнікам салона Кіркора, і ў тым жа годзе паэт напісаў польскаю моваю верш "Сельскі музыка" (*У перакладзе Яўгеніі Пфляўмбаўм "Вясковы музыка".* – М.М.) пра хлопчыка-скрыпача, які ўяўляе сябе салдатам царскай арміі, тады ж у Лондане ўпершыню друкуецца верш "Зайграй, зайграй, хлопчэ малы…". (*Верш "Вясковы музыка" у перакладзе Я.Пфляўмбаўм я перачытаў тройчы, як вядома, ён напісаны ў гонар Станіслава Манюшкі, адбылося само складанне ў верасні ў Вільні; калі параўнаць гэты верш з "Зайграй, зайграй, хлопчэ малы…", дык там шмат чаго можна знайсці для даследчыкаў. Спецыяльна даю некалькі радкоў:*

(…) Як вырасту дужы ды скрыпку мне купяць…
(…) Зайграем, хіба, пад дзвярамі.
(…) Або з кіем гуляй у салдаты…
(…) А ў войску да твару ты будзеш убраны…
(…) Але песняром будзь галоты няшчаснай…

Здаецца, што "Вясковы музыка" – працяг верша "Зайграй, зайграй, хлопчэ малы…". – М.М.). У 1858 годзе Сыракомля ў першы і апошні раз наведаў Познань, і ў тым жа годзе там выдаецца кніга "Аповесць з майго часу…", дзе змяшчаецца знакаміты верш. (*Адзначым, што гэта паўтор выдання лонданскага; як і папярэдняе, яно таксама ананімнае.* – М.М.) Падобна, сам Сыракомля напісаў тую кніжку (*Праўда, шматлікае племя даследчыкаў піша, што гэты твор былога наваградскага адваката І.Яцкоўскага.* –М.М.), у якой згадваецца, што ў Багрыма забралі цэлы сшытак яго вершаў. (*У самой кнізе "Аповесць з майго часу, ці Літоўскія прыгоды" ніводнага слова пра Паўлюка Багрыма няма.* – М.М.). Так што ў той час можна было чакаць з'яўлення беларускага "Кабзара" альбо "Дудара". Але, мабыць, заўчасная смерць Сыракомлі ў 1862 годзе парушыла тыя планы. Ідэя ж беларускага "Кабзара" не памерла сярод тутэйшых пісьменнікаў. Беларускім "Кабзаром" можна лічыць зборнікі паэзіі, такія як "Дудка беларуская" Францішка Багушэвіча і "Жалейка" Янкі Купалы.


П. Багрым. Скульптар З. Азгур.

Т. Шаўчэнка

Звычайна, створаная гіпотэза патрабуе глыбокіх даследаванняў. Калі ў 1992 годзе баранавіцкі краязнаўца Міхась Маліноўскі паставіў пад сумніў тое, што Паўлюк Багрым ёсць аўтарам верша "Зайграй, зайграй, хлопчэ малы…", дык адразу беларускія літаратуразнаўцы назвалі яго Герастратам. (Герастратам, мяне, праўда, ніхто не называў, а падумалася гэта толькі спадару П., але, да вялікага шкадавання, у багрымазнаўства ён нічога новага не прынёс, акрамя прыстасаванчаства і жадання дагадзіць патрэбным людзям. Але, гэтае слова не гідкае ў мой адрас, бо я не крыўдую на такіх людзей. – М.М.)

АЛЯКСАНДР ІЛЬЫН

Крыніцы і літаратура:

1. Паўлюк Багрым. – Мн., 1994.- с.108
2. Гл.: Бас І. Літаратурныя пошукі, знаходкі, даследаванні. –Мн., 1969. – с. 61-76.
3. Сыракомля У. Добрыя весці. – Мн., 1993 – с.35.

P.S. Рождение национальных идей вызывает создание патриотических фальсификаций и мистификаций: "Краледворская рукопись" в Чехии, "Слово о полку Игореве" в России и т.д. В начале XIX века в Украине была сочинена "История русов", вызвавшая мощный подъём национального самосознания. Этот пример, видимо, вдохновил Теодора Нарбута на создание "Хроники Быховца". Выглядит мистично, но оба эти произведения были напечатаны в 1846 году.

А. Ильин

Де шукати витоки білоруської національної ідеї або хто написав поеми "Енеїда навиворіт" і "Тарас на Парнасі"?

Нова білоруська література фактично починається з відомих анонімних творів "Енеїда навиворіт" і "Тарас на Парнасі". Перший з них є уривком вільного перекладу славнозвісної "Енеїди" Івана Котляревського. З Україною "Енеїду навиворіт" пов'язує і те, що перша згадка про неї– список, який 1837 року видатний український і російський славіст Йосип Бодянський подарував Павлу Шафарикові.

Особливості мови і деталі змісту твору дають підстави припустити, що він написаний на Смоленщині. Однак останнім часом білоруські літературознавці гіпотезу про те, що автор твору – відставний полковник Вікентій Ровінський, без наявних доказів перетворюють у незаперечну істину. Хоча, на нашу думку, навряд чи можна вважати автором поетичного шедевру людину без освіти, по смерті якої не залишилося жодного віршованого рядка. Також нині робляться спроби відділити автора "Енеїди навиворіт" від іншого шедевру білоруської літератури – "Тараса на Парнасі".

Як тут не згадати слова видатного білоруського поета Аркадія Кулешова: "Уважліва прачытаўшы "Энеіду навыварат" і "Тараса", я схільны думаць, што пісалі іх не розныя аўтары, а адзін. Адзінства мовы, стылю, вобразаў гаворыць само за сябе. Такога адзінства мовы, стылю, вообразаў не мог бы дасягнуць не толькі пераказчык, але і вопытны паэт... Уражваюць тут не толькі гучная інструментоўка радкоў, падобная да пушкінскай, лёгкасць і непасрэднасць выяўлення думкі і пачуцця, якія сведчаць пра асяроддзе, да якога належаў іх творца".[1] Довіряючи інтуїції поета, можна зробити висновок, що автором "Енеїди" був талановитий поет з пушкінського оточення. Найближче до розгадки авторства поеми підійшов відомий білоруський літературознавець та історик Геннадій Кисельов.[2] Він стверджує, що автор близький до російських літературних кіл, дворянин, пов'язаний з Духовщинським повітом Смоленської губернії. Серед кандидатів на авторство: Федір Глінка, Вільгельм Кюхельбекер і Вікентій Ровінський. З них літературознавець вибирає останнього, лише на підставі свідчень його онука, що недостатньо переконливо.

Ще великий білоруський поет і літературознавець Максим Богданович[3] зауважив, що автор "Енеїди" не був білоруським патріотом, оскільки писав поему з певною іронічністю до мови написання, їх – патріотів – можна було відшукати, і то через кілька років, серед споляченої шляхти. Для цього, як ми переконаємось нижче, треба було провести відповідну роботу у морі цілковитого засилля польської культури. Недарма білорусько-польський письменник Олександр Рипінський[4] був переконаний, що автор "Енеїди" – польський шляхтич. А дворянство Смоленської губернії, незважаючи на велику кількість білоруських і польських прізвищ, за 200 років панування Москви було зрусифікованим. Тому тут білоруська ідея навряд чи могла відродитися.

Тоді постає питання: яку мету переслідував невідомий поет? По-перше, це було, на нашу думку, розвагою чи поетичною забавою, а, по-друге, бажанням допомогти московському ученому Йосипу Бодянському, який шукав сучасні йому твори білоруської літератури для наукової праці великого чеського славіста Павла Шафарика. Але, на жаль, у 30-ті роки XIX століття такого, навіть рукописного, твору фактично не існувало (не будемо враховувати кілька ненадрукованих віршів Яна Чечота, який перебував у той час на Уралі). Треба бути наївним, щоб повірити у випадкову можливість відшукання тоді у Москві білоруськомовного твору. Навіть відомий дослідник білорусько-польської літератури Ромуальд Друцький-Підберезький після спеціальних пошуків на початку 40-х років не зміг знайти списку "Енеїди". Так що це завдання схоже на пошук голки у скирті сіна. Звідси випливає, що автор поеми був знайомий з Йосипом Бодянським або з його друзями, від яких міг дізнатися про пошуки вченого. Очевидно, невідомий поет був обмежений в часі, тому, недовго думаючи, почав перекладати "Енеїду" Івана Котляревського (а для цього потрібно було знати українську мову!). Тому гадаємо, що автор "Енеїди навиворіт" був близький не тільки до російських літературних кіл, але й до українських. Можливо, ніколи й не існувало повного тексту поеми, оскільки автор дуже поспішав. Наші міркування пояснюють також анонімність поеми. І навпаки: навіщо відставному полковнику Ровінському потрібно було ховати своє авторство, адже воно зробило б йому честь. До того ж це був час, коли білоруським і українським рухом опікувались близькі до царської влади часописи.

Переглянувши увесь літературний російський Парнас 20-х - 30-х років XIX ст., зупиняємось на постаті недостатньо поцінованого російського поета Аркадія Гавриловича Родзянка, котрий, як і Бодянський, мав полтавське коріння. Він був одним з кращих поетів-сатириків свого часу, славився гострим словом, дотепністю. Навіть Олександр Пушкін побоювався потрапити йому на язик. Колись великий поет сказав: "У этого малороссиянина злое перо, я не любил бы с ним ссориться". А сама назва пушкінського послання до нього "Прости, украинский мудрец" прощось та говорить. Родзянко, якого у літературу ввів сам великий Державін, був у молодості членом класицистично-слов'янофільського гуртка "Беседа любителей русского слова". Тому йому були близькі як міфологічні, так і слов'янофільські теми. До того ж, білоруський учений Іван Ралько[5] помітив, що "Енеїда навиворіт" написана у традиціях державінського ямба.

Відомий російський літературознавець Вадим Вацуро, ознайомившись з творчістю Аркадія Родзянка, зробив цікаві спостереження: "Возникающая картина неожиданна... Перед нами литературный деятель эпохи декабризма, с постоянным и прочным тяготением к гражданской поэзии. Он крайне интересен... принадлежность Родзянко к капнистовскому кружку – факт немаловажный. Значение этого кружка как цитадели украинских аристократических идей хорошо известна (членом цього гуртка був Іван Котляревський – О.І.)... Эта среда внушила ему особую приверженность к

национальному быту и национальной старине..."[6]

До речі, Родзянко був членом й іншого українського гуртка –ярославецького, діяльність якого майже не досліджена. До його складу входили аж три декабристи: Олександр Бріґген, Павло Граббе і Олексій Капніст, державні діячі Олександр, Аркадій, Дем'ян та Василь Кочубеї, меценати Василь Тарновський, Іван Скоропадський і Андрій Миклашевський, українські історики Михайло Максимович, Микола Маркевич та Олександр Маркевич, автор першої граматки української мови Олексій Павловський, російський поет Василь Туманський, письменник-економіст Наркис Тарасенко-Отрешков, письменник і педагог Ілля Тимківський, письменник і етнограф Іван Кульжинський, син якого Григорій – відомий білоруський етнограф. Очолював гурток майбутній сенатор Олександр Кочубей, який потім опікував Пантелеймона Куліша, а для Василя Білозерського взагалі став другим батьком. Більшість гуртківців – люди слов'янофільських і українофільських поглядів.

Михайло Максимович був учителем і духовним наставником Бодянського, у домі якого Йосип прожив майже усе своє студентське життя. Наставникові вдячний учень подарував свою цінну збірку українських народних пісень. Схоже, що саме через Максимовича Родзянко і передав Бодянському текст "Енеїди навиворіт".

У селі Ярославець Глухівського повіту Чернігівської губернії, що належало братам Кочубеям, неодноразово, по дорозі на Львів, бував другий учитель Бодянського, відомий російський історик Михайло Погодін, який зробив значний внесок у справу українського відродження Галичини. Тут, на Глухівщині, 1834 року поет-декабрист Федір Глінка закінчив свій твір "Іов". До речі, Глінка – духовний наставник відомого білоруського фольклориста Павла Шейна. Член "Вольного общества любителей российской словесности" Аркадій Родзянко був близький до декабристів, його навіть притягнули до їх справи, але "за недоказательностью оставлен без внимания".

Поет співпрацював з часописом "Полярная звезда", листувався з Михайлом Бестужевим-Рюміним, дружив з Кіндратом Рилєєвим, Олександром Бестужевим і Федором Глінкою. Як відомо, прототипи персонажів поеми "Тарас на Парнасі" – Тадей Булгарін і Микола Греч – перед повстанням декабристів дружили з Рилєєвим і Бестужевим. Безперечно, Родзянко був близько знайомий з цими видавцями. Зазначимо, що поет славився як майстер епіграми – сатири на конкретну особу, що й проявилося у тексті поеми.

Ще на початку 20-х років Родзянка цікавили парнаські сюжети, а саме – тема природи поетичної творчості. Не випадково у посланні Пушкіна до Родзянка говориться:

Ты обещал о романтизме,
О сем парнасском афеизме,
Поговорить еще со мной...

Тарас Шевченко писав з певною іронією про цю улюблену тему розмов Родзянка:

"Толковал (Родзянко – О. І.) о возвышенной простоте и идеале в искусстве вообще и в литературе в особенности".

Ще білорусько-польський письменник Ян Борщевський помітив "солоність" гумору білоруської "Енеїди". Літературознавець Степан Майхрович[7] писав про очевидний переклик "Енеїди навиворіт" з "Тарасом на Парнасі", стверджував, що вони близькі своїм раблезіанством, описами їжі та похоті до жінок.

Н.В. Кукольник

Ф.В. Булгарин

Насмішлива еротичність "Енеїди" особливо відчувається у таких рядках:

Дослышалась, что у Энея
Не как у всех, а с шишкой шея,
Что волос кольцами завился,
Что кончик носа раздвоился,
И это, знала, – страсти знак.

Відомо, що Родзянко вважався видатним метром гедоністичної та еротичної поезії. У літературних колах за ним закріпилась сумнівна слава напівпорнографічного поета.

Колись у липні 1857 року Тарасу Шевченку приснився Аркадій Родзянко. Це так здивувало Кобзаря, що він записав у своєму щоденнику: "Я, например, Аркадия Родзянко видел всего один раз, и то случайно, в 1845 году, в его деревне Веселый Подол, и он мне в несколько часов так надоел своею глупою эстетикой и малороссийскими грязнейшими и глупейшими стихами...".[8] Постає питання: чому за кілька годин знайомства у Шевченка склалась така неприязна думка про Родзянка? Ця неприхільність не минула навіть через 12 років. Як вже говорилось, вірші "украинского мудреца" не могли бути просто "глупыми". Скабрезність також навряд чи обурила б так сильно Шевченка, який також не був пуританином. Можливо, Родзянко, позаздривши зростаючій славі народного поета, а може, й без певного умислу, вивів Кобзаря в образі симпатичного Тараса-палясовщика (лісника). Можна припустити, що при зустрічі Родзянко читав Шевченкові малоросійський варіант своєї поеми під назвою "Тарас на Парнасі", і, мабуть, він йому не сподобався насмішкуватим тоном. Білоруський літературознавець Віктор Коваленко пише:

"Палясоўшчык – чалавек простага звання на гары Парнас, – сюжэт, можна сказаць, унікальны. З тэксту паэмы відаць, – калі дапускаць падтэкставы сэнс, што герой паэмы стаў пісьменнікам і трапіў на Парнаскую гару выпадкова і часова"[9]. Недавно знайдені папери Олександра Рипінського також підтверджують нашу версію: "повесть эта ("Тарас..." – О. І.) написана в связи с неожиданным появлением в русской литературе поэзий простого малороссийского казака Тараса Шевченко в его народном наречии. Много он наделал шуму".[10]

Аркадій Родзянко помер 1846 року. Взагалі, він був загадковою особистістю. Поет майже не друкувався. Немає досі жодної окремої книги його творів. Рукописна спадщина поета зберігається в Пушкінському будинку в Петербурзі. Моральний обов'язок українських, білоруських і російських літературознавців – вивчати спадщину поета і видати її. Можливо, відшукаються ще українські й білоруські твори Аркадія Род-

зянка. Можна припустити, що поему "Тарас на Парнасі" було написано не для друку, і кілька десятиліть рукопис пролежав у паперах померлого автора.

Опоненти можуть заперечити: з тексту випливає, що поема написана після смерті Жуковського і Гоголя в 1852 році, бо вони у творі крокують на Парнас разом з Пушкіним і Лєрмонтовим. На початку 40-х років Микола Маркевич пише епіграму:

Исчезли Пушкин, Карамзин,
Жуковский – прежний исполин
И Брамбеус царствует один.

Подібні за духом рядки є в поемі "Тарас на Парнасі" і у вірші Аркадія Родзянка "Послание к Н. П. Базилевской" (1842). Якщо уважно почитати "Тараса", то схоже, що автор виводить як персонажів не тільки Булгаріна і Греча, а й їх спільника, –"редактора всіх газет" Йосипа Сенковського. Трійця редакторів стає в той час для діячів українського руху мішенню для критики. 1843 року Микола Маркевич[11] і сорок українських патріотів пишуть лист-протест проти дій Сенковського, який образливо відізвався про Малоросію у "Библиотеке для чтения", назвавши українців біглими холопами польськими.

Проаналізувавши всі вищенаведені факти на користь авторства Родзянка, наштовхуємось на те, що у побудованій нами гіпотезі не вистачає двох важливих ланок: 1) чи знав Родзянко білоруську мову; 2) чи пов'язувало поета щось зі Смоленською губернією. Зовсім випадково знаходимо і цьому підтвердження. У книзі В. Алексєєва "Брянские люди XVIII века" читаємо, що у 1792 році "после смерти бунчукового товарища Григория Борозны часть его рожновского имения (под Унечей, Тулуковская волость) досталась секунд-майору Гавриле Васильеву сыну Родзянке с его супругой Марфой Михайловной".[12] Так це ж батьки поета! А їх маєток знаходився у білорускомовному районі Брянщини на кордоні зі Смоленською губернією.

Далі з тексту бачимо, що господарські справи в успадкованому маєтку були занедбаними. Можна припустити, що батьки поета для виправлення становища переселилися на Брянщину, де 1793 року, можливо, й народився Аркадій Родзянко. На тривале проживання там майбутнього поета непрямо вказує і його навчання у Москві, а не у Харкові, де навчалась тоді більшість полтавчан.

Після спеціальних пошуків у "Малороссийском родословнике" Вадима Мадзолевського знаходимо, що брат поета "Платон Гаврилович (1802-?) был чиновником при особых поручениях при Малороссийском генерал-губернаторе Репнине, женат на Евгении Ивановне Глинке, дочке колежского советника". Князь Микола Рєпнін – опікун Івана Котляревського, рідний брат відомого декабриста Сергія Волконського. А Глінки – славний смоленський дворянський рід.

Вже у планах поїздка до Смоленська, щоб знайти відповідь на питання: чи не є Євгенія Іванівна Родзянко родичкою Федора Глінки? Але раптом натрапляємо: "Так.., в своем духовном завещании, составленном 29 января 1834 г., Павел Васильевич Энгельгардт (це ж власник кріпака Т. Шевченка – О. І.) назначил единоутробным сестрам своим, полковничихе Наталье Ивановне Ридниной, подполковничихе Евгении Ивановне Родзянко и поручице Софьи Ивановне Нольде 50 тысяч рублей ассигнациями. Как позднее напишет один из сыновей П.В.Энгельгардта, "мать Павла Васильевича, кажется, Мария Осиповна, происходила из польской дворянской семьи. Впоследствии она вышла замуж за смоленского помещика Ивана Андреевича Глинку, сестра которого, Евгения Андреевна, была матерью знаменитого композитора Михаила Ивановича Глинки".[13] Отже, Євгенія Іванівна Родзянко була двоюрідною сестрою великого російського композитора, який про неї тепло згадує у своїх спогадах.

О.И. Сенковский

Цікаво, що сестра поета-декабриста Вільгельма Кюхельбекера, Юстина, була одружена з дядьком Євгенії Іванівни, професором Дерптського університету Григорієм Андрійовичем Глінкою, який був родичем поета Федора Глінки. До речі, "Тарас на Парнасі" за своїм характером подібний до відомого твору Кюхельбекера "Видение на горе Парнас".

Родинні зв'язки пов'язували Аркадія Родзянка не тільки з великим композитором і поетами-декабристами, а й з Павлом Енгельгардтом – сином Василя Васильовича Енгельгардта, який був племінником і спадкоємцем світлішого князя Григорія Потьомкіна. Після смерті князя його родове село Чижове, про яке згадується в "Енеїді навиворіт" ("найлепшы Чыжоўскіх харом"), успадкував Василь Енгельгардт, а 1828 року – його син Павло. Напевно, Аркадій Родзянко гостював у чижовському палаці. І, мабуть, поетові було удвічі неприємно те, що у сходженні на Парнас його випередив колишній кріпак нового родича.

Вільгельм Кюхельбекер та Федір Глінка сповідували слов'янофільські ідеї. Білоруський літературознавець Михайло Лазарук[14] вбачає відгомін подібних поглядів і у поемі "Тарас на Парнасі". Але, на нашу думку, автор виступав не проти слов'янофільства, а на його підтримку. Інакше не могло бути, бо український та білоруські рухи в той час знаходились під впливом його ідей.

Слов'янофільські і навіть націоналістичні погляди тоді панували і в кукольниківському гуртку, в якому головну роль відігравали поет Нестор Кукольник, художник Карл Брюллов і композитор Михайло Глінка. Один з перших біографів Кукольника Є.Киричинський назвав свою статтю про нього "Забытый поэт-националист". Історик Володимир Козлов писав про іншого члена гуртка, відомого російського фольклориста Івана Сахарова: "В его рассуждениях звучали и националистические нотки. Русский народ в представлениях Сахарова являлся едва ли не единственным в мире "историческим народом".[15]

Значну частину гуртка складали діячі українського руху: Тарас Шевченко, Микола Маркевич, Василь і Григорій Тарновські, Микола Рігельман, Григорій Ґалаґан, Євген Гребінка, Василь Григорович, Петро Мартос та інші. Викликає інтерес й українська за походженням родина Кукольників. Батько Василь Кукольник приїхав з Австрії до Росії на запрошення лихозвісного вельможі Миколи Новосільцева, котрий відомий як затятий ворог Польщі і всього польського. Граф стає опікуном цілої родини. Платон Васильович Кукольник – керуючий його маєтками, старший брат Павло за графською протекцією призначений замість Йоахіма Лелевеля професором історії

Вільненського університету. Не випадково Павло Кукольник, будучи цензором у Вільно, сприяв виходу творів батька білоруської і полісько-української літератур Вінцента Дуніна-Марцинкевича.

Тоді стає зрозумілою зацікавленість Нестора Кукольника литовською історією. Його знаннями у цій царині був уражений Михайло Глінка. Поет і драматург несподівано для всіх пише романи з історії Великого князівства Литовського XIV століття "Эвелина де Вальероль" (1841) та "Альф і Альдона" (1842). Треба звернути увагу ще і на таку деталь: існування у Петербурзі білорусько-польського гуртка Яна Борщевського, який є всі підстави вважати філією кукольниківського.

Висунемо версію: не без бажання ослабити польський рух у кукольниківському гуртку набуває популярності ідея відродження під скіпетром російського царя Великого князівства Литовського на основі білоруської культурної традиції. Мабуть, сама ця ідея народилась ще в історика Миколи Карамзіна та його секретаря-єзуїта Костянтина Сербіновича, який був тісно пов'язаний з гуртком Яна Борщевського (вони разом навчались в Полоцькій єзуїтській академії"). Можливо, підвищенню інтересу в гуртку до цієї ідеї сприяло і III відділення, бо правиця Бенкендорфа – генерал Леонтій Дубельт – близький до гуртка, а ад'ютант шефа корпусу жандармів, полковник Володимир Владиславлев – активний член гуртка. Білоруська ідея ними розглядалась як проміжний етап на шляху до повної русифікації Північно-Західного краю.

Тоді стає зрозумілим, чому "Енеїда навиворіт" вперше була надрукована у такому рупорі російського націоналізму, як журнал "Маяк". Одним з редакторів часопису був Петро Корсаков – член кукольниківського гуртка. Це – той Корсаков, який був для Тараса Шевченка тим, чим – Павло Кукольник для Вінцента Дуніна-Марцинкевича. До речі, у молодості Корсаков був, як і Родзянко, членом гуртка "Беседы любителей русского слова". А другий редактор "Маяка" – Степан Бурачок, хоча народився у Ніжинському повіті, але мав білоруські (могильовські) корені.

У гуртку і на розвиток української літератури (особливо у Галичині) дивились передусім як на антипольську акцію. Можна припустити, що саме Нестор Кукольник заохотив учня свого друга Карла Брюллова серйозно зайнятися літературою, тобто гурток відіграв виняткову роль у житті Т. Г. Шевченка. Тоді стає зрозумілим таке гостре обурення Кукольника щойно надрукованим "Кобзарем": "хрещеник" пішов не його дорогою.

Якщо "Енеїда навиворіт" – поетична розвага, то "Тарас на Парнасі" – це фактично, літературний маніфест кукольниківського гуртка, аристократичної частини українського руху і редакції журналу "Маяк": розвиток української і білоруської літератур у річищі слов'янофільських ідей на основі традицій творчості Олександра Пушкіна, Василя Жуковського і Миколи Карамзіна, несприйняття натуралістичної школи і "торгашевської" літератури (Сенковський, Булгарін, Греч), а також демократичних тенденцій у творчості Тараса Шевченка. До речі, перший відомий список "Тараса на Парнасі" належав Дуніну-Марцинкевичу. А тема "Батько білоруської літератури й український рух" потребує окремої розвідки.

Взагалі, проблема народження нової білоруської національної ідеї досить складна. Перша практична спроба її відродження (але невдала) була здійснена царською владою відразу після придушення польського повстання 1831 року за допомогою уніатських священиків – славіста Михайла Бобровського[16] та його друзів. За спиною Бобровського бачимо тінь Сербіновича, який тривалий час у департаменті Духовних справ займався проблемами уніатської церкви. Літератор Олександр Тургенєв у листі до Сербіновича відзначив його виняткову роль у знищенні 1839 року уніатської церкви. Наступна спроба гуртка Кукольника не знайшла широкої підтримки в урядових колах, оскільки вже був взятий курс на відверту русифікацію Північно-Західного краю. Тому білоруський рух (гурток історика Адама Кіркора у Вільно) почав дрейфувати від російського берега до польського.

Новий етап у білоруському русі починається з 80-х років XIX ст., услід за українським. Спочатку обидва рухи перебували під впливом федералістських ідей Михайла Драгоманова, згодом прийшли послідовно до ідеї повної незалежності своїх країн.

ОЛЕКСАНДР ІЛЬЇН,

Сіверянський літопис. - 1999. - №3.

Джерела та література:

I. Куляшоў А. Што хаваецца за сямейным паданнем / / Полымя. -1971. - № 10. - С. 202.
2. Кісялёў Г. Загадка беларускай "Энеіды". - Мн., 1972. С. 97-103.
3. Багдановіч Максім. Поўны збор твораў. Т. 2. - Мн., 1993. - С. 264.
4. Див.: Піятуховіч М. М. Рукапісы А. Рыпінскага// Шляхам гадоў, вып. 1. - Мн., 1990. -С. 230.
5. Див.: Киселёв Г. Разыскивается классик... - Мн., 1989. - С. 114.
6. Вацуро В.Э. Пушкин и Аркадий Родзянко // Временник Пушкинской комиссии. - Л., 1969. -С.44.
7. Майхровіч С. Нарысы беларускай літаратуры XIX стагоддзя. - Мн., 1959. - С. 49.
8. Шевченко Тарас. Твори в п'яти томах, Т. 5. - К., 1985. - С. 52.
9. Каваленка В. Вытокі. Уплывы. Паскоранасць. - Мн., 1975. - С. 109.
10. Див.: Піятуховіч М. М. Вказ. праця. - С. 230.
11. Див.: Косачевская Е. М., Н. А. Маркевич. - Л., 1987. - С. 8.
12. Алексеев В. П. Брянские люди XVIII века. - Брянск, 1993. -С. 148.
13. Непокупний А. Балтійські зорі Тараса // У Вільні, городі преславнім... - К., 1989. - С. 287.
14. Лазарук М. А. Станаўленне беларускай паэмы. - Мн., 1968. - С. 172.
15. Козлов В. П. Тайны фальсификации. - М., 1996. - С. 200.
16. Латышонак А. Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі // Спадчына. -1992. - № 1. - С. 9-14.

P.S. Коли писалась ця стаття, автор ще не знав, що перший відомий список "Тараса на Парнасі" належав лікареві і повстанцеві 1863 р. Олександру Окінчицу, який був родом з села Селець Пружанського повіту. Мабуть, цей список він одержав від свого тестя, видатного польсько-українського поета Юзефа Богдана Залеського, (близького друга Адама Міцкевича), який підтримував тісні зв'язки з діячами культури України

О. Ільїн

Возникновение белорусской национальной идеи – новый взгляд

Славянская идея возникла в середине XV века в Италии как реакция на турецкую агрессию. Далее идеология панславизма развивалась в основном в Речи Посполитой, которая взяла на себя роль спасителя славян от турок Но к XVIII веку Речь Посполитая ослабла, и в ней стали забывать о славянской идее, поскольку хватало своих внутренних проблем. Однако, к концу века, в связи с ростом интереса к масонству и к философским идеям Руссо и Гердера, славянская идея стала возрождаться не только в Речи Посполитой, но и в России и Чехии. Не случайны интерес Жан Жака Руссо к Польше, а также приглашение поселиться в Беловежской Пуще, направленное ему Антонием Тизенгаузом .

На наш взгляд, в Польше тогда было два центра славянофильства:

1) проиезуитский (в Варшаве, вокруг короля Станислава Августа);

2) промасонский (в Пулавах, вокруг князя Адама Казимира Чарторыйского).

Г.А. Потёмкин

И. Котляревский

Всё это требует глубоких исследований, в первую очередь, польских историков, т.к. изучение такой тайной организации как масоны очень сложно. Причём указанные течения часто смыкались, несмотря на вражду между масонами и иезуитами. Так, масон Станислав Понятовский, имел окружение из числа бывших иезуитов, каковыми являлись Станислав Трембицкий, Адам Нарушевич, Игнатий Красицкий и др.

Польские масоны видели в создании славянской федерации во главе с Екатериной II только промежуточный этап в образовании мировой федерации свободных народов. Выражением этих идей и помыслов было возникновение в Варшаве ложи “Екатерина под Северной звездой.”

В России в то время лидером славянофилов был Иван Елагин – глава местных масонов, организовавший в Петербурге историко-литературный кружок в составе: Иван Болтин, Алексей Мусин-Пушкин, Екатерина Дашкова, Александр Храповицкий, Алексей Оленин, Алексей Малиновский и др. Однако фактическими руководителями кружка являлись Екатерина II и её фаворит Григорий Потёмкин. Светлейший князь – колоритная и противоречивая фигура в российской истории, а особенно – в украинской и белорусской. Принято считать Потёмкина украинофобом и разрушителем Запорожской Сечи, но в середине 1770-х гг. в Петербурге под крылом князя создаётся украинский кружок, известный следующими своими делами:

- потёмкинский придворный поэт Василий Рубан издаёт “Краткие географические, политические и исторические сведения о Малой России” (1776), (интересно, что в 1794 г. поэт написал стихотворение “Пеан”, посвящённое победе Суворова “над польскими мятежниками в окрестностях города Бреста Литовского, вблизи Крупчицкого монастыря, при реках Мухавце и Бугу, что течёт в Вислу, 6 и 8 сентября 1794 года”);

– Александр Безбородко дописывает подготовленную к печати Рубаном “Краткую летопись Малой России с 1506 по 1770 год” (1777);

– офицер Григорий Калиновский пишет этнографический труд “Описание свадебных украинских простонародных обрядов в Малой России” (1777);

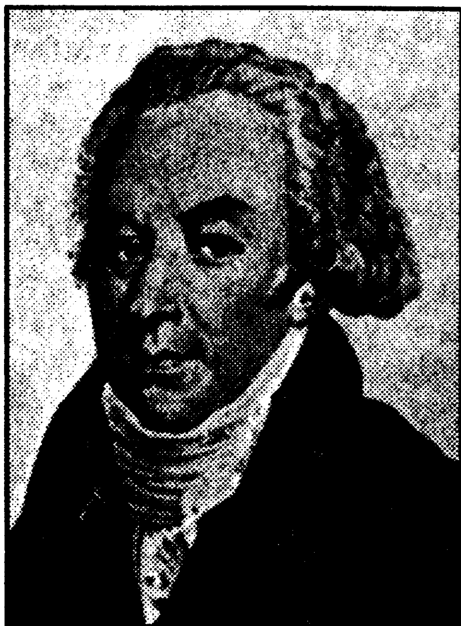
– придворный гусляр Василий Трутовский в 1776 году издаёт нотный песенник, содержащий 13 народных украинских песен (по слухам, их отобрал сам Потёмкин – большой меломан и любитель украинских песен);

– полковник Афанасий Лобысевич переводит на украинский язык Вергилиевы эклоги (перевод не сохранился, учёные до сих пор спорят о дате его создания). Поэт писал Георгию Конискому, что посылает “Вергилиевых пастухов в малороссийских кобеняк переодетых”…

Всему этому можно дать лишь такое объяснение: тайный муж Екатерины II (есть такие факты), светлейший князь Григорий Потёмкин, стремился получить если не королевскую корону, то, во всяком случае, хотя бы гетманскую булаву. Так, французский посол Сегюр писал: “До мечтательности честолюбивый, он (Потёмкин. - А.И.) воображал себя то курляндским герцогом, то королём польским, то задумывал основать духовный орден и просто сделаться монахом.” Несмотря на все свои старания, он не смог стать польским королём, но в 1790 году получил булаву Великого гетмана казацких Екатеринославских и Черноморских войск и сформировал два казацких корпуса.

В XVII-XVIII веках в Польше была популярна сарматская теория: истоки славянства находятся в Сарматии – Северном Причерноморье. Князь Потёмкин, будучи покорителем Крыма и Новороссийским губернатором, конечно же, поддерживал эту теорию. Чтобы угодить ему, Адам Нарушевич, по заказу польского короля, пишет “Таврику” (1781). Не отстают и Станислав Богуш-Сестренцевич – “История Тавриды”, “История сарматов и славян”, Ян Потоцкий – “Исследование о Сарматии”, “Исторические и географические материалы о Скифии, Сарматии и славянах”, Евгений Булгарис – “Каким языком говорили древние Сарматы?” и т.д.

Следует отметить, что жизнь отца новой украинской литературы Ивана Котляревского немного соприкасается с Потёмкиным. Учился поэт в Полтавской духовной семинарии, которую создал и опекал близкий помощник князя, архиепископ Славенский и Херсонский Евгений Булгарис, а в 1789-1793 гг. поэт служил в Новороссийской канцелярии руководимой


М.П. Румянцев

Я. Борщевский

Император Павел I

24 марта 2001 года исполняется 200 лет со дня смерти императора Павла I, который был подло убит русскими националистами и английскими агентами. Нельзя полностью понять русскую историю последних двухсотпятидесяти лет, не осознав сущности такой трагической фигуры как этот русский Гамлет. Мы должны быть благодарны ему за освобождение Тадеуша Костюшки, спасение униатской церкви, за возвращение Литовского Статута и т.д. Осенью 1782 года великий князь Павел Петрович на Берестейщине в Семятичах встречался с гетманом Браницким и его племянником Казимиром Нестором Сапегой, с которыми, вероятно, вёл переговоры о своём возможном занятии королевского престола.

(хоть и номинально) Потёмкиным. Литературоведы считают, что И.Котляревский в своей поэме "Энеида" описал жизнь современной ему Украины. Всё это – действительно так, но стоит обратить внимание на следующие детали. В литературе XVIII в. Екатерину II прямо называли Дидоной, в средневековой литературе стало традицией называть Киев Троей. Любимым литературным героем Потёмкина был Эней, а саму поэму Вергилия князь знал наизусть. Логично, что Эней в поэме Котляревского – это Потёмкин. В таком случае содержание поэмы следует понимать так: Эней (Потёмкин) вместе с троянцами (казаками) покидает разрушенную Трою (уничтоженную Гетманщину) и, не смотря на ласки Дидоны (Екатерины II), покидает Карфаген (Петербург) и основывает новое государство Рим (гетманскую Украину на берегах Чёрного моря). Вероятно, Котляревский написал свою "Энеиду" перед самой смертью Потёмкина как политическую программу его действий в отношении Украины.

Большое внимание князь Таврический уделял и белорусским землям, присоединённым к Российской империи после первого раздела Речи Посполитой, что естественно, поскольку он имел здесь обширные владения – Кричевскую волость и город Дубровно. С Потёмкиным связаны и первые шаги белорусской фольклористики и этнографии. Так, Андрей Меер в 1786 г. по заказу светлейшего князя сделал "Описание Кричевского графства", посвящённое народному быту и культуре белорусов, а также поместил туда несколько белорусских фольклорных произведений.

Первоочередной задачей российских властей была деполонизация захваченных земель, средством осуществления чего русские славянофилы выбрали политику белорусизации местного населения. По причине того, что православное духовенство было здесь малочисленное и малообразованное, царские власти решили сделать ставку на католическое, в первую очередь, на иезуитов. Это позволяет объяснить удивительное решение "православной протестантки" Екатерины II сохранить иезуитский орден в Российской империи, распущенный римским Папой. Другой причиной поддержки иезуитов, на наш взгляд, являлось то, что была нужда в их знаниях и опыте для создания различных исторических и литературных фальсификаций, например, "Слова о полку Игореве".

Хотя главным научным руководителем хитроумного проекта был историк и лингвист Иван Болтин (близкий Потёмкину человек), но иезуиты – большие мастера по таким делам, дали, очевидно, учёному много ценных советов (несколько степеней защиты от возможных разоблачений: уничтожение "оригинала", использование различных диалектизмов, тёмных мест, цитат из бесспорно подлинных произведений ("Псковский Апостол"), изготовление по образцу ещё неизвестной широкой публике "Задонщины" и т.д.). Белорусские слова поставляли Болтину, по всей видимости, иезуиты и студенты-белорусы Московского университета З.Масловский и М.Панкевич, поощрённые потом Российской Академией. В 80-е гг. XVIII века под руководством Ивана Болтина и Екатерины Дашковой началась работа над созданием "Словаря Академии Российской", который фактически был этимологическим и сравнительным словарём трёх (!) языков: русского, древнерусского и церковнославянского. На это указывает и структура расположения слов в нём – гнездовая, а не алфавитная. Естественно возникает вопрос: к чему эта спешка с таким сложным словарём, когда российское языкознание находилось ещё в зачаточном состоянии? Дашкова как бы оправдывается, что словарь "должен быть этимологическим, так как должен отыскивать и объяснять корни и происхождение слов."

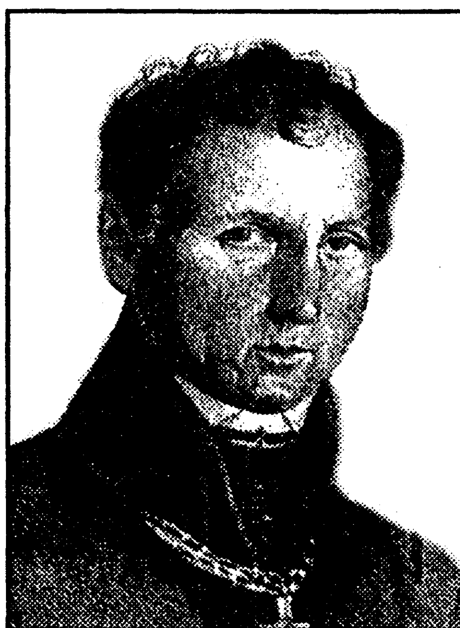
Можно предположить, что иезуиты создали немало интересных произведений на белорусском языке, которые, к сожалению, были уничтожены при ликвидации ордена, но сохранилась память об лдном из них – изданной иезуитами в 1783 г. книге "Кантычка або набожныя песні на полацкай гаворцы." Свидетельством той белорусизации, проводимой иезуитами, являются чудом сохранившиеся белорусско-польские произведения их младших братьев доминиканцев из Забельской коллегии: "Комедия" Каэтана Марашевского и "Доктор поневоле" Михаила Цецерского. Тогда становится объяснимым заговор так называемой Виленской ассоциации во главе с Фаустином Цецерским (брат драматурга) в 1797 году. Этот заговор против императора Павла I, который столько сделал для поляков и католиков, был, на первый взгляд, алогичным и совершенно необъяснимым. Но, если считать братьев Цецерских пророссийскими и пропотёмкинскими деятелями, то всё становится ясным: они выступили против политики новой полонизации. В 1797 году был раскрыт также и в Смоленске ещё один заговор против Павла I, где заговорщиков поощрял генерал Белуха – полтавчанин и знакомый Ивана Котляревского.

Немалый вклад в дело закрепления за нашими землями названия "Белорусь" внёс католический митрополит Станислав Богуш-Сестренцевич, издавая в

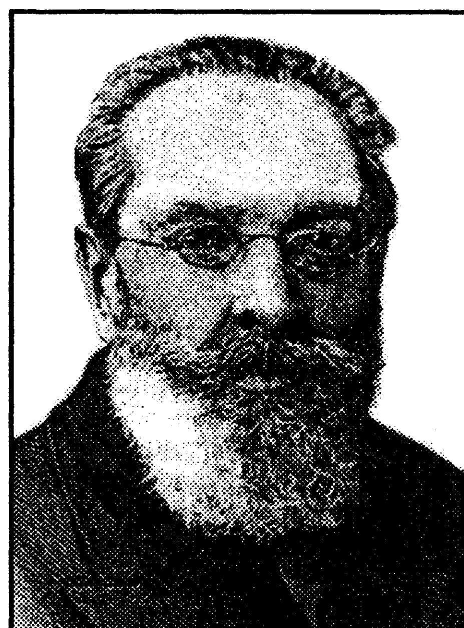
Могилёве ежегодный "Белорусский календарь". Он также написал книгу "О Западной Руси", в которой пытался обосновать историческое единство русских, украинцев и белорусов. Парадоксально, но языковая ситуация в нашем крае была такова, что Богуш-Сестренцевич проповедовал белорусско-русскую идею на польском языке.

После смерти Екатерины II белорусизация стала затухать, а полонизация края, напротив, усилилась. Однако, если судить по воспоминаниям Константина Сербиновича, учившегося в Полоцкой иезуитской академии в 10-е гг. XIX в., в ней господствовал не польский дух, а русский. Тогда становится понятной и борьба академии с Виленским университетом – бастионом польщизны в крае, и написание в стенах академии другом и однокурсником Сербиновича Яном Борщевским стихотворений "Дзеванька" (1809) и "Рабункі мужыкоў" (1812) на белорусском языке.

В начале XIX в. князем Адамом Ежи Чарторыйским предпринимается попытка воссоздать Речь Посполитую в прежних границах. В ответ некоторая часть шляхты, опираясь на помощь русских националистов, составляет план воссоздания Великого Княжества Литовского на основе белорусской культуры. Канцлер Николай Румянцев организует исследования белорусских земель с целью доказательства их русскости: К.Калайдович составляет словарь старобелорусского языка, Е.Канкрин исследует Борисовы камни, И.Григорович, А.Дорошкевич, И.Шулакевич, Н.Гортынский, И.Сыщанко изучают местные архивы. Однако координатором всей этой работы со временем становится профессор Виленского университета Иван Лобойко (1786-1861), жизнь которого заслуживает более пристального внимания. В 1810 году он закончил Харьковский университет, являвшийся в то время значительным центром славянофильства. Так, в 1817 году в нём даже открыли кафедру польского языка. Это не случайно, поскольку университет основал известный славянофил Василий Каразин, а попечителем Харьковского учебного округа являлся Северин Потоцкий – родной брат знаменитого слависта Яна Потоцкого. Непосредственно Лобойко опекал профессор Илья Тимковский. Его брат Василий Тимковский был секретарём главы тогдашних российских славянофилов – адмирала Александра Шишкова; другой брат Роман Тимковский – профессором истории Московского университета, учителем Константина Калайдовича. Не без протекции Ильи Тимковского выпускник университета Иван Лобойко попадает на работу в Новгород-Северскую гимназию, где директором был Иван Халанский – тесть профессора. Уже там молодой учитель проводит археологические раскопки, исследует древние храмы. Оказавшись затем в Петербурге, Иван Лобойко становится библиотекарем Вольного общества любителей российской словесности (близкого к декабристским организациям), видимо, не без помощи Василия Каразина, являющегося одним из руководителей общества. Молодой учёный знакомится и сотрудничает с великим славистом Зорианом Доленго-Ходаковским. Очевидно, что по протекции графа Румянцева и сенатора Новосильцева Лобойко становится профессором русского языка Виленского университета и сразу начинает бурную деятельность: "Когда я в 1822 году приехал в Вильно, я весьма удивлён был письменными памятниками белорусского наречия, но моё удивление ещё более возросло, когда я увидел, что здешние архивы по большей части ими наполнены, а кроме того, на сем же наречии оказалось и немало печатных книг." Лобойко привлёк к изучению виленских архивов униатского священника Антония Сосновского, профессоров Игнатия Даниловича, Михаила Бобровского и Иоахима Лелевеля. По инициативе Лобойко студент Симон Станкевич и православный священник Иван Григорович составляют словари "белорусского" наречия, а последний пишет его грамматику.



М.К. Бобровский



А. Киркор

Тут, однако, есть один нюанс: под белорусским наречием члены кружка Румянцева понимали не народный разговорный язык, а старобелорусский, т.е. язык греко-католической церкви. И под белорусами понимали униатов бывшей Речи Посполитой. Тогда становятся понятными слова Ивана Григоровича: "Наречие западнорусское называемое иначе "белорусским", употребляется жителями Белой Руси, Литвы, Волыни, Подолии, Полесья, Покутья и в областях нынешней Австрийской Галиции, начиная от Западной Двины и Днепра по Висле, Бугу, Днестру и за горами Карпатскими."

Членом румянцевского кружка был известный ориенталист и издатель Осип Сенковский, которого польские патриоты считали ренегатом, отказавшимся от своей национальности. В 1829 году Адам Мицкевич в письме к своему другу Антонию Одынцу писал: "Г.Сенковский проектирует различные реформы католической религии и теперь составляет какой-то катехизис!!!" Нам неизвестны катехизисы, написанные Сенковским, но в 1835 году в Вильно анонимно, на белорусском языке, был издан краткий катехизис для римо-католиков. Известна близость ориенталиста к правительственным кругам. На наш взгляд, именно Сенковский, по заказу этих кругов, написал белорусский катехизис. Будучи полиглотом, зная почти все европейские и древние языки, а также много восточных, издатель, родившийся в Беларуси и являясь по линии матери (Буйкова) наполовину белорусом, конечно же знал народный белорусский язык.

В русле идей румянцевского кружка и, видимо, по заказу правительственных кругов униатскими священниками во главе с Михаилом Бобровским осуществлялась деятельность по расширению применения "белорусского" языка. Но она окончилась безрезультатно, поскольку местные пастыри не использовали народный язык, в отличие от своих коллег в Галиции, где тогда произошло настоящее украинское Возрождение, которое не было случайным: его почва была подготовлена ещё при Потёмкине, когда австрийский император Иосиф II под давлением российской императрицы приказал перевести преподавание в львовских духовных семинариях на руский (украинский) язык. Позднее украинским патриотам-священникам значительно помогли крупные денежные суммы, выделенные российским правительством для их просветительской деятельности. Так, один из главных идеологов "самодержавия, православия и народности" Михаил Погодин аж четыре раза посетил Львов.

Следующий этап развития белорусской национальной идеи связан с деятельностью петербургского

литературно-художественного кружка писателя Нестора Кукольника, о которой подробно рассказано в статье "Де шукати витоки білоруськоі національноі ідеі?" В 1837 году тогда ещё член кружка Фаддей Булгарин доказывал: "Вся Западная Россия, так называемая Литва, населена кривичами или белорусами, которые разговаривают на восточнославянском языке, что возник ещё во время Древней Руси." Однако, когда в 1840 году император Николай I взял курс на открытую русификацию нашего края (был даже указ о запрете на употребление названия "Белорусь"), то Булгарин, остро чувствовавший политическую конъюнктуру, отказался от своих взглядов: теперь он утверждал, что белорусов не существует, а есть русские, язык которых испорчен поляками. Может быть поэтому автор поэмы "Тарас на Парнасе" так зло-карикатурно изображает редактора "Северной Пчелы".

После императорского указа белорусская идея не погибла: её центром становится кружок Борщевского-Подберезского, который был филиалом петербургской котерии, объединившей вокруг газеты "Tygodnik Petersburski" польских писателей – Михаила Грабовского, Юзефа Пжеславского, Генрика Ржевуского, Людвика Штырмера, Юзефа Крашевского, Плакида Янковского и др., а котерия, в свою очередь, являлась филиалом кукольниковского кружка. Не будем подробно останавливаться на деятельности котерии, т.к. это тема отдельного исследования. Главной целью деятельности кружка было – развитие польской культуры в панславистском духе и интегрирование её в русскую. Их лидер Михаил Грабовский выражал надежду, что российскому правительству необходима помощь котерии в деле распространения панславизма. Отметим без комментариев следующие факты: активными членами кукольниковского кружка являлись Владимир Владиславлев – полковник жандармерии, адъютант Бекендорфа, Фаддей Булгарин и Борис Федоров – известные агенты III отделения, как и член котерии Адам Рогальский, а другие члены котерии: Генрик Ржевуский – чиновник по особым поручениям при наместнике Царства Польского Паскевиче, Юлиуш Струтинский – адъютант киевского генерал-губернатора Бибикова... Историк Адам Киркор, олицетворяющий собой целый этап белорусского движения, в 1840-е гг. дружит с Фаддеем Булгариным, а в 1846 году по приказу Виленского генерал-губернатора Мирковича совершает разведывательную поездку по Гродненщине и Берестейщине для сбора сведений о надвигающейся революции.

В правительственных кругах интерес к белорусской национальной идее по-прежнему не угасал: в 1847 году Иван Григорович получил от самого министра просвещения Ширинского-Шихматова предложение составить словарь западнорусского говора. Заинтересованность усилилась после смерти Николая I. Ярким свидетельством этого является проект создания белорусскоязычного журнала "Друг народа" и издание в 1863 году под патронажем попечителя Виленского учебного округа книги "Рассказы на белорусском наречии", написанной в духе "самодержавия, православия и народности." Два рассказа написаны на пинском и на подляшском диалектах украинского языка, три рассказа – на различных диалектах белорусского языка (языковедам необходимо выяснить, на каких). Это означает, что местные культурные деятели ещё окончательно не решили: на каком диалекте создавать белорусский литературный язык. Кроме того, официальные власти упорно навязывают название "Белорусь" уже на всю территорию нашего края и шире. Из содержания "Рассказов" следует, что их автор являлся православным священником, хорошо знавшим историю греко-католической церкви, т.е. – бывшим униатом. Анонимность автора означает, что он вышел из польских кругов и не хотел, чтобы бывшие друзья объявили его предателем. На роль автора более всего подходит православный священник, польский писатель Плакид Янковский, который знал и украинский язык (родом из-под Каменца-Литовского), и белорусский (жил в Жировичах).

Вскоре грянуло восстание 1863 года и царские власти взяли курс на полную и окончательную русификацию. Ни о какой поддержке белорусской культуры разговор более не шёл: несмотря на уже выделенные деньги, журнал "Друг народа" так и не вышел. Для белорусской культуры наступил совсем чёрный период, продолжавшийся целых 40 лет.

А. ИЛЬИН

Список филаретов

Общий именной список принадлежавших к тайному обществу филаретов, существовавшему в Вильне, между учениками Виленского университета равно оговоренных и неотысканных, учинен в Следственной Комиссии 1824 года мая 13 дня.

1. Фома Зан, кандидат философии, 27 лет, Мин. губ., Вилейского уезда; нет за ним и отцом его никакого имения; председатель общества филаретов.
2. Иван Чечот, канцелярский служитель прокуратории Радзивиловской, 27 лет, Грод. Губ., Новогродского уезда, нет за ним никакого имения, проводник голубого союза. Оба они были и в обществе филоматов.
3. Адам Сузин, кандидат философии, 23 лет, Гродненской губ., Брестского уезда; за отцом его имение Залешаны; секретарь зелёного союза.
4. Александр Ходзько, кандидат философии, 18 лет, Минской губ., Вилейского уез., где состоит имение отца его , бывшего председателя Минского Главного суда; секретарь голубого союза.
5. Феликс Колаковский, кандидат философии, 25 лет, Минской губ., Мозырского уез., нет за ним никакого имения; советник голубого союза.
6. Казимир Пясецкий, кандидат юриспруденции, адвокат виленских присутственных мест, 25 лет, уроженец гор. Вильна, где имеет дом свой; проводник белого союза. Он же был и в обществе филоматов.
7. Иван Верниковский, кандидат философии, 23 лет, Минской губ., Мозырского уез., нет за ним никакого имения; советник голубого союза.
8. Фаддей Зелинский, 26 лет, родом из Царства Польского, нет за ним никакого имения. Он же был в обществе Моральном, существовавшем между гувернерами, находившимися в Свислоцкой гимназии после окончания ими в оной курсов наук.
9. Фома Красковский, 21 лет, Белостокской области, Бельского уезда, сын униатского священника. Он же был и в обществе Науковом, существовавшем между учениками 6 класса Свислоцкой гимназии.
10. Фома Павлович, кандидат юриспруденции, 27 лет, Гродненской губ., Брестского уез., сын униатского священника.
11. Александр Мицкевич, кандидат юриспруденции, 21 лет, Гродненской губ., города Новогродка, где имеет свой дом; советник лилового союза.

12. Осип Ежовский, 19 лет, Минской губ., Мозырского уез., нет за ним никакого имения.
13. Иван Гейдатель, кандидат философии, 23 лет, Белостокской обл., Дрогицкого уез., нет за ним никакого имения; проводник зелёного союза.
14. Михаил Кулеша, 23 лет, Гродненской губ., Лидского уез., нет за ним никакого имения.
15. Оттон Слизень, 17 лет, Гродненской губ., Новогродского уез., где родители его имеют имение Бортники.
16. Осип Заржецкий, кандидат философии, 23 лет, Гродненской губ. и уез., нет за ним никакого имения; секретарь зелёного союза.
17. Иван Крыницкий, кандидат философии, 25 лет, Киевской губ., Звиноградского уез., нет за ним никакого имения.
18. Антоний Каминский, кандидат философии, 26 лет, Виленской губ., Ошмянского уез., где родители его имеют имение Рачуны; проводник алого союза.
19. Антоний Дудин, кандидат философии, 22 лет, сын Бобруйского городничего Минской губ., нет за ним никакого имения.
20. Гилярий Лукашевский, кандидат юриспруденции, Волынской губ., Житомирского уез.; нет за ним никакого имения; проводник белого союза.
21. Александр Домейко, 20 лет, Гродненской губ., Новогродского уез., где родители его имеют имение, Недзвядки называемое.
22. Михаил Данейко, кандидат философии, 23 лет, Гродненской губ., Новогродского уез., нет за ним никакого имения.
23. Стефан Зан, студент по части юриспруденции, Минской губ., Вилейского уез., нет за ним никакого имения; секретарь белого союза.
24. Иван Янковский, студент философии, 20 лет, Гродненской губ., Брестского уез., сын ксендза прелата униатского вероисповедания. Он же был и в обществе Науковом, существовавшем между учениками 6 класса Свислоцкой гимназии.
25. Осип Ковалевский, кандидат 24 лет, Гродненской губ. и уезда, сын униатского священника; проводник голубого союза. Он же был и в обществе филоматов.
26. Эдвард Одынец, студент по части юриспруденции, 20 лет, Виленской губ., Ошмянского уез., где состоит имение за отцом его; секретарь голубого союза.
27. Игнатий Зан, студент философии, 25 лет, Минской губ., Вилейского уез., нет за ним никакого имения.
28. Николай Малиновский, 24 лет, Киевской губ., Махновецкого уез., нет за ним никакого имения; проводник голубого союза.
29. Фома Масальский, кандидат юриспруденции, 24 лет, Минской губ., Игуменского уез., нет за ним никакого имения.
30. Леопольд Сосновский, кандидат юриспруденции, 22 лет, Белостокской обл. из города Бельска, нет за ним никакого имения.
31. Адольф Гедроиц, 21 лет, князь, родители его имеют имение Царства Польского, воеводства Плоцкого, в Пултуском повете; проводник зеленого союза.
32. Антоний Фреенд, студент философии, 26 лет, Виленской губ., Тельшевского уез., нет за ним никакого имения; советник алого союза.
33. Стефан Домбровский, кандидат философии, находится при письменных делах опеки покойного князя Зубова, 25 лет, Виленской губ., нет за ним никакого имения.
34. Иван Михайлович, кандидат юриспруденции и философии, служитель канцелярии Виленского университета, 28 лет, из духовного звания, Волынской губ., Ковельского уезда, сын униатского священника, секретарь белого союза.
35. Иван Клюковский, кандидат философии, 22 лет, из г. Вильна, где имеет каменный свой дом; секретарь розового союза.
36. Игнатий Корбанович, кандидат юриспруденции, 27 лет, Минской губ., Игуменского уез., нет за ним никакого имения; секретарь лилового союза.
37. Антоний Гейдатель, кандидат философии и лекарь I-го класса, Белостокской обл., Дрогицкого уез., нет за ним никакого имения; проводник синего союза.
38. Осип Красковский, кандидат юриспруденции, 24 лет, Белостокской обл., Бельского уез., сын ксендза униатского вероисповедания.
39. Люциан Эйсымонт, 20 лет, Гродненской губ. и уез., где имеет собственное имение Яблоново.
40. Иван Кашуба, студент философии, 22 лет, Гродненской губ., где имеет собственное имение Репельки.
41. Иван Соболевский, кандидат философии, учитель Крожского училища, 23 лет, Царства Польского, где родители его имеют имение Ломжинской обл., Тыкоцинского уез., Грохи называемое; проводник зеленого союза. Он же был и в обществе филоматов.
42. Викентий Завадзкий, кандидат юриспруденции, 20 лет, Гродненской губ., Волковыского уез., где имеет и фольварок свой, Репля называемый; проводник лилового союза.
43. Игнатий Домейко, кандидат философии, 21 лет, Гродненской губ., Новогродского уез., где имеет имение Недзвядки называемое; секретарь розового союза. Он же был и в обществе филоматов.
44. Иван Юндзилл, кандидат юриспруденции, 21 лет, Гродненской губ., Слонимского уез., где имеет имение Добромысль.
45. Михаил Ширма, кандидат юриспруденции, 22 лет, Гродненской губ., Слонимского уез., где имеет имение, Споров.
46. Яков Ягелло, кандидат философии, 28 лет, Виленской губ. и уез., нет за ним никакого имения; советник голубого союза.
47. Ксендз Калесанты Львович, магистр философии, префект Полоцкого ксендзов пиаров училища, 30 лет, Волынской губ., Дубенского уез., нет за ним никакого имения; проводник розового союза.
48. Ксендз Матвей Бродович, кандидат юриспруденции, учитель Полоцкого ксендзов пиаров училища, Волынской губ., Житомирского уез., нет за ним никакого имения; проводник лилового союза.
49. Северин Корсак, кандидат юриспруденции, 24 лет, Минской губ., Пинского уез., где состоит за отцом его имение Гошаны.
50. Эмерик Станкевич, 21 лет, Виленской губ., Упитского уез., нет за ним никакого имения, кроме 3000 руб. сер. по записи отца; секретарь алого союза.
51. Руфин Юндзилл, студент юриспруденции, 22 лет, Гродненской губ., Слонимского уез., где состоит за родителями его имение.
52. Граф Осип Тышкевич, студент философии, 21 лет, Минской губ., Борисовского уез., где имеет собственное имение Плещеницы.
53. Франциск Морже, кандидат юриспруденции, 22 лет, уроженец Царства Польского, воспитывался с малолетства Виленской губ., Россиенского уез., у дяди своего уже умершего ксендза плебана вилькиского Ясенского, имения никакого не имеет.
54. Константин Вержбицкий, кандидат юриспруденции, 22 лет, Минской губ. и уез., где состоит за роди-

телями его имение Вяжинка.
55. Ксаверий Турский, 22 лет, Гродненской губ., Лидского уез., где состоит за ним и его имение.
56. Иван Загорский, студент философии, 21 лет, , Гродненской губ., Новогродского уез., где имеет имение Русоцин.
57. Адам Куровский, 21 лет, Минской губ., Вилейского уез., где состоит за родителями его имение.
58. Станислав Марцевский, архивариус Правительственной Комиссии Царства Польского в отделении религии и просвещения, 22 лет, Виленской губ., Тельшевского уез., нет за ним никакого имения; секретарь голубого союза.
59. Станислав Козакевич, кандидат юриспруденции, 22 лет, Минской губ., Дисенского уез., нет за ним никакого имения; проводник лилового союза.
60. Станислав Маковецкий, 21 лет, Могилевской губ., где состоит за родителями его имение.
61. Степан Маковецкий, 17 лет, Могилевской губ., где состоит за родителями его имение.
62. Наполеон Новицкий, студент философии, 23 лет, Минской губ., нет за ним никакого имения; советник розового союза.
63. Александр Крущинский, кандидат юриспруденции, 21 лет, Волынской губ., Островского уез., где состоит за родителями его имение Вальке.
64. Федор Лозинский, кандидат философии, 28 лет, Волынской губ., Житомирского уез., нет за ним никакого имения; проводник розового союза. Он же был и в обществе филоматов.
65. Элиаш Осташевский, студент по части юриспруденции, 23 лет, Волынской губ., Новоград-Волынского уез., где за родителями его состоит имение.
66. Франциск Малевский, магистр юриспруденции, Виленской губ., сын б. Ректора Виленского университета статского советника Малевского; вице-президент общества филаретов. Он же был и в обществе филоматов.
67. Мариан Пясецкий, кандидат юриспруденции, 28 лет, родом из Галиции, за ним нет никакого имения; проводник белого союза.
68. Яков Гродковский, кандидат философии, 17 лет, Виленской губ., Вилкомирского уез., где состоит имение за родителями его.
69. Осип Громович, 19 лет, Киевской губ., Таращанского уез., нет за ним никакого имения.
70. Карл Муйсхель, магистр медицины, 24 лет, Виленской губ., Трокского уез., где состоит имение за родителями его.
71. Фортунант Юревич, кандидат философии, 22 лет, Киевской губ., Таращанского уез., где состоит имение за родителями его.
72. Дамасий Кочан, 21 лет, Виленской губ., Ковенского уез., нет за ним никакого имения.
73. Урбан Грудзинский, 22 лет, Гродненской губ., Пружанского уез., сын ксендза униатского вероисповедания.
74. Викентий Будревич, 29 лет, Виленской губ., Ковенского уез., нет за ним никакого имения; советник алого союза. Он же был и в обществе филоматов.
75. Юстин Ромуальд Поль, кандидат юриспруденции, 23 лет, Виленской губ., имеет небольшой денежный капитал.
76. Казимир Хржщонович, кандидат философии 26 лет, Минской губ., нет за ним никакого имения.
77. Франциск Пиотровский, 23 лет, Виленской губ., Тельшевского уез., нет за ним никакого имения.
78. Циприан Дашкевич, кандидат юриспруденции, 21 лет, Белостокской обл., нет за ним никакого имения; секретарь белого союза.
79. Ксаверий Тарасевич, кандидат философии, 20 лет, Минской губ. и уез., нет за ним никакого имения.
80. Пётр Дершков, кандидат философии, 22 лет, Минской губ. и уез., где состоят за ним имения Малявки и проч.
81. Владислав Гейдатель, 18 лет, Белостокской обл., Дрогицкого уез., где состоит за родителями его имение Круница.
82. Иван Мишкель, 24 лет, Царства Польского, воеводства Августовскаго, нет за ним никакого имения.
83. Николай Яблонский, студент философии, 29 лет, Белостокской обл., Бельского уез., где состоит за ним фольварок Заводы.
84. Циприан Казимирский, 21 лет, Минской губ., Борисовского уез., где состоит за ним имение.
85. Ипполит Држевицкий, кандидат философии.
86. Виктор Држевицкий, студент по части юриспруденции, Виленской губ. и уез., где состоит за родителями их имение Цехановишки.
87. Константин Гноинский, 22 лет, Гродненской губ., Новогродского уез., нет за ним никакого имения.
88. Павель Воельк, магистр философии и лекарь I-го класса, 24 лет, из гор. Вильна, где родители его имеют каменный дом и аптеку; советник синего союза.
89. Иван Цвикмоч, кандидат философии, 25 лет, Виленской губ., Упитского уез., нет за ним никакого имения.
90. Станислав Моравский, доктор медицины, 23 лет, Виленской губ., Ковенского уез., где состоит за родителями его имение, Устроне называемое; проводник синего союза.
91. Юрий Фронцкевич, 27 лет, Виленской губ., Завилейского уез., нет за ним никакого имения.
92. Серафим Загоровский, кандидат философии, 26 лет, Виленской губ. и уез., нет за ним никакого имения.
93. Адриан Эйтмин, студент философии, 24 лет, Виленской губ., Трокского уез., нет за ним никакого имения.
94. Александр Пимяр, 23 лет, родом из Вильны, родители его имеют в Виленском уезде имение, Мицкуны называемое.
95. Франциск Шемиот, 22 лет, Виленской губ., Шавельского уез., где состоят имения за родителями его.
96. Осип Станишевский, кандидат философии, 20 лет, Могилевской губ., Сенского уез., где состоит за ним имение Говари.
97. Николай Родкевич, 27 лет, Гродненской губ., Лидского уез., нет за ним никакого имения.
98. Доминик Ходзько, студент философии, 24 лет, Виленской губ. и уез., нет за ним никакого имения.
99. Геркулиан Абрамович, юнкер лейб-гвардии Подольского кирасирского полка, 18 лет, Виленской губ. и уез., где состоит за отцом его имение Рындзюны. Состоит и ныне на службе в том же полку.
100. Николай Козловский, учитель Житомирского училища, Волынской губ.
101. Осип Ходзько, свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части прапорщик, 23 лет, Минской губ., Вилейского уез., где состоит имение отца его, б. Председателя Минского главного суда; проводник голубого союза. Находится и ныне на службе в той же свите.
102. Генрих Ромер, студент философии, 21 лет, Виленской губ., Трокского уез., где состоят имения за отцом его действительным статским советником.
103. Константин Залеский, студент философии, 23 лет, Виленской губ., Россиенского уез., где родители его

имеют имение Велиону.
104. Викентий Бобинский, кандидат юриспруденции, 26 лет, Гродненской губ., Кобринского уез., где состоит имение за родителями его.
105. Осип Шесткевич, студент юриспруденции, 29 лет, Виленской губ., Россиенского уез., где состоит имение за родителями его.
106. Бруно Шемиот, кандидат философии, юнкер лейб-гвардии конной артиллерийской роты, 22 лет.
107. Игнатий Шемиот, кандидат философии, юнкер лейб-гвардии конной артиллерийской роты, 20 лет, Гродненской губ., Кобринского уез., где состоит за родителями их имение Илоск.
108. Доминик Орлицкий, юнкер 1-ой конной артиллерийской роты, 21 лет, Минской губ., Речицкого уез., где состоит имение за родителями его.
Все они (№№103-108) находились в Санкт-Петербурге. Для отобрания от них ответов, сообщены были вопросные пункты С.-Петербургскому г. военному генерал-губернатору графу Милорадовичу, но по Высочайшему повелению, на всеподданнейший об них доклад графа Милорадовича последовавшему, все они высланы для допросов в Вильну.
Оговоренныя, но не вступившия в общество:
109. Адам Мицкевич, кандидат философии, б. Учитель Ковенского училища, 24 лет, Гродненской губ., города Новогродка, где имеет дом с землею. Он сознался, что находился членом в обществе филоматов, а не будучи якобы членом филаретов, бывал иногда на заседаниях их.
110. Викентий Игнатович, кандидат юриспруденции, 25 лет, Могилевской губ., Себежского уез., нет за ним никакого имения.
111. Юстин Цецерский, 18 лет, Белостокской обл., где состоят имения за отцом его, областным маршалом Цецерским.
112. Осип Ежовский, кандидат философии, 30 лет, Киевской губ., Васильковского уез., нет за ним никакого имения. Он сознался, что находился членом в обществе филоматов, а не будучи якобы членом филаретов, бывал иногда на заседаниях их.
113. Адам Коцевич, 23 лет, Гродненской губ., Пружанского уез., сын ксендза униатского исповедания.
114. Рафаил Слизень, 19 лет, Гродненской губ., Новогродского уез., где родители его имеют имение Бортники.
115. Эдуард Поляновский, 18 лет, Минской губ., Слуцкого уез., нет за ним никакого имения.
116. Игнатий Янушевский, кандидат философии, 20 лет, из г. Вильна, нет за ним никакого имения.
117. Федор Милаковский, 23 лет, Волынской губ., Ковельского уез., сын униатского священника.
118. Михаил Рукевич, кандидат юриспруденции, 28 лет, Белостокской обл., нет за ним никакого имения.
119. Болеслав Контрым, кандидат юриспруденции, Волынской губ. и уез., сын коллежского советника Контрыма, владельца Интурского староства.
120. Константин Кельнер, кандидат юриспруденции, 21 лет, Белостокской обл., сын советника тамошнего областного Правления, нет за ним никакого имения.
121. Наполеон Ширин, 20 лет, Минской губ., Десенского уез., где состоит имение за родителями его.
122. Карл Микульский, кандидат философии, Волынской губ., нет за ним никакого имения.
123. Иван Гродковский, 15 лет, Виленской губ., Вилкомирского уез., где состоит имение за родителями его.
124. Адам Лыщинский, 18 лет, Белостокской обл., где состоит за родителями его имение Марковщизна.
125. Мартин Жилинский, 26 лет, Минской губ. и уез., где родители его имеют собственную землю.
126. Иван Гациский, 21 лет, Гродненской губ., Новогродского уез., родители его имеют в г. Вильне каменный дом.
127. Игнатий Тарлецкий, кандидат юриспруденции, 25 лет, Минской губ., Пинского уез., где состоит за ним имение.
128. Карл Каминский, 23 лет, Минской губ. и уез., нет за ним никакого имения.
129. Антоний Зенович, 25 лет, Виленской губ., проживает в г. Вильне, нет за ним никакого имения.
130. Онуфрий Петрашкевич, кандидат философии, 30 лет, Минской губ., нет за ним никакого имения. Он сознался, что он был токмо членом в обществе филоматов.
131. Карл Ентз, кандидат философии, учитель Кременецкой лицеи, 25 лет, Волынской губ., города Кременца, где имеет свой дом.
132. Адам Фердинанд Адамович, доктор медицины, 22 лет, из г. Вильна, нет за ним никакого имения.
133. Юрий Мицкевич, Гродненской губ., Новогродского уез., имеет дом в г. Новогродке.
134. Антоний Пташинский, 20 лет, Подольской губ., где состоит имение за родителями его.
135. Граф Осип Плятер, 23 лет, Виленской губ., Россиенского уез., где состоит за ним имение.
Неотысканные:
136. Ходорович.
137. Дзеконский.
138. Порембский Викентий.
139. Леваль.
140. Ванькович.
141. Вержболович.
142. Жилинский.
По причине отлучки из Вильны и непоказания оговорившими в принадлежании к обществу филаретов имен тех учеников, полиция не успела еще по принятым мерам открыть мест пребывания их; а основатель общества Зан утверждает, что Ванькович, Вержболович и Жилинский не принадлежали к тому обществу.
143. Новицкий Фаддей.
144. Гамликевич Николай.
145. Григорович Август.
146. Григорович Фаддей.
По сведениям, ныне токмо городскою полициею собранным, оказывается, что они уроженцы Минской губернии. О Григоровичах основатель общества Зан утверждает, что один из них, не помнит который, не принят в общество.
147. Слежановский, Могилевской губернии.
148. Горайн Ян,
149. Славинский Ксаверий,
150. Петкевич Доминик,
151. Замацкий Михаил,
Виленской губернии. Горайн, как полиция доносит, находится в С.-Петербурге в кадетском корпусе.
152. Папроцкий Людовик
153. Ярмолович Иван. } Гродненской губ.
154. Крековицкий Иван.
155. Красицкий, Киевской губ.; о Красицком основатель общества Зан утверждает, что был принят, но не введен в общество.
156. Дольнер Франциск, Волынской губернии.
157. Жебровский Фаддей, Подольской губернии.
158. Борисевич, Витебской губернии.
159. Князь Огинский Ксаверий, находится в Царстве Польском, но неизвестно, в каком, именно, месте; основатель общества Зан утверждает, что к оному не

принадлежал.
160. Гинет Виктор, уроженец Царства Польского, воеводства Августовского.
161. Попейко, находится в Грузии полковым лекарем, неизвестно в каком полку.
162. Станкевич, поступил в Грузии полковым лекарем, неизвестно в каком полку.
163. Шидловский Викентий.
164. Замайский Генрих.
165. Буткевич Фома.
166. Пржецишевский Каетан,
волею божею померли, а последний из них Пржецишевский, еще 26 октября 1823 года, в имении отца своего Груздшках, состоящей в Виленской губернии, в Россненском уез., запершись в комнате своей, застрелился, оставя брату своему письмо, в котором прощаясь сказал, что им оставляет печаль, а для себя делает величайшее удовольствие.

К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодёжи в 1819-1823 гг. - Варшава. - 1898.

P.S. В этом списке встречаются ошибки. Например, Юзеф Ежовский "постарел" на 4 года. Трудно сказать, кто ошибся: следователь, писарь или издатель списка, историк Фёдор Вержбовский. Однако самым интересным в списке является то, что в нём присутствуют два Юзефа (Осипа) Ежовских: под №12 (19 лет, Мозырский уезд) и №112 (30 лет, Васильковский уезд). Является ли случайностью и то, что их порядковые номера отличаются ровно на 100? Похоже, что писарь тут что-то напутал. Возможно, ошиблись и в том, что Кароль Микульский (№122) родом с Волынской губернии.

А. ИЛЬИН

Основные научные статьи А. Ильина:

1. Андрій Рачинський – вчитель Максима Березовського – В кн.: Витоки творчості Максима Березовського. – Глухів.- 1995. – с. 30-33.
2. Трагічна доля українських співаків придворной співацькоі капели. – Там же. – с. 37-38.
3. Георгий Висоцький – видитний український еколог. – В кн.: Проблемы екологічноі освіти та виховання учнівськоі молоді. – Глухів. – 1995. – с. 90-91.
4. Олександр Маркович – автор "Історіі Русів"?//Сіверянський літопіс. – 1996. - №6. – с. 104-105.
5. Пакт "Катерина II – Иосиф II" та "Слово о полку Ігоревим"// Сіверянський літопіс. – 1996.- №4. – с. 55-58.
6. Де ж народився Максим Березовський?// Сіверянський літопіс. –1996. - №6. – с. 104-105.
7. Художне життя Украіны на сторінках щоденника Я. Марковича. – В кн.: Істоіографічна спадщина науки історіі Украіни. – Глухів-Киів. – с. 89-90.
8. Вплив гуртка Я. Марковича на українське державотворення і розвиток національної ідеі. – Там же. – с. 85-87. (В.И. Белашов).
9. Яків Маркович як краєзнавець – В кн.: Історичне краєзнавство і культура. – ч.І. – 1997. – Киів-Харків. – с. 95-98.
10. Деякі штрихи до портретів наказних гетьманів Павла Полуботка та Михайла Миклашевського// Сіверянський літопіс. – 1997. - №3. – с. 95-98.
11. Віденьський конгрес та "Слово о полку Ігоревым"// Сіверянський літопіс. – 1997. - №4. – с. 29-33.
12. Український патріот Євген Вировий// Бористен. – 1997. - №7. – с.5.
13. Український патриот Василь Мирович// Пам'ять століть. – 1997. - №6. – с. 138 – 139 (В.И. Белашов).
14. Чи існував Новгород-Сіверський патріотічний гурток? // Сіверянський літопіс. – 1997. - №6 с.125.
15. Люди старой Сіверщини: Борзаківські. Павло Ладинський. Коробки. Холодовичі та Шрамченки// Сіверянський літопіс. – 1998. - №2. – с.82-92.
16. Духовна лампада християнина Івана Назаровича Тимківського. – В кн.: Виховання молодого покоління на принципах християнськоі моралі в процесі духовного відродження Украіни. – Острог. – 1998. - с.214-216.
17. Невдачливий Федір Туманський// Пам'ять століть – 1998. - №5. – с.135-138.
18. Брестські витоки "Разговора Великороссии с Малороссиею"// Сіверянський літопіс. – 1998. - №6. – с.159.
19. Андрій Боболя і "Тарас Бульба"// Сіверянський літопіс. – 1999. - №1. – с.176.
20. Кто такой Тарновский?// Нёман. – 1999. - №3. – с.152-154.
21. Олександр Безбородько в українській історіі та культурі// Сучасність. – 1999. - №5. – с.152-154.
22. Де шукати витоки білоруськой національной ідеі? // Сіверянський літопіс. – 1999. - №3. – с.140-145.
23. Іван Туманський і Олександр Радищев// Сіверянський літопіс. – 1999. - №5. – с.161-163.
24. Григорий Теплов без легенд. – В кн.: Розвиток освіти і культури Украіни в XVII-XIX ст. – Глухів. – 1999. – с.39-41 (В.И. Белашов).
25. Звідки пішов народ білоруський?// Проблемы славістики. – 1999. - №3-4. с.55-59.
26. Франтишек Богушевич и Конотопщина//Нёман. – 2000. - №3. – с.247-250.
27. Нацыянальнае адраджэньне пачатку XX ст.: беларуска-украінскія повязі// Спадчына. – 2000. - №2. – с.37-57 (М. Гарбачык).
28. Загадка Михайла Бобровського// Слово і час. – 2000. - №4. – с.63-64.
29. Чому не з'явівся білоруський "Кобзар" у середині XIX століття? // Сіверянський літопіс. – 2000. - №2. – с.161-162.
30. Доктор Антон Коллышко – друг Томаша Зана и ученик Адама Мицкевича// Неман. – 2000. - №9. – с. 251-253.
31. Марковічы// Мастацтва. – 2000. - №12. – с.34.

Краеведческие газетные статьи:

1. Іван Мазепа і Глухів// Народна трибуна. - 1994. - №47.
2. Микола Мурашка – художник з Глухова// Народна трибуна. – 1994. - №62.
3. Павло Шлейфер – архітектор// Народна трибуна. – 1994. - №84.
4. Чи народяться у Глухові нові Нарбути, Шапоріни, Ернсти?// Народна трибуна. – 1995. - №16.
5. Друга батьківщина Михайла Максимовича// Народна трибуна. –1995. - №16.
6. Життє та праця Олександра Ющенка// Народна трибуна. –1995. - №31.
7. Маркович з Сваркового– автор "Історіі Русів"?// Народна трибуна. – 1995. - №№41,42,43.
8. Богомаз із Глухова// Народна трибуна. – 1995. - №58.
9. Механік-теоретик з Глухова// Народна трибуна. – 1995. - №69.

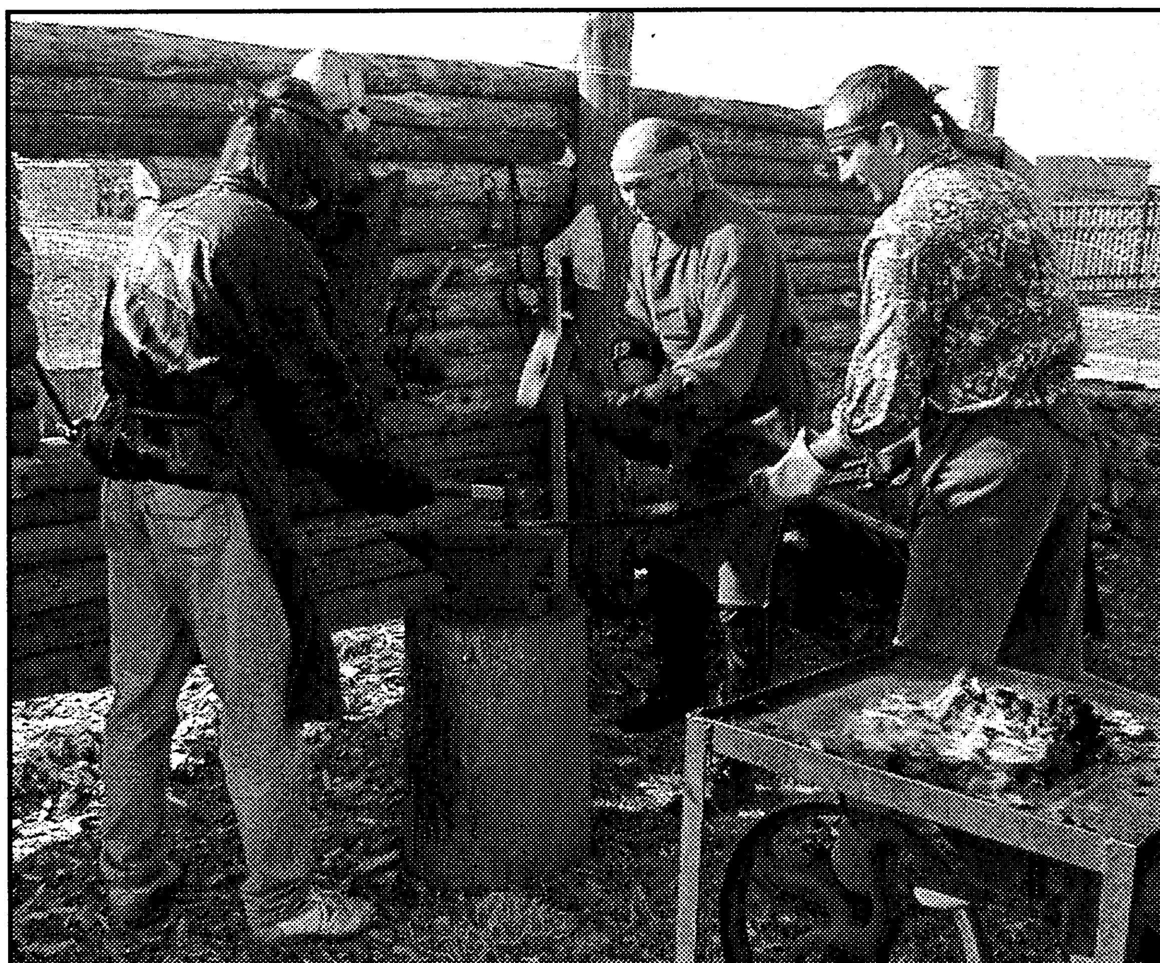
10. Етнограф Олександр Малинка// Народна трибуна. – 1996. - №8.
11. Школярі з Глухова// Народна трибуна. – 1996. - №11.
12. Декабрист Олександр фон дер Бріген// Народна трибуна. – 1996. - №№17,22.
13. Радищев у Глухові// Народна трибуна. – 1996. - №25.
14. Вчителі Онацькі// Народна трибуна. – 1996. – №№69,70.
15. Дорогами пам'яти// Народна трибуна. – 1996. - №83 (М. Гурець).
16. Шляхами убитоі пам'яти (Карпеківка-Масензівка-Нарбутівка)// Народна трибуна – 1996. - №92.
17. Легендарний полководець з Сопича/ Народна трибуна. – 1996. - №94 (В. Раєвський).
18. Карпеки// Народна трибуна. – 1997. - №8.
19. Франсіско де Міранда у Глухові// Народна трибуна. – 1997. - №16.
20. Нестор Городовенко – выхованецьГлухівського учительського інституту// Глухівщина. – 1997. - №23.
21. Пантелеймон Куліш і рідна Глухівщина// Народна трибуна. – 1997. - №24.
22. Глухівська академія наук//Глухівщина. – 1997. - №37.
23. Від Олександра Тищинського до Олександра Терещенка//Глухівщина. - 1997. - №41.
24. Де похований Микола Ханенка// Народна трибуна. – 1997. - №41.
25. Наркис Тарасенко-Отрешков//Глухівщина. - 1997. - №45.
26. Чи відродяться пам'ятки//Глухівщина. - 1997. - №56.
27. Український композитор Павло Сениця//Глухівщина. - 1997. - №63.
28. Кость Зленко – учень Михайла Коцюбинського// Глухівщина. - 1997. - №№60,61.
29. Карпеки і Нарбути// Народна трибуна. – 1997. - №60.
30. Олександр Безбородько в українській історіі// Народна трибуна. – 1997. - №73.
31. Гречулевичі – церковні діячі, освітники і педагоги// Берестейський край. – 1998. - №6.
32. Олексій Мартос у Бересті// Берестейський край. – 1998. - №7.
33. Ще раз про Берестейський мир// Берестейський край. – 1998. - №10.
34. Як українці братам-білорусам допомогали// Берестейський край. – 1998. - №11.
35. Як українські козаки визволяли наш край// Берестейський край. – 1998. - №12.
36. Український мартиролог переговорів у Бересті// Берестейський край. – 1998. - №13.
37. Дмитро Булгаковський – збирач и видавець фольклору пинчуків// Берестейський край. – 1998. - №18.
38. Метаморфоза думок одного поляка// Берестейський край. – 1998. - №19.
39. Де бере початок українська поезія Берестейщини? // Берестейський край. – 1998. - №21.
40. Зигмунт Падлевський і Тарас Шевченка// Берестейський край. – 1998. - №22.
41. Гурток Якова Марковича// Народна трибуна. – 1998. - №41.
42. Поліський Робін Гуд// Глухівщіна. – 1998. - №41.
43. Глухівська селянська республика// Народна трибуна. – 1998. - №51.
44. Як приходив фельдмаршал Кутузов// Народна трибуна. – 1998. - №52.
45. Сваркове – "Мекка" для істориків і археографів. – Там же.
46. Білоруський Грушевський (до 20-річча БНР)// Сіверщіна. – 1998. - №9.
47. Спільним шляхом до незалежності// Берестейський край. – 1998. - №29.
48. Міфы стародавньоі білоруськоі історіі// Берестейський край. – 1998. - №33 (Ільіна А.).
49. Пінськ – колиска поліськой літератури// Берестейський край. – 1998. - №36.
50. Дунін-Марцінкевич і Ольпень. – Там же.
51. Україньский письменник Микола Михаєвич. – Там же.
52. Загадки пінськоі школи архітектури. Там же.
53. Український князь – полководець ВКЛ?. – Там же.
54. Пинчук – супротивник Суворова// Берестейський край. – 1998. - №40.
55. Князі Друцькі-Любецькі. – Там же.
56. Математик і філософ з Полісся. – Там же.
57. Перші історики Пинщини. – Там же.
58. Останній пинський князь і осередок при його дворі. – Там же.
59. Ще один історик Пинська. – Там же.
60. Поліський Єрусалим. – Там же.
61. Пинський Апостол і "Тарас Бульба". – Там же.
62. Герой поеми "Пан Тадеуш". – Там же.
63. Загадка Михайла Бобровського// Берестейський край. – 1998. - №44.
64. Пинський Сковорода// Берестейський край. – 1999. - №2.
65. Мандрівники про Пинськ. – Там же.
66. Історія кількох містифікацій. – Там же.
67. Скирмунти. – Там же.
68. "Потоп" на Пинщині. – Там же.
69. Землемір Лаврін Война. – Там же.
70. Хто вони герої вірша Франца Савіча? – Там же.
71. Церковні діячі з Глухівщини//Народна трибуна. – 1999. - №8.
72. Вивчайте і бережить свою унікальну культуру// Берестейський край. – 1999. - №3.
73. Падарунак Астрожскай акадэміі//Народная трыбуна. – 1999. - №9.
74. Хто все ж написав "Енеіду навиворіт" і "Тараса на Парнасі"?// Берестейський край. – 1999. - №9.
75. Брестська Біблія – предтеча Острозькоі? // Берестейський край. – 1999. - №11.
76. Нові приклади взаємин// Берестейський край. – 1999. - №12.
77. Відлучення від Украіни// Берестейський край. – 1999. - №14.
78. Князь Святополк-Четвертинский и три поэта// Брестский курьер. – 1999. - №35.
79. Хто такі І. Цытовіч?// Наша Ніва. – 1999. - №21.
80. Братья Харламповичи// Брестский курьер. – 2000. - №5.
81. Леў Кавелін на Берасцейшчыне//Народная трибуна. – 2000. - №5.
82. Годовщина битвы под Грюнвальдом// Брестский курьер. – 2000. - №29.
83. 650 лет со дня рождения великого князя Литовского Витовта. – Там же.
84. Константин Паприц, землемер и статистик. – Там же.
85. Дмитрий Ломачевский, воспитанник Дворянского полка. – Там же.
86. Гоголь и Полесье. – Там же.
87. Король Александр и Каменец// Брестский курьер. – 2000. - №32.
88. Брестский произвол// Брестский курьер. – 2000. - №37.
89. Скарына і Берасце// Народная трыбуна. – 2000. - №39.

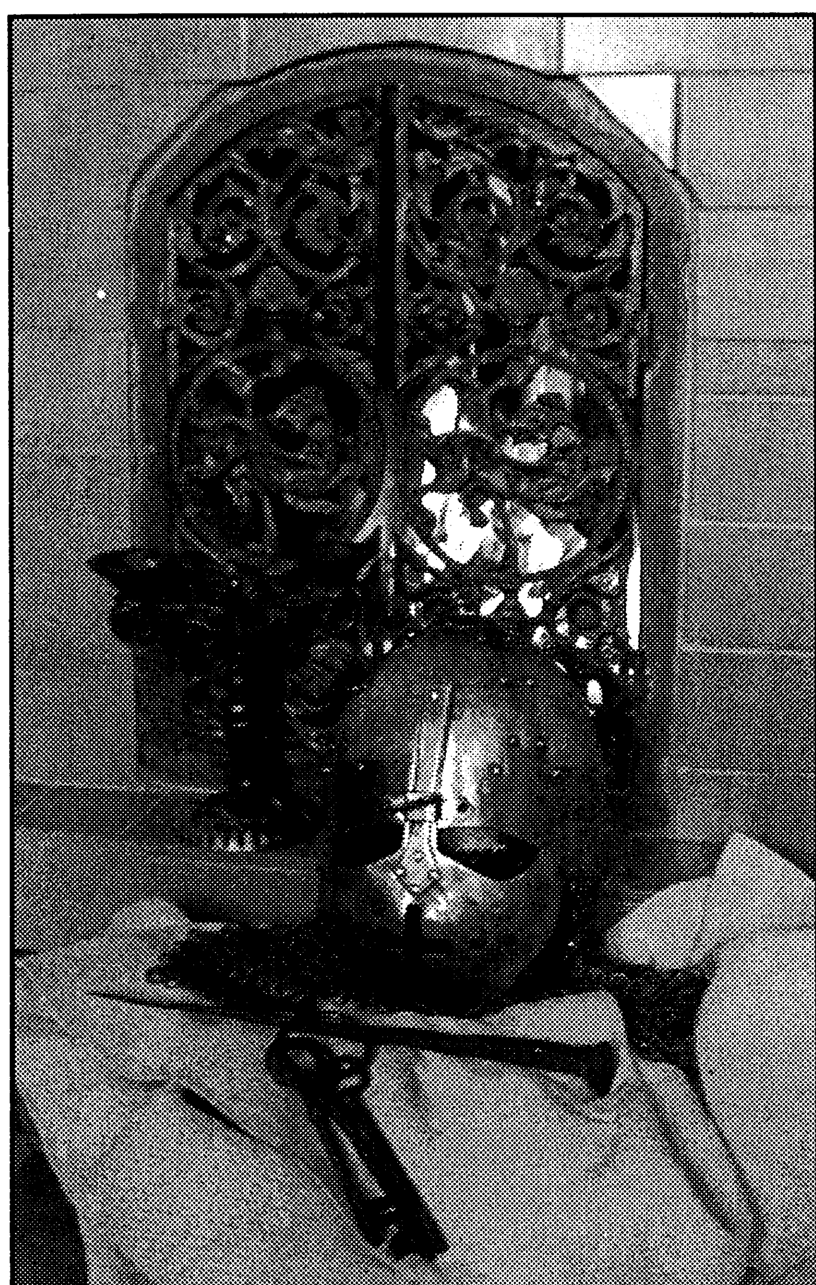
ТРАДЫЦЫЯ ЯКАСЦІ!

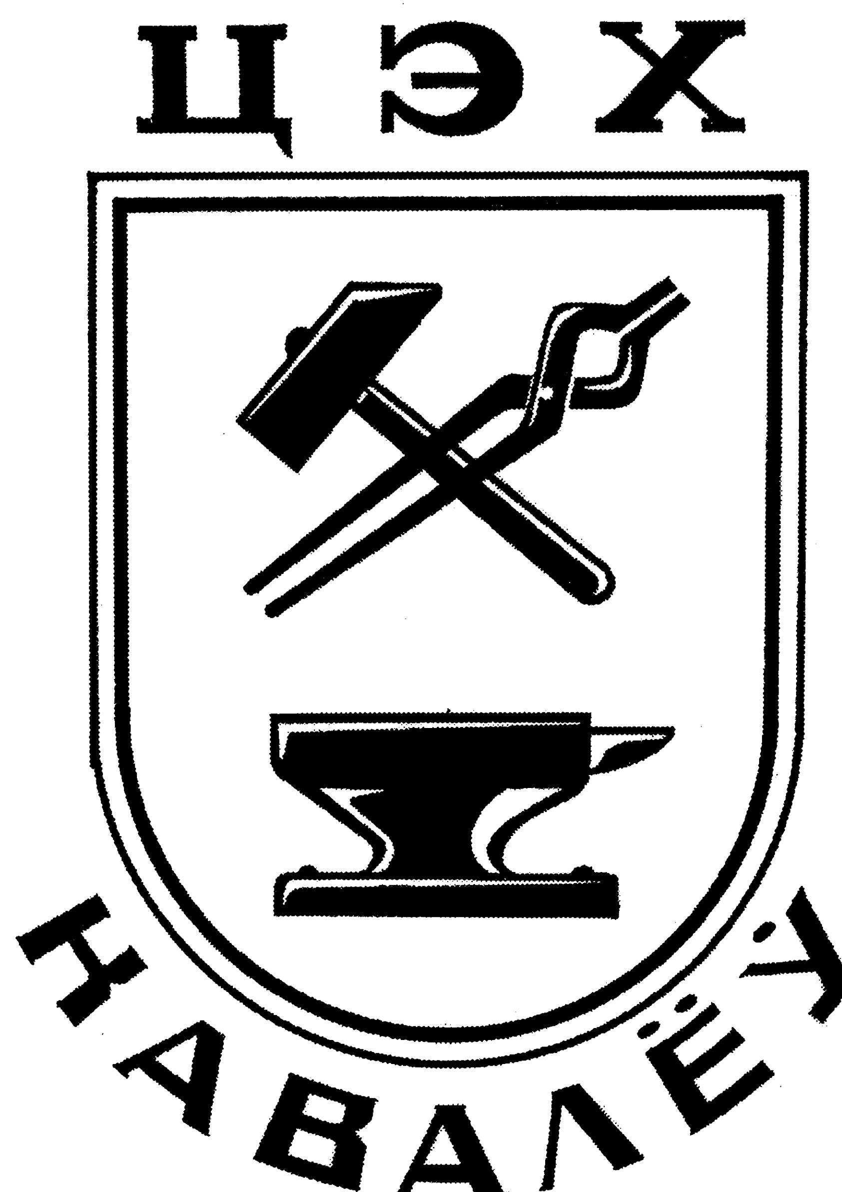
Пасля пабудовы Ерусалімскага храма выпрашыў цар Саламон аддзячыць сваіх майстроў, запрасіў іх на пір. І прапанаваў майстрам выбраць лепшага сярод іх, каб у знак гонару і пашаны заняў ён на час піру царскі трон. Тут са свайго месца падняўся каваль і, нікому нічога не гаворачы, сеў на трон. У цара заняло дух ад такой нахабнасці. “Хто ты такі?” – толькі і змог вымавіць ён. Каваль жа звярнуўся да плотніка: “Хто табе зрабіў інструмент?” – “Ты!”, звярнуўся да каменшчыка – “Ты!”, звярнуўся да страхара – і зноў пачуў тое самае…

Майстар Барыс

І згадзіўся тады мудры цар з кавалём...







Кантактны адрас:
225230, Брэсцкая вобл., Бярозаўскі р-н,
в.Першамайская, вул.Друшчыца, 37
Тэл. 8 (01643) 58-4-66
E-mail: curier@km.ru

Чалавеку, які валодае мінулым,
належыць будучыня.

Дж. Оруэл

Наступіла трэцяе тысячагоддзе, адышла ў мінулае цэлая эпоха і мы радыя, што разам з Вамі пераадолелі гэты рубеж.

Хочацца верыць, што дзесьці там, у дваццатым стагоддзі, засталіся ўсе нашыя нягоды, няўдачы, расчараванні, а наперадзе чакае ўсё самае лепшае, чыстае, добрае.

І сёння мы – усе, хто працуе над "Гістарычнай Брамай", прадстаўляем яе Вам ужо як паўнавартасны часопіс. Новае тысячагоддзе вымагае новых патрабаванняў да якасці матэрыялаў, да якасці паліграфіі. "Гістарычная Брама" у меру сваіх магчымасцяў імкнеццца ісці ў ногу з часам, імкнецца да дасканаласці. Пачаўшы з нуля, усе чатыры гады існавання бюлетэня-дайджэста, мы старанна працавалі: збіралі матэрыялы, апрацоўвалі іх, вучыліся выдавецкай справе. Затрачаны час не прапаў дарэмна – гэта вы можаце ацаніць, гартаючы сённяшні наш нумар. І яго выхад мне падаецца сімвалічным – нараджэнне новага стагоддзя, новага тысячагоддзя, новага часопіса.

Разам з тым сутнасць "Гістарычнай Брамы" не змянілася – мы па-ранейшаму працуем для людзей, у якіх не згасла іскарка дапытлівасці, якія цікавяцца гісторыяй роднага краю, шануюць сваю спадчыну, для даўніх чытачоў "Брамы" і для тых хто бачыць яе ўпершыню.

Часопіс і далей будзе кіравацца сваімі асноўнымі прынцыпамі: дакладнасць, непрадузятасць, рознабаковасць інфармацыі; як і раней, прыярытэты будуць аддавацца эксклюзіўным матэрыялам, шмат увагі будзе ўдзяляцца "белым плямам" нашай гісторыі, недаследаваным яе старонкам.

Сённяшні наш нумар можна назваць аўтарскім нумарам вядомага берасцейскага краязнаўцы-даследчыка Аляксандра Ільіна. Прысвечаны ён падзеям першай паловы XIX стагоддзя. Дзекабрысты, паўстанне 1830-31 гг., філаматы і філарэты – розныя каляровыя шклінкі асоб і падзей воляй аўтара склаліся, як у калейдаскопе, у своеасаблівы ўзор, а аб'яднала ўсё гэта – зямля, дзе мы жывем, – Берасцейшчына.

Вы можаце быць незгоднымі з некаторымі артыкуламі, гіпотэзамі. Гэта нармальная з'ява. У такім выпадку мы цэнім Вас як думаючых і дасведчаных людзей і нам хацелася б пачуць вашыя аргументы, меркаванні, ідэі. З задавальненнем Вас выслухаем, гэта будзе для нас узаемакарысна . Пішыце, і да новых сустрэч!

Спадзяюся, што вашае жыццё з "Гістарычнай Брамай" будзе больш цікавым.

Мікалай Сінкевіч

Анонс №2(19) 2001 г.:

- Древнерусский период истории Берестейщины глазами разных историков.
- Новая концепция происхождения Руси, согласно которой Тмутаракань находилась на Подлясье-Берестейщине.
- Существовало ли Сарматское море-озеро?
- История сёл Спорово, Здитово и др.
- Кто был похоронен в подземельях картезианского монастыря в Берёзе?
- Картезианские монастыри в современном мире

и другие материалы по истории и культуре Берёзовщины.

Гістарычная БРАМА
Гісторыка-краязнаўчы часопіс

Выдавец і рэдактар
Мікалай Сінкевіч

Мастак
Анатоль Маразюк

Адрас рэдакцыі:
Рэспубліка Беларусь,
225210, Брэсцкая вобл.,
г. Бяроза, а/с12
Тэл. (01643) 5-80-87
E-mail: curier@km.ru

Надрукавана з
арыгінал-макету заказчыка

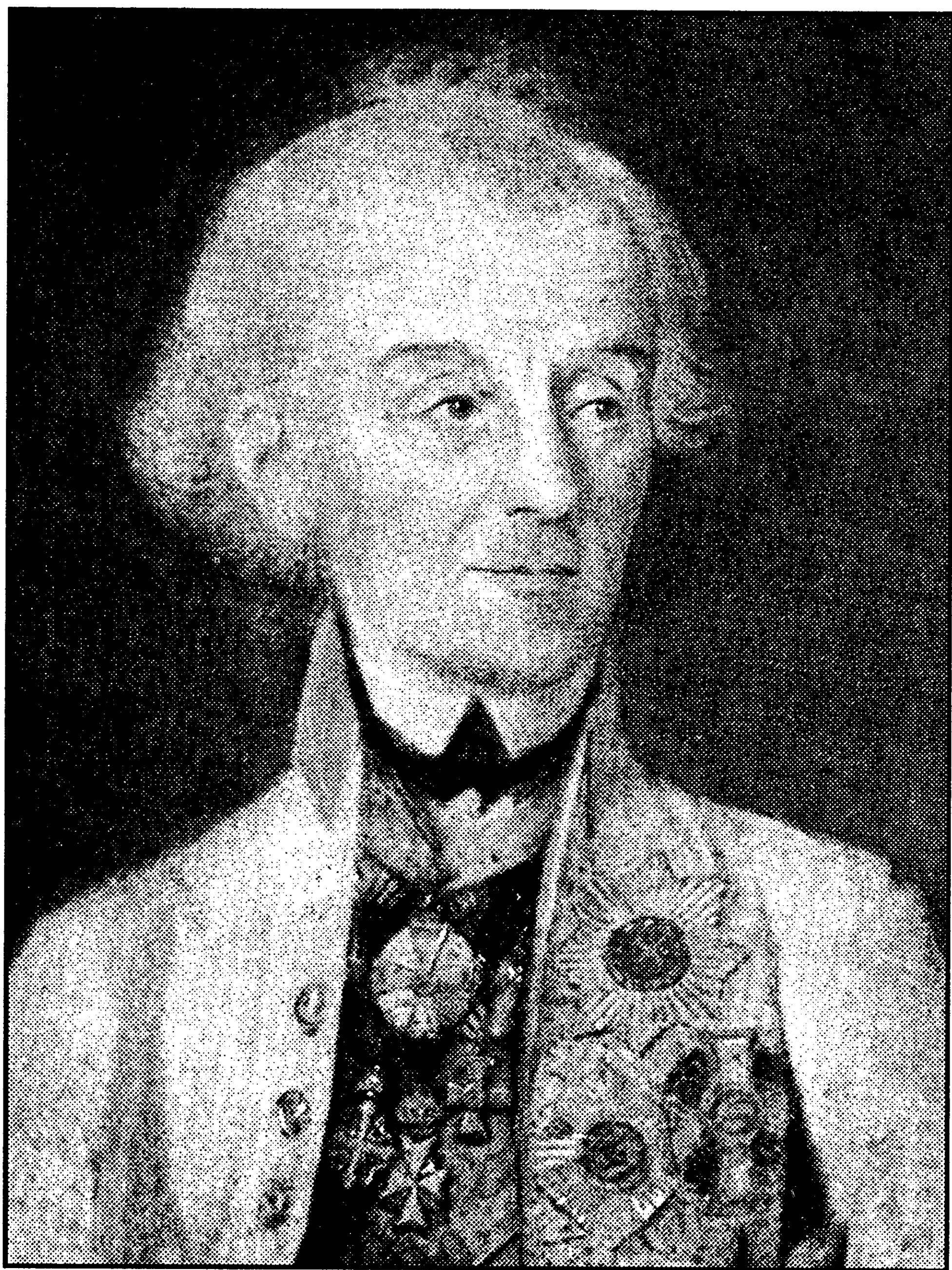
Падписана ў друк:
11.04.2001 г.
Фармат 60x84$^{1}/_{8}$
Друк афсетны
Папера афсетная
Ум. друк. арк. 5,13
Ул. выд. арк. 6,86
Тыраж: 299 ас.
Нумар замовы: 49
Надрукавана ў ТАА
"Брэсцкая друкарня"
224013, Брэст, пр-т Машэрава, 75
Ліц. ЛП№79 ад 18.04.2000

Распаўсюджваецца бясплатна

На 1-й старонцы вокладкі:
Працэсія ў гонар дзекабрыстаў у рэвалюцыйнай Варшаве 25 студзеня 1831 года. Акварэль А. Унехоўскага.
Паўстанцы.

ЗМЕСТ

1794 год на Берасцейшчыне



Сувораў Аляксандр Васільевіч (1730-1800), расійскі палкаводзец, генералісімус (1799), граф Рымнікскі і Свяшчэннай Рымскай імперыі (1789), князь Италійскі (1799).

Касцюшка Андрэй Тадэвуш Банавентура (1746-1817), кавалер ордэнаў Цынцынаці (1783), Virtuti Militari (1792), генерал, ганаровы грамадзянін Францыі (1792) і ЗША.

Аляксандр Сувораў і Тадэвуш Касцюшка, пераможца непрыступнага Ізмаіла і будаўнік непераадольных фартыфікацый у ЗША часоў вайны за незалежнасць, пераможца 90-тысячнай турэцкай арміі ў Рымнікскім баі і адзін з айцоў бліскучай перамогі пад Саратогай. Абодва – салдаты, абодва – героі, абодва – геніі вайны...

Лёс зрабіў іх ворагамі. 1794 год паставіў іх да бар'еру, вымусіў памерацца сілай, талентам і магчымасцямі. Камандзіру 12000-га корпуса і "Вышэйшаму і адзінаму начальніку ўзброеных сіл Рэчы Паспалітай" давялося сутыкнуцца і тут – на Берасцейшчыне.

Чытайце ў адным з наступных нумароў:

- Т.Касцюшка і А.Сувораў – непрадузяты погляд;
- малавядомыя даведкі з біяграфіяў ;
- падрабязнае апісанне ходу баявых дзеянняў 1794 г. на Берасцейшчыне;
- знакамітыя ўдзельнікі паўстання 1794 г.;
- а таксама: падзеі Барскай канфедэрацыі 1768-72 гг. на Берасцейшчыне і шмат іншых матэрыялаў.

Запрашаем да супрацоўніцтва ўсіх зацікаўленых гэтымі тэмамі. З прапановамі, а таксама па пытаннях набыцця часопіса, звяртацца па адрасе:

225210, Брэсцкая вобл., г. Бяроза, А/С 12
E-mail: curier@km.ru